

АКАДЕМИЯ МАГИИ

АННА ГАВРИЛОВА
НАТАЛЬЯ ЖИЛЬЦОВА

АКАДЕМИЯ СТИХИЙ
ТАНЕЦ ОГНЯ

Annotation

Я никогда не мечтала о других мирах и магии. Да и не верила во все это. Моей главной целью было закончить универ и стать хорошим экономистом. Но судьба распорядилась иначе. Кто-то из жителей Полара решил, что у меня есть магический дар, и вот я здесь, на факультете Огня в Академии Стихий. Против воли. Без вещей, денег и документов. И почти без шансов вернуться домой. Но это еще не все... В академии я стала изгоем только за то, что иномирянка. И без поддержки одного странного призрака и малютки-твира пришлось бы совсем худо. По факту — мне объявили войну. И я приняла вызов. Потому что иначе было нельзя, потому что девушки с Земли не сдаются!

- [Анна Гаврилова](#)
    - [Глава первая](#)
    - [Глава вторая](#)
    - [Глава третья](#)
    - [Глава четвертая](#)
    - [Глава пятая](#)
    - [Глава шестая](#)
    - [Глава седьмая](#)
    - [Глава восьмая](#)
    - [Глава девятая](#)
    - [Глава десятая](#)
    - [Глава одиннадцатая](#)
    - [Глава двенадцатая](#)
    - [Глава тринадцатая](#)
    - [Эпилог](#)
-

Анна Гаврилова
Наталья Жильцова
ТАНЕЦ ОГНЯ

Глава первая

Я открыла тетрадь и невольно поморщилась. Опять! Опять кто-то эту дрянь мне подсунул! Шутники, блин. И ладно бы шутка хорошая или новая, а то ведь то же самое, по десятому кругу.

Между страниц с конспектом по макроэкономике лежал конверт из плотной бумаги. И даже не нужно ломать восковую печать, чтобы узнать, что там: за последний месяц я это послание наизусть выучила!

Написанное каллиграфическим почерком с оригинальными завитушками сообщение гласило:

«Дорогая Дарья Андреевна,
сим уведомляю, что вы приняты на первый курс факультета
Огня Академии Стихий.

Настоятельно рекомендую завершить текущие дела и
подготовиться к переходу.

С ув. главный секретарь ректората

Академии Стихий

Сорис Жавская»

Жабская, блин!

Я схватила конверт и со злостью смяла в кулаке. Сашка, которая сидела рядом и, как и я, делала вид, будто готовится к лекции, понятливо хмыкнула.

— Даш, да ладно тебе, — протянула подруга. — Еще пара писем и им точно надоест.

В другой раз я бы с ней согласилась, но не сегодня.

Просто настроение и без того дерьмовым было: утром с домашними переругалась, потом на маршрутку опоздала. В метро все ноги отдавили, а едва вышла — какой-то козел на черном «Хаммере» грязью окатил. И теперь вот эта тупая писулька.

Я встала и окинула аудиторию хищным взглядом.

— Даш, ну успокойся, — вновь попыталась урезонить Сашка.

Но я успокоиться не могла. Более того — не желала! А когда увидела сидящую на «галерке» компанию, озверела окончательно.

Жека, Фим и Анатолий! Они же Шараш, Факсимильян и Арес. Наши, чтоб их черти сожрали, ролевики. Кто, кроме них, мог настолько дурацкий розыгрыш придумать? Вот и я думаю, что никто!

Гордо расправив плечи, я шагнула в проход. Столь же гордо вздернув подбородок, взбежала по узкой лестнице и остановилась перед неразлучной троицей.

— Совсем озверели? — прорычала я, склоняясь над столом.

Парни, которые в этот момент о чем-то спорили, заткнулись и дружно вытаращились на меня.

— Лукина, ты чего? — Фим, он же Факсимильян, опомнился первым.

Вместо ответа сунула однокласснику под нос кулак с зажатым в нем конвертом.

— Э-э? — протянул Фим.

Притворялся он, надо сказать, очень качественно, но я на такие разводки не ведусь.

— Вы достали! — прошипела я тихо. — Вы... вы...

— Лукина, успокойся, — ожил Арес.

Ловко выдернув из моих пальцев конверт, парень разгладил его и нахмурился, внимательно рассматривая надпись. И вскрывать конверт не спешил. В общем, играл так, что Станиславский, безусловно, поверил бы. Но не я!

— Даш, а что там? — наконец, любопытствовал он.

— А то не знаешь! — Я, вопреки желанию, сорвалась на визг.

— Не. — Арес помотал головой. — Не знаю.

Станиславский опять верил, а я ни капли. Выхватив и снова смяв конверт, я прорычала:

— Еще одно письмо, и я вас урою!

— А причем тут мы? — нахмурился Жека.

— Да притом, что...

Закончить мне не дали. Во-первых, прозвенел звонок. Во-вторых, за спиной, как по мановению волшебной палочки, возникла наша староста Лидочка Сидянская и пропищала:

— Лукина, тебя в деканат вызывают. Срочно.

Я вздрогнула. Злость как рукой сняло. В деканат? Меня? Ох, черт!

Оборачивалась медленно, потому что страшно стало. Дело в том, что у меня хвост по вышке с первого курса тянется, и замдекана при последней встрече предупредила: не сдам — хана мне. Вообще, по правилам, меня за этот хвост еще в прошлом семестре с бюджета вышибить должны были...

— Лукина, в деканат, — повторила Сидянская строго.

— На тему? — осторожно уточнила я.

Староста передернула плечами с таким видом, мол, я-то знаю, а сказать не скажу. Мучайся, Лукина! А лучше прямо тут от страха сдохни. И это не преувеличение, нет... Дело в том, что Сидянская меня с самого начала невзлюбила. И два года, с самого первого дня, ненавидит. А все потому, что я у нее парня на первом курсе увела, прямо на дне посвящения. Правда, я на тот момент не знала, что наша тощая Лидочка на Эдика запала... Но, честно признаться, даже если б и знала, вряд ли остановилась.

— В де-ка-нат! — повторила Лидочка по слогам. — Тебя ждут. Сейчас!

Если бы не последняя фраза, я бы сделала вид, будто ничего не случилось. Но если ждут сейчас, то отсиживаться глупо. Уж для кого, а для деканата лекция отмажкой не является. Пришлось поджать губы, окатить Сидянскую презрительным взглядом и бодро поспешить вниз.

Сумку и тетрадь я подхватила буквально на ходу, а в дверях столкнулась с вечно сморкающимся Иван Ивановичем — преподам по макроэкономике.

Иван Иванович отличался редкостным пофигизмом, за что его и любили студенты, так что остановить даже не попытался. Расстроенная, но с виду гордая я вышла в опустевший коридор и, глубоко вздохнув, поплелась к лестнице.

Деканат располагался на третьем этаже именно этого корпуса, так что путь был недолгим. Я с пару минут нерешительно помялась у дверей, но потом, набравшись храбрости, дернула за ручку и мышкой скользнула в образовавшуюся щель.

И тут же услышала:

— Лукина? Наконец-то!

Помощник декана, чей стол располагался аккурат у двери начальства, вяло поднялся и... Он просто не оставил мне шанса! Ни на наводящий вопрос, ни на побег.

— Лукина, входи, — распахнув дверь, скомандовал он.

Взгляду представился большой, очень роскошный кабинет, в котором я была лишь однажды — в прошлом году, когда волею судеб попала в группу, которой выпало поздравлять декана с Днем защитника Отечества.

Так и не успев сказать хоть слово против, я нервно кивнула и вошла.

Дверь тут же захлопнулась, оставляя шокированную меня: в кабинете кроме пухленького Вячеслава Сидоровича находились родители. Мои родители! Здесь!

Что за фигня происходит? Это ведь не школа, в конце концов, чтобы их вызывали!

— А вот и вы... — протянул декан хмуро. Кашлянул, и повторил куда увереннее и строже: — А вот и вы, Дарья Андреевна.

Я сглотнула внезапный комок в горле и сделала шаг вперед. Нет, ну зачем он родителей сюда пригласил? Неужели действительно с бюджета вышибить хочет?

Но декан, как оказалось, обсуждать мои хвосты не собирался. Вместо этого он переплел пальцы и спросил:

— Дарья Андреевна, вы письмо из Академии Стихий получали?

Я не ответила, лишь удивленно вытаращила глаза. Мне ведь послышалось, правда?

— Даш, — окликнула мама, но ее тут же перебил отец.

— Почему ты не сказала? И почему до сих пор здесь? Занятия в академии уже начались.

У меня от такого заявления окончательно челюсть отпала. Тон, который выбрал папа, подогревал ситуацию еще больше — отец был предельно строг.

— Дарья Андреевна, такими вещами не шутят, — вновь заговорил декан. — Вам оказана большая честь, а вы ведете себя неподобающе. Почему игнорируете письма? Почему администрация академии вынуждена подключать к вопросу нас?

Я по-прежнему молчала и непонимающе хлопала ресницами. Может, это сон? Или у меня температура, и развился бред?

— Даша, я очень огорчен, — сказал папа. — Откуда такая безответственность?

И тут я догадалась — это розыгрыш! Точно розыгрыш, потому что по губам мамы скользнула улыбка. Но меня смеяться не тянуло, я нервно огляделась, прикидывая, где может быть спрятана камера... и вновь изумленно моргнула. У окна стоял высокий брюнет, с ног до головы закутанный в алый балахон, вызывая ассоциации то ли с сектантом, то ли с палачом из исторического фильма. И почему я раньше его не заметила?

— Вы кто? — вырвалось у меня.

В кабинете повисла пауза, а потом декан прокашлялся и сообщил:

— Дарья, позвольте представить вам Эмиля фон Глуна, преподавателя боевой магии Академии Стихий. Господин Эмиль прибыл за вами.

— За... Что-что вы сказали? — Я растерянно кашлянула.

А фон Глун откинул капюшон, демонстрируя красивое аристократичное лицо с узким носом и яркими синими глазами. На вид

«господину Эмилю» было не больше тридцати. Вот только неприятная усмешка на тонких губах мужчины всю симпатию сразу отрезала на корню.

— Вы самая безответственная студентка из всех, кого мне доводилось встречать, — холодно процедил фон Глун.

Нет. Все-таки у меня глюки. Потому что этого не может происходить на самом деле!

— Еще как может, — тут же заверил «маг».

Я покачнулась и сделала два шага вперед, чтобы ухватиться за спинку гостевого кресла. Он что? Он мои мысли читает?

— Да. Читаю.

Шок резко сменился возмущением, но сказать Эмилю все, что думаю по поводу столь неэтичного поведения (а чтение мыслей точно вне этики!) я не успела, потому что в разговор вмешалась мама.

— Дашунь, ну хватит, — ласково сказала она. — Я понимаю, переезжать в другой мир страшно, но ты не хуже нас знаешь, какие это перспективы. Ведь дипломированных экономистов полно, а дипломированных магов — раз-два и обчелся. Тебе очень повезло, что тебя выбрали, нельзя упускать такую возможность.

С этими словами мама шагнула ко мне и крепко обняла.

Возмущение опять сменилось шоком. Я как замороженная посмотрела на маму, потом перевела взгляд на мужчину в алом балахоне. И когда заглянула в глаза цвета летнего неба, до меня вдруг дошло.

— Гипноз! — выдохнула я. — Вы... вы...

— Даша, прекращай! — возмущенно потребовал папа.

Но я прекратить не могла. Теперь, осознав, чем обосновано столь неадекватное поведение моих родителей и Вячеслава Сидоровича, я начала злиться.

— Вы, — вывернувшись из объятий мамы, прорычала я и изобличительно ткнула в него пальцем, — аферист! Кашпировский недоделанный! Девид Блейн!

— Эмиль фон Глун, — чеканно поправил мужчина и сложил руки на груди.

— Прекратите этот балаган! — потребовала я. — Немедленно!

Преподаватель какой-то там магии отрицательно покачал головой.

— Вы приняты на факультет Огня, Дарья Андреевна. Решение окончательное и обсуждению не подлежит. У нас не так много времени, — сообщил он. Потом отодвинул рукав и, взглянув на самые обычные наручные часы, добавил: — Вам лучше потратить его на прощание с родными, а не на споры со мной.

— Я не буду ни с кем прощаться, потому что я никуда не еду!

Лицо мужчины скривилось в кислой гримасе.

— Ну, как хотите.

В следующее мгновение мир перед глазами вспыхнул, и я потеряла сознание.

— Эмиль, ну зачем ты так? — прозвучал из темноты незнакомый скрипучий голос. — Неужели нельзя было решить вопрос помягче?

— Простите, господин ректор, но я не нанимался подтирать сопли нерадивым студенткам, — раздалось в ответ.

— Эмиль, но ведь девочка с Земли. Тебе хорошо известно, что там проблемы с магией. Неудивительно, что она испугалась.

— Вы могли отправить за ней кого-нибудь другого, — огрызнулся Эмиль, и я, наконец, вспомнила, где слышала это имя.

А еще осознала, что лежу и, резко распахнув глаза, села. Голова тут же закружилась, но дурнота не помешала увидеть знакомого аристократа в алой мантии и стоящего рядом с ним старика. На старике, кстати, был такой же балахон, только совершенно белый.

— О, вы очнулись, — сказал ректор и дружелюбно улыбнулся. — Как себя чувствуете? Голова не болит?

Голова не болела, но чувствовала я себя отвратительно. И понимание того, что нахожусь в какой-то белой комнате, на узкой кушетке, оптимизма не добавляло.

— Где я?

— В больничном крыле, — с прежней улыбкой сообщил старик. — Но не бойтесь, все в порядке. Уже вскоре вы окончательно придете в себя.

Да ну? Я бросила хмурый вопросительный взгляд на мужчину в красном.

Фон Глун невысказанный вопрос понял и, отвесив некое, отдающее издевкой подобие поклона, сообщил:

— Да, вы в Академии Стихий.

— Но...

«Аристократ» закатил глаза и развернулся к старику.

— Господин ректор, вы извините, но у меня дел по горло.

— Эмиль... — попытался призвать к порядку старик, но фон Глун прислушиваться к мнению начальства не желал.

— Господин ректор, я действительно очень занят, — жестко сказал он. — И я действительно не умею подтирать сопли. К тому же, вам прекрасно известна моя позиция по этому вопросу. Я против того, чтобы

мы обучали иномирян.

— Эмиль, но ты же видишь: у девочки дар...

— Господин ректор, я выполнил ваше поручение? — перебил фон Глун. — Я доставил студентку Дарью в академию?

Старик устало вздохнул и махнул рукой. Сказал нехотя:

— Да. Идите, профессор.

Коротко поклонившись начальству, фон Глун незамедлительно поспешил на выход.

— Он хоть что-нибудь вам объяснил? — пронаблюдав побег «аристократа», спросил ректор.

— Нет, — ответила я сухо.

— Что ж, тогда слушайте, Дарья Андреевна. Вы, конечно же, знаете, что миров существует бесчисленное множество, — важно прокрипел старик. — Некоторые из них соприкасаются, другие являются изолированными, закрытыми системами, третьи безжизненны, четвертые недоразвиты, и так далее. Ваша Земля — один из ярких образчиков мира, лишённого магии. Наш мир, он зовется Поларом, наоборот. В нашем мире магии с избытком, чему мы несказанно рады. А вот людей, способных овладеть магическим искусством не так уж много.

— Почему? — хмуро спросила я.

Старик пожал плечами.

— Склонность к магии — это врожденное, и не каждому везет родиться с даром.

— Понятно. Что дальше?

— Наш мир весьма нуждается в квалифицированных магах, но их очень мало, — ректор печально вздохнул. — Поэтому, путешествуя по другим мирам, мы приглядываемся к местному населению. Иногда, к сожалению, очень редко, удается найти тех, кто, как и мы, наделен даром. Таким людям мы предлагаем переход.

Я не могла не возмутиться.

— Предлагаем? Да меня практически похитили!

— Ну... — старик слегка замялся, — в подавляющем большинстве случаев, все-таки действительно предлагаем. Однако ваш случай несколько иной.

— Как это? — буркнула я.

— Ваш уровень дара, Дарья Андреевна, — пояснил ректор. — Не буду скрывать, из вас может получиться очень хороший маг, а в таких случаях мы согласия не спрашиваем.

Нормально. То есть, будь я послабее, у меня бы спросили? И я могла

бы отказаться?

— Нет, отказаться вы бы не смогли.

Ага, значит «предложение» — это все-таки враки. Ой...

Я положила руку на лоб и поморщилась. Старик что, тоже мои мысли читает? Как и фон Глун?

Видя мой шок, ректор улыбнулся и кивнул, а мне так страшно стало, так неуютно.

— Не смейте, — процедила я.

— Не бойтесь, — сказал старик мягко. — После того, как вы подпишите бумаги, никто в ваши мысли вторгаться не будет. Вам, как и всем адептам академии, поставят качественный ментальный блок.

Кажется, несмотря на способность ректора к телепатии, мы друг друга не понимаем.

— Уважаемый, я не собираюсь учиться в вашей академии, — сообщила очевидное я.

— Почему? — Он с искренним недоумением приподнял брови.

— Да потому что! Не знаю, что там у меня за дар, но я не хочу становиться магом. Я...

И тут до меня дошло — я же в другом мире! Совсем в другом! Ни самолетом, ни поездом до дома не добраться. Родителей не увидеть...

О, черт!

— Отпустите меня, — прошептала я. — Пожалуйста.

Но старик отрицательно качнул головой и сказал:

— Нет. Даша, вы все-таки не понимаете. Полар очень нуждается в квалифицированных магах, и мы не можем разбрасываться такими кадрами, как вы. У вас очень высокий уровень дара, и учиться вы все-таки будете.

С каждым словом я злилась все сильнее, но эта злость была бессильной. А старик продолжал:

— Даша, хоть вы и перебили, но я все-таки поясню. Нервничать не нужно. Поверьте, вы находитесь в очень выгодном положении. Ваш уровень дара открывает множество возможностей, это раз. Второе — ваш уровень дара позволил вам совершить так называемый мягкий переход. Будь вы немного слабее, нам бы пришлось...

Вот тут мне вспомнились многочисленные книги про попаданок, которыми кормила меня Сашка, и в груди похолодело. Ведь как обычно попадают в другой мир? Черт, да обычно для того, чтобы совершить переход нужно умереть!

Губы ректора изогнулись в горькой улыбке.

— Все верно, Дарья Андреевна. Будь вы немного слабее, нам бы пришлось убить вас в вашем родном мире, чтобы возродить здесь.

Сволочи.

— Ну-ну, зачем разбрасываться такими словами? — шумно вздохнул старик.

— А как еще вас назвать? — вспыхнула я.

Ректор не ответил.

Некоторое время мы молчали. Я понимала, что ректор может легко читать мои мысли, но не думать не получалось. А думалось о том, что еще не все потеряно.

Во-первых, меня не убили, а это значит, я могу вернуться в родной мир.

Во-вторых, родителям что-то внушили, и они уверены, что со мной все в порядке. То есть никто не убивается по пропавшей дочери и нервы себе не треплет.

В-третьих, у меня есть дар и, судя по всему, нехилый. Следовательно, я могу выучиться на мага и... разнести эту академию к чертовой бабушке!

Как ни странно, мысль о мести была самой яркой и приятной. Она успокоила, подарила надежду.

А старик, который, как и прежде, стоял рядом с больничной кушеткой, прислушивался и улыбался. Он не воспринимал мои мысленные угрозы всерьез.

— Дарья Андреевна, если вы хотите мстить — пожалуйста, — сказал он. — Но как вы правильно заметили, для начала нужно выучиться. Для того чтобы вернуться домой, вам тоже понадобятся знания в магии.

Я поняла, к чему ведет седовласый. Поняла и кивнула!

— Ладно, я подпишу заявление о приеме в вашу дурацкую академию. Но...

— Но? — хитро переспросил он.

— Но что если у меня не получится? Что если я не смогу освоить эту вашу магию?

— В этом случае мы сами вернем вас в ваш мир, — ответил ректор. — Но я не советую притворяться бестолочью, Дарья Андреевна. Если мы узнаем, что вы просто халтурите, то учиться будете до конца своей жизни, и уже не здесь, а в другом, менее престижном и гораздо более неприятном заведении.

Последние слова прозвучали как неприкрытая угроза, и я зябко поежилась. Обещать что-либо не хотелось, поэтому я и не обещала. Неопределенно кивнула и все.

Однако у меня еще один вопрос остался:

— Вы сказали, что высматриваете таких, как я, во время путешествия по другим мирам. И как давно вы меня нашли?

— Четыре года назад, — признался ректор.

— То есть моя судьба была предрешена?

Старик улыбнулся и кивнул.

Через полчаса в комнату заглянула невысокая пожилая женщина в длинном темно-синем платье. Она чинно поклонилась и попросила следовать за ней. Поскольку перед уходом ректор предупредил, что за мной придут, я кивнула и встала с кровати. Страшно не было, разве что чуть-чуть. В конце концов, это пусть и иномирное, пусть и магическое, но учебное заведение. Чего тут опасаться?

Выйдя из палаты, я оказалась в длинном коридоре. Стены его были сложены из серого камня. Наверху, под высокими сводами, висели огромные медные люстры. А пройдя по коридору до первой развилки, я поняла — академия располагается в замке. Таким типично средневековым, как на исторических картинках, только очень большом. От этого стало одновременно и любопытно, и немного жутковато: никогда не жила в замке, тем более колдовском.

— А призраки у вас есть? — нарушила молчание я.

Провожатая покосилась на меня как на ненормальную, ответила с задержкой:

— Конечно.

Черт, а вот теперь как-то неуютно стало. Я прикусила язык и больше вопросов решила не задавать: не хотелось накручивать себя еще больше. Тут и без призраков впечатлений хватает.

Надо же, дар! У меня дар, и я буду учиться магии. И халтурить нельзя, потому что иначе ждет какая-то гадкая альтернатива. С другой стороны, при окончательном провале меня отправят домой. В таком случае, надеюсь, это случится скоро, потому что тогда, приложив определенные усилия, я смогу вернуться в родную группу в универе. Если же меня вышибут через год или два, то придется несладко. Захочет ли Вячеслав Сидорович восстановить меня в университете в этом случае? А я хоть что-то из своей вообще-то основной специальности вспомню?

Ладно, не буду заморачиваться раньше времени. В конце концов, если стану магом, то это тоже неплохо. Сколько платят дипломированным магам в этом мире, не знаю, но зато, овладев магическим искусством, точно смогу вернуться домой. И послать ректора на пару с фон Глуном в сад!

Увлеченная этими мыслями, я не заметила, как мы вышли в огромный, мрачноватый зал. Потолки тут были до того высокими, что у меня голова закружилась, когда взглянула вверх. А потом тишину прорезал оглушительный противный вой, заставляя испуганно подпрыгнуть.

Это у них звонок такой? Ужас. Так и зайкой стать недолго.

А потом я услышала гомон, топот множества ног, и в зал высыпали студиозусы. Парни и девушки были одеты в длинные балахоны четырех цветов: алый, синий, зеленый и желтый. У каждого на плече висела сумка, и все куда-то дружно спешили.

— Сейчас время обеда, — пояснила моя провожатая.

— А-а, понятно.

При слове «обед» желудок нервно заворочался — оказывается, я успела проголодаться. Интересно, сколько времени провалялась в местном лазарете? Наверное, не меньше пары часов.

К счастью, голод чувствовался не настолько остро, чтобы мне захотелось влиться в дружный коллектив. Тем более, сейчас все равно не пустили бы. Поэтому я одернула юбку, которая на фоне принятой тут одежды смотрелась как супермини, и продолжила путь.

Миновав зал, мы начали подниматься по широкой каменной лестнице. Видимо, в местную администрацию, где, по словам ректора, нужно было разобраться с бумагами.

Кстати, а где я буду жить? В общежитии?

При мысли о том, что придется поселиться в общежитии, меня передернуло, но я тут же взяла себя в руки. Может быть, у магов все не так, как у нас? Кто знает, вдруг меня ждет не комната на четверых, с вечно грязной кухонной плитой и заляпанным зеркалом в ванной, а отдельные апартаменты? Понимаю, что звучит бредово, но это же другой мир! Вдруг мне повезет, а?

Вот не надо было думать о везении, потому что я тут же споткнулась и чуть не поцеловалась с каменной ступенькой. Так, надо быть осторожнее, потому что синяки, тем более на лице, мне точно не нужны!

Зато теперь меня заметили. Юбка для этого мира действительно оказалась слишком короткой, потому что внизу кто-то присвистнул, а затем раздалось хамоватое:

— Отличные ножки!

Обернуться я не решилась. И дальше уже не шла, а почти бежала, мысленно матеря провожатую, которая оказалась слишком медлительной.

В просторный кабинет, который был определен как местный деканат, я вошла красная, как свекла, и сразу же оказалась под прицелом

пронзительно-синих глаз.

— Опять вы? — морщась так, будто лимон съел, процедил фон Глун.

После недавнего позора адреналин слегка зашкаливал, и мне пришлось приложить немало усилий, чтобы не огрызнуться. Хорошо, что кроме Глуна тут находились еще две женщины. Обе стройные, в алых балахонах и очках. Одна из них глянула на аристократа неодобрительно, еще и пальцем погрозила. А вторая сказала:

— Профессор, не шипите на девушку. Она же не виновата, что пришла к нам из другого мира, — потом повернулась ко мне и спросила: — Вы — Даша? Я правильно поняла?

— Да. — Я кивнула.

— Идите сюда, помогу вам заполнить заявление.

Проводница в синем платье что-то пробормотала и вышла, а меня усадили за один из преподавательских столов и вручили самую обычную шариковую ручку с листком бумаги. После чего подозревая меня женщина принялась диктовать текст заявления.

Ничего особенного там не было. Обычное: я такая-то, прошу зачислить меня на факультет Огня... ну и дальше по форме. А вот когда я закончила и размашисто подписала листок, мне сообщили:

— Теперь заверьте заявление у Жавской и возвращайтесь к нам.

Жавская? Это та, которая мне письма строчила? Та, которая секретарь ректората?

— А где тут ректорат? — спросила я.

— Из кабинета пятая дверь налево, — вежливо пояснила женщина, которая так и не представилась. — Там табличка будет, не пропустите.

Я благодарно кивнула, вздохнула и отправилась знакомиться с Жавской.

Мы друг другу не понравились. Меня невзлюбили, по всей видимости, за игнорирование писем, а я не смогла оценить заплывшее жиром тело и презрительно сощуренные глаза.

Секретарь ректората полностью соответствовала своей фамилии — жаба натуральная. Она сидела посреди огромного кабинета, за столом, покрытым зеленым сукном, в кресле с зеленой обивкой. Когда я поздоровалась, подошла и протянула листок заявления, жаба квакнула:

— Дарья Лукина? Вы?

А то не видно. Сомневаюсь, что кто-то, кроме иномирянки, может носить короткую юбку, майку и белый пиджак. И балетки тут, наверное, не в моде. Но промолчать было бы невежливо, а ссориться с теткой не

хотелось, поэтому я ответила:

— Да, это я.

Жавская презрительно фыркнула и выхватила из рук лист с заявлением. Глянув на него так, будто ей разворот «Плейбоя» подсунули, секретарь нехотя поставила в углу какую-то закорючку. Как я поняла, заверила своей подписью.

— Вы опоздали, — возвращая листок, сообщила она. — Занятия уже начались.

Вместо ответа я молча пожала плечами. А что я могу? У меня нет машины времени. И вообще, чего они от меня хотят? Как я должна была на их письма реагировать? Забрать документы из универа, собрать чемоданы, сесть и ждать?

В этот момент до меня дошла еще одна истина: у меня нет вещей! Черт, даже сумочка и та после перемещения пропала!

Я тихо ойкнула.

— Что-то не так? — спросила Жавская.

Просить о помощи не хотелось, но выхода не было. Пришлось признаться:

— Понимаете, у меня вещей нет. Никаких.

Секретарь поджала губы и ответила без малейшего сочувствия:

— Раньше надо было думать, Дарья Андреевна.

Нормально?

Конечно, ругаться с такой важной персоной, как секретарь ректората — глупо, но я все равно сказала:

— Видите ли, в моем мире нет ни магии, ни Академий Стихий, и я, разумеется, приняла ваши письма за шутку. Если бы вы написали понятнее и если бы сообщили о том, что меня все равно в это гостеприимное заведение отправят, я бы, конечно же, подготовилась как следует.

Моя гневная тирада не произвела на тетку никакого впечатления. Мне даже показалось, что она радуется такому повороту. Тут же вспомнились гримасы фон Глуна и слова сотрудницы деканата: «Профессор, не шипите на девушку. Она же не виновата, что пришла к нам из другого мира».

Это что получается? Тут не любят иномирян? А зачем меня тогда сюда притащили? Ах да, у них нехватка магов. Черт, как-то... очень это все неприятно.

— Расскажите о своих проблемах профессору Глуну, — проквакала Жавская. — Он ответственный за ваш переход. Это он должен был позаботиться о том, чтобы вы взяли с собой все необходимое.

Глуно? Этому махровому ксенофобу? Они что, издеваются?

— Ну, знаете... — возмущенно выдохнула я.

— Извините, но я точно ничем помочь не могу, — холодно перебила Жавская. И повторила: — По вопросу багажа и личных вещей к профессору Глуну.

Я развернулась, гордо вздернула подбородок и направилась прочь.

Уроды! Одна письмо нормально составить не может, второй вообще... Вот даже слов нет. Козлы! Сволочи!

С этими мыслями я подошла к двери и едва не получила этой самой дверью по лбу. Просто кто-то в этот момент входил и распахнул ее слишком резко, так что отскочить я успела в последний момент лишь чудом.

Поскольку внутри все и без того клокотало от ярости, этот эпизод стал последней каплей. Я открыла рот, намереваясь высказать входящей жертве все, не выбирая выражений, и так и застыла. Потому что на пороге ректората Академии Стихий стоял самый обалденный парень из всех, кого я когда-либо видела.

Высокий, мощный, с широкими плечами, длинными белыми волосами, заплетенными в косу, и совершенно удивительными изумрудными глазами. И он тоже был в балахоне, только не в красном, а синем.

— Дорс? — раздался за спиной недовольный голос Жавской. — Что, уже что-то натворил? Но учебный год только начался!

Этот умопомрачительный парень даже ухом не повел. Он смотрел на меня. А я на него, как последняя дура.

— Привет, — наконец сказал он.

— П... — Я запнулась, покраснела, потупилась. Но все-таки смогла выдать: — Привет.

— Иномирянка? — смерив меня новым взглядом, спросил он.

Я пожалала плечами, а сама... Много раз читала в книгах про ослабшие внезапно колени, вспотевшие ладони и сердце, которое хочет пробить ребра. Читала и никогда не верила. А теперь поняла — все правда! Все именно так и происходит.

Лицо парня озарила широкая улыбка, и я невольно улыбнулась в ответ. А потом улыбаться резко расхотелось, потому что Дорс протянул:

— А ментальный блок поставить еще не успели, да?

Что?! О, черт! Он что, все мои мысли слышал?!

— Ага, — сообщил парень нагло. — И знаешь... — он опять взглядом с головы до ног окинул, — ты тоже ничего.

Я вспыхнула спичкой. Отпрянула в сторону, чтобы пропустить его, и когда Дорс вошел в кабинет, вылетела в коридор.

Какой позор! Дашка, как тебя угораздило так вляпаться?! Нет, ну скажи, как?!

Ответом на мои мысли стал тихий, но вполне различимый мужской хохот.

Ментальный блок мне все-таки поставили. Это сделал профессор Глун, когда я в деканат вернулась. Вся процедура заняла от силы пять минут, и у меня был только один вопрос: какого фига он не сделал этого раньше? Хотя, когда Глун закончил, еще один вопрос появился:

— А что если этот блок слетит? Или его взломают?

— Ничего, — чуть морщась, ответил маг. — Просто придете ко мне, и поставлю новый.

Вот не зря я не хотела в эту академию идти!

Я прикрыла глаза и глубоко вздохнула, успокаиваясь. Голос мой после этого, слава богу, прозвучал уверенно:

— Господин профессор, а как я узнаю, что ментальный блок исчез? Я же его не чувствую.

А что? Для меня с установкой блока ничего не изменилось. Что с ним, что без него — один фиг.

Улыбка, которая исказила губы брюнета, была откровенно издевательской.

— Не волнуйтесь, Даша. Кто-нибудь, да скажет.

Обретенное только что спокойствие рассыпалось в труху!

— Ну знаете! — прошипела я. — Ну знаете...

— Знаю, — подтвердил фон Глун. — И еще знаю прекрасный способ научиться распознавать блок и даже его устанавливать. Вам нужно освоить магию, только и всего.

Вот теперь я поняла, как чувствует себя закипающий на огне чайник. Казалось, еще немного, и у меня не только из ноздрей, даже из ушей пар повалит. В таком состоянии, да еще в такой обстановке, поднять вопрос доставки чемоданов я просто не могла. Мне вообще пришлось прикусить язык, потому что знала — стоит открыть рот, и я сорвусь на банальный русский мат.

Но на этом злоключения не закончились...

Дело в том, что перед уходом из деканата мне выдали расписание занятий и две бумажки. Одна была разрешением на получение книг в библиотеке, вторая оказалась рекомендацией на заселение в общежитие. Вопрос заселения показался мне важнее учебников, и именно его пришлось решать в первую очередь.

К счастью, самую башню факультета Огня искать не пришлось: меня туда проводила та самая женщина, которая помогала писать заявление. В ходе маленького допроса выяснилось, что зовут ее очень даже по земному — Глория. И она является младшим преподавателем боевой медитации. Правда, что за зверь такой эта медитация и чем она отличается от обычной, я решила не выяснять. Еще успеется.

Глория провела меня очередными коридорами к широкой лестнице, в основании которой были установлены два невысоких каменных столбика. На вершинах этих столбиков горел самый настоящий огонь, отчего сразу вспомнился фильм «Пятый элемент». А что, декорации очень даже похожи.

На первом уровне башни нас встретил комендант — невысокий худощавый мужчина, одетый в простые штаны и рубаху. Он, судя по всему, не был магом, но спросить я постеснялась.

Уже втроем, мы поднялись еще на пару этажей и остановились у одной из многочисленных дверей. Мужчина сначала постучался, а когда стало понятно, что в комнате никого нет, достал ключ и отпер дверь.

После всего, что сегодня произошло, чуда я уже не ждала. Ведь совершенно понятно, что при таком отношении личных апартаментов мне не светит. И эти подозрения оправдались: в комнате, куда привел комендант, стояло пять кроватей. Кухни с заляпанной жиром плитой тут, конечно, не было, зато ванная с забрызганным зеркалом имелась.

Черт. Я домашняя девочка, и в общежитии бывала всего однажды, когда на день рождения одногруппницы ходила. Я не смогу жить в таких условиях. Я чокнусь.

Пока я осматривала ванную, комендант бесцеремонно залез в шкаф — шкаф тут один был, зато очень большой, во всю стену.

— Ага, девочки все заняли, — констатировал он. — Но вы сами как-нибудь разберетесь.

Тут же вспомнилось, что вещей у меня нет, и от этого совсем тошно стало. Как-то глобально мне не везет, будто сглазил кто-то.

Но это были только цветочки! Ягодок я накушалась через полчаса, когда закончились пары и в комнате объявились девчонки.

Это была мощная коллективная истерика, в ходе которой я узнала, что лучше прыгнуть с какого-то великого моста, чем делить комнату со мной. Я не пыталась выяснить подробности такой реакции, зато поняла главное — проблема в том, что я из другого мира. И хотя было не очень понятно и очень-очень неприятно, вдруг поймала себя на мысли: а ведь это здорово! Если меня так сильно не любят, то, может, обратно отправят? Домой?

А почему нет? Зачем этим магам создавать лишнюю напряженность в

коллективе?

Только мечтам моим сбыться было не суждено, ибо комендант, покричав и потопав ногами на истеричных девиц, нашел другое решение.

— Пойдемте, Даша, — мрачно бросил он и направился к лестнице.

Чувствуя себя слишком усталой для споров, я покорно кивнула и пошла следом за комендантом. В конце концов, Глория, слава богу, по-прежнему рядом находилась, а она создавала впечатление человека разумного и придавала уверенности.

На этот раз мы поднялись на самый верх башни. Я огляделась, пытаюсь понять, какую из дверей мужчина откроет теперь и почему он так кривится. Но комендант повел еще дальше, в самый конец недлинного коридора. Там оказалась еще одна лестница — маленькая и крутая. А взобравшись по ней, мы остановились у старой резной двери. Ее-то комендант и открыл.

— Это что? — уже предчувствуя грандиозную подставку, пробормотала я.

— Понимаете, Даша, в этом году у нас большой поток студентов, и это единственная альтернатива, которую я могу вам предложить.

Мужчина отстранился, приглашая меня внутрь. Ну я и вошла. Просто чтобы подтвердить свои подозрения. И не ошиблась, хотя до последнего все-таки надеялась, что будет лучше. То, что открылось моим глазам... это был настоящий ужас!

Чердак. Огромный, жутко грязный, заваленный хламом и затянутый паутиной! И тут мне предлагают жить?

— Вы в своем уме? — тихо спросила я.

— У нас на самом деле нет других помещений, — ответил комендант грустно.

Все. Мое терпение кончилось! Я круто развернулась и прорычала:

— Проводите меня к ректору. Немедленно!

— Дарья Андреевна, извините, но тут ничего не поделаешь, — выслушав рассказ коменданта и Глории, развел ректор руками. — Я, конечно, могу повлиять на девочек, но вам оно надо? Вы сможете жить в такой атмосфере?

— Конечно, не смогу! — прошипела я.

— Значит, придется воспользоваться предложением нашего уважаемого Вирселя. — Старик кивнул на коменданта. — Потому что других мест в общежитии огненного факультета нет, а заселить вас в общежитие другого факультета мы не имеем права. Особенности магии, знаете ли...

— Да какие, к черту, особенности? — перебила я. — Вы вообще понимаете, что говорите?

Ректор удивленно поднял брови, а я уперлась ладонями в его стол, наклонилась и зашипела:

— Господин ректор, вы вытащили меня из родного мира, притащили в эту чертову академию и понарасказывали сказок о том, что вашему миру очень нужны маги! Допустим, я поверила. Допустим, я прониклась и согласна учиться у вас, но что дальше? Вы даже не можете заселить меня в общежитие. Вы хотите запихнуть меня на пыльный, заваленный хламом чердак!

— Дарья Андреевна, — протянул старик миролюбиво. — Не заводитесь. Вопрос пыли решается с помощью обыкновенной уборки, а хлам...

Договорить он не смог, потому что у одной попаданки окончательно сдали нервы.

— Да идите вы знаете куда?! Я не буду жить на чердаке! Я не буду учиться в вашей академии! И магия ваша, вместе с вашим миром мне до лампочки! Или вы немедленно возвращаете меня домой, или...

— Или что? — спросил ректор жестко. От того милого старика, который говорил со мной минуту назад, и следа не осталось. — Что вы сделаете, Дарья Андреевна?

— Я... я...

Я не сдулась, и злость моя никуда не делась, но ответить было нечего. Можно пообещать, что в асфальт закатаю, но глупо грозить тем, чего выполнить не в состоянии. Ведь я и в самом деле ничего не могу, только кричать и беситься.

— Оставьте нас, — сказал ректор Глории и Вирселю. А когда они вышли, смерил меня жутковатым взглядом и процедил: — Даша, если вы до сих пор не поняли, то я повторю, но повторю в последний раз. Нравится вам или нет, но учиться в Академии Стихий вы будете. Если у вас получится приручить данный вам природой дар — хорошо. Не получится... тогда извините.

В голосе старика звучал лед. Я не собиралась отступать или сдаваться, но по спине побежали мурашки. И последняя фраза мне очень не понравилась.

— На что вы намекаете?

— Я не намекаю, а говорю прямым текстом. Если у вас не получится, то мы будем вынуждены перевести вас в другое, куда менее приятное учебное заведение.

Еще хуже? А такое вообще бывает?

— А если опять ничего не выйдет, то... знаете, мы, конечно, попробуем вернуть вас домой, но переход из этого мира гораздо сложнее, чем переход из вашего. Никто не даст гарантий, что вы выживете.

Я открыла рот, но сказать ничего не смогла. Просто онемела от такого заявления.

— Еще вопросы?

Вопросов не было. Ничего не было. На меня вообще вдруг апатия накатила. Зато я очень четко поняла, что выход из этой ситуации все-таки есть: нужно кровь из носу, но освоить магию. Только тогда я смогу поставить этих уродов на место. А еще, если я овладею даром, о котором столько говорили, то смогу сама, без всякой помощи, вернуться домой, к нормальной человеческой жизни.

— Ну, если вопросов нет, то вы свободны, Дарья Андреевна, — сказал ректор.

Я скривилась, развернулась и пошла прочь.

Все, это война.

Глава вторая

Ночь я провела на жестком матрасе, вдыхая пыль и вздрагивая от многочисленных шорохов и скрипов. Матрас, к слову сказать, лежал прямо на полу, потому что с кроватью были проблемы — ее просто не смогли поднять по узкой чердачной лестнице.

Мне было плохо и страшно как никогда в жизни. Отдельная тема — желудок. Порой его голодное бурчание перекрывало все звуки, выдергивая меня из беспокойного сна. Все-таки зря я отказалась идти на ужин: объявленная голодовка не принесла никакой пользы, одни проблемы.

Проснувшись я от того же голода и приглушенного солнечного света, который лился сквозь грязные окна. Все тело болело, во рту было сухо, в глаза как будто песка насыпали. В общем, это оказалось вне сомнения самое отвратительное пробуждение из всех, какие только можно представить. В голове бился один единственный вопрос: «Зачем им это нужно? Зачем?»

Не понимаю.

Учиться без вещей, без подготовки, вообще без всего и в таких жутчайших условиях — нереально! И зуб даю, они все это прекрасно осознают. Но почему тогда закрыли на это глаза? Почему?!

Я кое-как встала, потянулась и поплелась в ванную. Отдельная ванная была единственным плюсом этого ужасного чердака. Правда состояние ее оставляло желать лучшего: всюду грязь и толстый слой ржавчины. Спасибо, что хоть вода после недолгого слива все-таки потекла чистая и горячая.

Умывшись и почистив зубы пальцем — ни щетки, ни пасты-то нет — я отправилась обратно. На единственном целом стуле, который удалось вчера тут найти, лежала стопочкой моя одежда и выданный вечером комендантом алый балахон, который здесь пафосно называли мантией.

Я надела колготки, натянула юбку и майку. Пиджак, который дополнял комплект, пришлось оставить, потому что надевать его под мантию — сущий бред. После этого впихнула ноги в балетки и подошла к большому напольному зеркалу, которое стояло у стены. И онемела от ужаса!

Это кто? Это я?!

Из зеркала на меня смотрела толстушка с растрепанными пшеничными волосами и маленькими карими глазками. Все ее лицо было усеяно прыщами разной степени яркости и калибра. Картину дополнял

тройной подбородок и огромная, но свисающая чуть ли не до колен грудь.

И это действительно была я!

Я!!!

Я завизжала и отпрыгнула от зеркала. Быть не может! Нет! Я до девятого класса страдала лишним весом и угробила столько времени и сил, чтобы привести свою фигуру в порядок, а тут... Это из-за перехода между мирами жир вернулся? Это поэтому?! Зато теперь-то понятно, почему все смотрят на меня как на прокаженную. Я толстая! Я страшная! А...

Я захлопнула рот и замолчала. Подождите. Этого не может быть. Это невозможно.

Глубоко вздохнув, я посмотрела на свои руки не в отражении, а просто так. Руки оказались самые обычные, тонкие. Осторожно ощупала подбородок и грудь — все в порядке. Посмотрела на свои бедра — и тут все хорошо. Все тот же сорок четвертый размер, которого я добилась, полностью отказавшись от бабушкиных пирожков и походов в «Макдоналдс».

То есть со мной все в порядке. Это зеркало врет.

И тут раздался смех. Он был нездоровым, потусторонним, леденящим душу и кровь. А отражение толстушки в зеркале исказилось, и я увидела пучеглазого призрачного монстра. Больше всего он напоминал гиену, среди предков которой неожиданно оказался крокодил.

Полагаю, я должна была снова завизжать и помчаться прочь. Но после толстушки мне на монстра было плевать, потому что лишний вес — главный из моих страхов, остальные на его фоне блекнут.

Поэтому я не закричала, а огляделась в поисках чего-нибудь тяжелого. На заваленном хламом чердаке найти подручное средство было проще простого, так что ножка от поломанного стула практически сама прыгнула в мою ладонь.

Призрачный монстр резко замолчал, а когда я замахнулась, воскликнул:

— Эй! Эй, ты чего?!

Наверное, не стоило с ним разговаривать, нужно было разбить это зеркало к чертям и все. Но что-то заставило помедлить. Я задумчиво прищурилась.

— Эй, не дури! — взвизгнул монстр снова. — Ты что, глупая? Ты что, шуток не понимаешь?

— Ах, так это шутка была? — прошипела я.

— Маленький безобидный розыгрыш, — с готовностью подтвердила призрачная смесь бульдога с носорогом.

А в следующую секунду монстр исчез, и я опять увидела в зеркале себя. В этот раз настоящую, сорок четвертого размера, скрытого под мешковатым балахоном алого цвета. Только пшеничные волосы действительно растрепанными и спутанными оказались. Блин, а у меня же даже расчески нет.

Но думать о прическе в этот момент как-то не получалось. Я поудобнее перехватила ножку стула, и грозно спросила:

— Ты кто?

— Дарья Андреевна Лукина, — пропищал голос в глубине зеркала. — Двадцать лет. Уроженка мира Земля. Не замужем.

— Молчать! — рыкнула я, замахиваясь своим орудием.

— Ой-ой, какие мы грозные. — Мое отражение исчезло, и в зеркале снова появился монстр. — А ведь бить зеркала — это к несчастью, знаешь? А тебе и так несладко.

Я на эту уловку не попала.

— Кто ты?

— Твой ночной кошмар! Твой ужас...

Руку я остановила в последний момент, в миллиметре от поверхности зеркала. И то только потому, что призрак исчез, а передо мной опять собственное отражение появилось. Так как монстр нигде больше не обнаружился, я пришла к выводу, что живет он именно в зеркале.

Об этом и спросила:

— Ты живешь в зеркале?

Призрак не ответил, и это было верным признаком того, что я угадала. А если так, то можно не бояться. И еще, разбить это зеркало я всегда успею, а завтрак в столовой точно не круглые сутки дают.

Надеюсь, я на него еще не опоздала? Потому что если опоздала, то точно умру с голоду.

В подтверждение этих мыслей, желудок не то, что забурчал — он взвыл.

— Мы еще поговорим, — с угрозой пообещала я и, отбросив ножку поломанного стула, вернулась к стулу целому, чтобы взять листок с расписанием и тетрадь для лекций.

Тетрадь и ручку мне вчера Глория выдала, но не потому, что положено, а просто из сострадания. Грустно признавать, но младший преподаватель по боевой медитации оказалась единственной, кто отнеслась ко мне нормально.

Правда, я до сих пор так и не поняла, в чем причина ненависти остальных, того же фон Глуна, например. Ну да, я иномирянка, но у меня те

же две руки, и две ноги. И вообще, все, кого я видела, ничем не отличались от обычных людей, которыми заселена Земля. А если так, то я тоже от жителей Полара не отличаюсь. В чем тогда проблема? Почему меня гнобят? Причем не только студентки, но и преподаватели?

Настроение от этих мыслей стало еще хуже, чем в момент пробуждения. Но я решила не раскисать. Вообще, для начала позавтракать нужно. На голодный желудок жизнь всегда дрянью кажется, может быть, в этом все дело?

Выйдя из комнаты, я осознала еще одну проблему. Вернее, целых две! Во-первых, я совершенно не ориентируюсь в этом замке-академии, во-вторых, я не ориентируюсь во времени, поскольку не имею часов. А без часов даже листочек с расписанием не помощник.

Но и по этому поводу я унывать не собиралась. Просто спустилась по чердачной лестнице и отправилась искать выход из башни, в которой располагалось общежитие факультета Огня. Это определенно лучше, чем стоять и ждать помощи, тем более помогать мне тут никто не собирается.

К моей радости, выход из башни нашелся сразу: все-таки что-то из вчерашнего в памяти отложилось. А вот дальше случилась засада. Куда пойти? Куда податься? Понятия никакого.

Лестница выводила в коридор, и передо мной стоял выбор куда завернуть — направо или налево. Поразмыслив над этой загадкой с пару секунд, я выбрала излюбленное направление всех студентов, то есть налево пошла.

Через десяток шагов коридор заворачивал. Я тоже свернула и со всего маху врезалась в...

— Привет, — подхватывая меня, чтобы не упала, сказал Дорс. — Куда спешишь?

Ну вот, приплыли. Только я могла столкнуться с утра пораньше с парнем, перед которым опозорилась вчера! Блин, да что за невезуха-то?

В следующий миг стало ясно — это не случайность...

— А я уже заждался, — сообщил блондин в синем балахоне-мантии. И сверкнул изумрудными глазищами.

Я покраснела и отшатнулась. Ну правда, так неловко стало, что просто жуть.

Он? Ждал? Меня?

— И зачем ты меня тут ждешь? — стараясь казаться равнодушной, спросила я.

— Ну, как тебе объяснить...

Вот зря я на него опять посмотрела. Если бы не посмотрела, то не увидела бы эту похабную улыбочку, которая искривила губы парня.

Понятно. Вчера блондинчик услышал, что я мысленно назвала его обалденным, а сегодня решил воспользоваться ситуацией. Но черта с два. Не выйдет!

Не скрою, Дорс мне понравился, но я не какая-нибудь озабоченная дура, готовая провеситься на шею любому, кто скажет: «Знаешь, а ты тоже ничего». Поэтому без зазрения совести оттолкнула парня, гордо вздернула подбородок и пошла дальше. А за спиной прозвучало насмешливое:

— Ты хоть знаешь, куда идти?

Если бы не голод, я бы послала Дорса лесом. Честно. Но желудок вновь жалобно взвыл, и пришлось остановиться.

— И куда же мне идти? — спросила я, останавливаясь.

— Могу проводить, — предложил парень.

Пришлось обернуться.

Я прекрасно помнила, что попала в другой, по идее волшебный, мир, но иллюзий уже не питала. Поэтому мрачно уточнила:

— А что ты хочешь взамен?

И по реакции блондина поняла, что попала в точку. Дорс так бурно вздохнул, так махнул рукой... Но тут же собрался, улыбнулся и ответил:

— Ничего.

— Да? Ну, если ничего, то я конечно же согласна. — Я ослепительно улыбнулась и присела, пародируя реверанс.

А у самой на душе еще гаже стало — ну что за мир такой? Сволочной...

Столовая располагалась на первом этаже, в огромном светлом зале с колоннами. Но, несмотря на радость от того, что я успела вовремя, было очень-очень стремно входить в помещение, битком наполненное студиозусами.

Я словно очутилась на восточном базаре. Хохот, гомон, разноцветные мантии — все смешалось вокруг. По крайней мере, так казалось вначале, до того как я пригляделась внимательнее. А когда осмотрелась, стало понятно — не все так просто. Народ, по большей части, располагался группами, согласно цвету мантий. То есть по факультетам. А еще я заметила, что там, где сидят парни и девчонки в синем, красных мантий нет. Совсем.

Именно это наблюдение заставило меня поспешно поблагодарить Дорса и помчаться на раздачу к длинному стеклянному прилавку, вдоль которого тянулся стальной парапет.

Здесь все было устроено так же, как у нас, на Земле. Я взяла поднос, салфетки, столовые приборы и встала в очередь. Очередь была недлинной, и это радовало, ибо желудок, взбудораженный витающими в воздухе запахами пищи, совсем с ума сошел. Но внимание ко мне привлек вовсе не орущий желудок.

— Вот она! — громко сказал кто-то.

Я сразу поняла, что речь обо мне, и сразу же определила говорившего. Это была одна из тех девиц, к которым меня собирались подселить. Она сидела за столиком, расположенным очень близко к прилавку, в компании ребят в алых балахонах, и указывала на меня пальцем.

Скривившись, я сделала вид, что не замечаю, но это не помогло. Не прошло и минуты, как в зале стало очень тихо, а на меня уставились абсолютно все без исключения. Даже женщины в белых фартуках, которые стояли на раздаче, и те вытаращились.

Это вообще-то жуткое чувство, когда все вот так пялятся. Невыносимое! Если бы не вчерашние издевательства и голод, я бы не выдержала и убежала. Но общение с фон Глуном, история с багажом и грязный чердак, где мне предстояло прожить ближайшие несколько месяцев, закалили.

Гордо вздернув подбородок, я окинула сидевших за ближайшими столиками адептов презрительным взглядом и отвернулась к стеклу, за которым скрывались такие манящие, такие свежие салаты.

— Что будете есть? — отвлек меня от созерцания голос одной из женщин.

Я указала на салат из капусты и беспрепятственно прошла дальше. Просто те, кто стоял передо мной, отшатнулись, освободив дорогу.

Любопытно, кстати, а почему Дорс от меня не шарахался? Он же вообще хотел, как бы это сказать... ну, в общем, не отшатнуться, а совершенно противоположного. Короче, того, чего теперь точно не дождется.

И все-таки, если бы не вчерашние издевательства, я бы точно застеснялась и отступила. Но теперь терять было нечего, поэтому я воспользовалась брезгливостью студиозусов: смело прошла вдоль прилавка, набрала полный поднос еды и огляделась в поисках места.

Свободных столиков не было, что неудивительно: в нашей столовке такие чудеса тоже не встречались. И я опять решила не стесняться. Выбрала первый, где обнаружила свободное местечко, подошла, поставила поднос и с лучезарной улыбкой уточнила у сидящих:

— Вы не против?

Студенты в красных балахонах (да, я решила присоединиться к тем, кто к моему факультету относится) дружно вздрогнули. Кажется, кто-то попытался сказать «нет», но я на это «нет» забила.

Да пошли они все лесом! Мало того, что мне пришлось спать на матрасе и в пыли, так еще и голодать? Фига с два! Не дождетесь!

Я решительно плюхнулась на стул, взяла вилку и предалась чревоугодию. Косые взгляды и брезгливые мины ничуть не смущали, даже подбадривали. А мой желудок радовался завтраку, ибо это было лучшее, что случилось со мной за последние сутки.

Лекционную аудиторию я нашла быстро и без проблем. Причем совершенно банальным образом: всего-навсего проследила за девицей, которая недавно указывала на меня пальцем. Логично предположив, что меня хотели подселить к сокурсницам, я дождалась, когда она закончит завтракать, и просто направилась вслед за ее компанией.

А в результате пришла на лекцию первого курса, которую вел не кто иной, как профессор Эмиль фон Глун.

Брюнет встретил меня снисходительной улыбкой.

— А, это вы. Надо же, неужели не заблудились?

Его слова убедили, что пришла я по адресу. Однако отвечать аристократу-профессору не стала. Лишь пожала плечами, мол, что поделать. Потом осмотрелась и, решив, что терять все равно нечего, села в первом ряду.

Учите меня. Я уже на все согласна! А для тех, кому не нравится, что я села на «их» ряд, повторю: идите лесом. Или в сад. Или вообще на хутор — кому что ближе.

С этими мыслями я открыла тетрадь, вытащила из кармана балахон-мантии пожертвованную Глорией шариковую ручку и приготовилась слушать Глуна. А брюнет, неоднозначно хмыкнув, практически сразу приступил к лекции.

— Итак, на прошлом занятии мы остановились на том, что суть магии Огня в способности раскрыть душу, — бодро сообщил он. — Со своей душой вы, уважаемые студенты, работаете сами, а в остальном следим за мной и пишем формулу.

Фон Глун плавно подошел к доске и принялся выводить... ну, скорее всего ребус, не иначе. Точка-точка-запятая, какая-то гадость в виде эллипса, какие-то стрелочки-черточки и прочая муть.

Я, конечно, изображенную на доске штуку перерисовала — студенческая привычка. Но ничего не поняла. Вот вообще. А потом

огляделась, увидела сосредоточенные, хмурые лица сокурсников и пришла к самому гадкому выводу: они, в отличие от меня, что-то сообщают!

Это не было ударом ниже пояса, но оказалось чертовски неприятно. Кажется, кто-то говорил, что занятия в академии уже начались и что я опоздала. Но, блин, неужели так сильно? И мое ли опоздание вызвало такой пробел в знаниях, или...

— Дарья, не отвлекайтесь, — бросил Глун внезапно. А потом отложил мел, повернулся ко мне всем корпусом и пронзил пристальным взглядом синих глаз. — Если думаете, что сила вашего дара способна компенсировать нехватку образования, то спешу вас разочаровать — нет. И еще, следует понять: то, что вас приняли в академию без вступительных экзаменов и без аттестата о среднем магическом образовании, заслугой не является. Возможно, вы гениальны, но пахать все равно придется, Дарья. Поняли меня?

Я поняла. Вернее, я поняла главное: я лох. Просто все, кто тут сидит, имеют среднее магическое образование, то есть им преподавали азы! А меня сразу на вышку бросили. Но почему? И каких результатов в такой ситуации от меня хотят?

— Дарья! — воскликнул Глун.

— Поняла, — пробормотала я и уткнулась в тетрадь.

Наверное, я самая невезучая попаданка на свете. Иначе как еще объяснить всю эту жуть?

Остаток дня прошел, словно в тумане. Я сидела на лекциях и бездумно записывала, ходила за толпой, стараясь не замечать откровенно пренебрежительного отношения, а потом вновь сидела и писала.

На отношение окружающих мне теперь было абсолютно плевать. Куда больше беспокоило другое: я не могу стать магом, потому что не знаю азов. А еще жутко бесило то, что все это понимали. То есть меня вырвали из родного мира, зачислили в эту чертову академию, прекрасно осознавая, что у меня гигантский пробел в знаниях. Да учить меня магии — все равно, что заставлять человека не знакомого с алфавитом читать научный трактат! Это не просто некорректно — это непрофессионально!

Если вспомнить все то, что со мной случилось вчера, ситуация выглядела чистейшим издевательством. И я была готова назвать этот мир бредовым, если бы не одна догадка: а что если это испытание? Что если они нарочно так поступают?

Нет, это не умаляет их вины и моей злости, но если это испытание, то я точно смогу с ним справиться. Именно с этими мыслями я спускалась в

подвал, где, согласно предположениям и обрывкам фраз, услышанным от сокурсников, располагалась библиотека.

В этот раз мне повезло. Я практически сразу наткнулась на дверь с соответствующей табличкой и не медля вошла. Листок с перечнем книг, которые надлежало получить, находился в кармане мантии, и это обнадеживало. А еще обнадежил вид библиотекарши.

За день я кое-что поняла: в академии не только маги водятся, но и обычные люди. И отличить их очень просто — по одежде. Еще я подметила, что простые люди шарахаются от меня не столь рьяно, что, несомненно, радовало.

Библиотекарша была обычной, то есть не магом. Надев на лицо маску уверенности, я подошла к ее столу и сунула под нос листок с перечнем учебников. Женщина улыбнулась, взяла список, чтобы поставить на нем какой-то штампик, а через пару минут выдала мне стопку книг высотой с меня ростом.

За один раз такую кучу я точно до чердака не дотащу!

— Офигеть! — тихо прокомментировала ситуацию я. Однако, решив, что количество подходов к стопке не ограничено, решила уточнить: — Скажите, а учебники средней школы у вас есть?

Брови женщины изумленно дрогнули, но она все же кивнула и подтвердила:

— Да, есть.

— Я могу их получить?

Библиотекарша кивнула опять и, судя по всему, только теперь догадалась, что я не местная, а из другого мира. Но это контакту не помешало, правда, на сей раз ждать пришлось гораздо дольше. Видимо, потому, что комплекты книг для первокурсников были уже заготовлены, а учебники для средней школы пришлось собирать с многочисленных стеллажей.

Минут через пятнадцать на стойке библиотекарши выросла еще одна стопка. Не такая большая и страшная, как первая, но тоже впечатляющая.

— Спасибо, — вежливо поблагодарила я и спросила: — Вы ведь не против, если я это постепенно выносить стану?

— Конечно-конечно, — тут же заверила женщина. Кажется, она меня боялась... Интересно!

Я взяла стопку школьных учебников. Она доставала мне до подбородка и была ужасно тяжелой. Но я находилась не в том положении, чтобы ныть! Вот научусь, вернусь домой, и там сколько угодно.

Именно с таким настроением я направилась к двери. И очень сильно

удивилась, когда эта самая дверь распахнулась, а на пороге возник... Дорс.

Черт. Он что, меня преследует?

— Привет. — Парень в синей мантии улыбался, и мне пришлось улыбнуться в ответ.

Не могу сказать, что он мне разонравился, но от прежнего очарования мало что осталось. Просто не люблю, когда мной пытаются манипулировать, а ведь именно это Дорс пытался сделать утром.

Он же местный, из Полара. Блондину отлично известно, как маги относятся к иномирянам. Он знал, что меня будут гнобить, и попытался воспользоваться моей симпатией. Ай-ай, я обиженная девица, которой непременно нужен утешитель!

Доверять ему после такого? Нет, простите.

— Давай, помогу? — предложил Дорс.

Я на мгновение задумалась. На фоне тех, кто тебя презирает, тот, кто хочет тебя поиметь, смотрится, несомненно, выгоднее, но все равно не вариант. Поэтому отрицательно мотнула головой.

— Спасибо. Не надо.

Но Дорса мой ответ не удовлетворил. Парень вынул из кармана какую-то бутылочку, стремительно выдернул пробку, и перевернул бутылочку вверх дном. И вот тут случилось мое первое знакомство с магией! Ну, если не считать внушения, которое сделал Глун моим родителям и ректору, и последующего магического обморока.

В бутылке была вода. Я четко видела, как она полилась вниз, но прежде чем первые капли коснулись пола, Дорс сделал какой-то пасс рукой, и невразумительные брызги превратились в водную спираль. Эта спираль зависла в воздухе, а спустя мгновение, ринулась ко мне.

Обалдевшая от такого поворота, я даже не заметила, как эта ожившая вода выхватила тяжелую стопку учебников. Но когда поняла, что в руках уже ничего нет, тихо вскрикнула.

А парень улыбнулся и сделал еще один пасс рукой. В следующее мгновение рядом с ним скрутилась еще одна спираль и молнией метнулась к стопке книг, которая оставалась на стойке библиотекаря.

Это было круто. Это было здорово. И я вдруг поняла, что мне тоже хочется уметь вот так. Но с губ сорвалось грубое:

— Аватар недоделанный.

— Что?

— Мультфильм такой, — по-прежнему растерянная, пояснила я. — Там маги воды тоже... вот так как ты. Бутылку опрокинули, воду подчинили и...

Осознав, что выгляжу сейчас в глазах Дорса полной дурой, я замолчала. И вообще так неудобно стало, так стыдно. Он же пришел, чтобы помочь, а я? Неужели за эти два дня совсем озлобилась и остервенела. Я же не такая.

— Извини, — буркнула я виновато.

— Да ничего, — ответил блондин, развернулся и пошел на выход, увлекая за собой две тяжелюющие стопки книг.

А мне вдруг подумалось: что если Дорсу тоже стыдно? В конце концов, он повел себя не очень красиво по отношению ко мне...

До основания лестницы, которая вела в башню факультета Огня, мы шли молча. Дорс и книги впереди, я на прицепе — смущенная и взволнованная. Только когда перед нами выросли столбики с полыхающим огнем, парень остановился и сказал:

— Мне нужно приглашение.

Э... приглашение? А это как? Что мне надо делать?

— Приглашаю тебя в гости, — после недолгой паузы, сказала я. — В башню Огня.

Удивительно, но этого оказалось достаточно. Парень кивнул, уголки его губ дрогнули в улыбке, а потом ступил на первую ступеньку лестницы и пошел вверх. Совершенно беспрепятственно, будто каждый день тут ходит. А я поспешила за ним. И вот, шагая по этим ступеням, поняла, что есть еще одна проблема — проблема заключалась в том, что я живу на захламленном чердаке. Я не могу пригласить Дорса к себе, мне стыдно! Более того, не хочу признаваться, что живу в такой клоаке. Ведь, по идее, мне положено койко-место в комнате.

Но когда мы преодолели два этажа, стало все равно. Ну да, я живу на чердаке, и что? Это не мой выбор, не моя вина. А если так, то чего стыдиться? Нет, это им — ректору, коменданту, девушкам — должно быть стыдно. Но точно не мне.

Когда мы дошли до предпоследнего этажа, блондин остановился. Две стопки учебников, охваченные тонкими спиралями воды, зависли в воздухе. Парень недоумевал, а я пожала плечами и пошла дальше.

— Но там этажи, где живут преподаватели, — хмуро сказал он.

Ага, еще один кусочек мозаики. Занятно, но бесполезно.

— Поверь, я знаю, куда иду, — сказала я с грустной улыбкой.

Дорс неохотно повиновался, и спустя пять минут мы уже стояли на узкой чердачной лестнице, перед старой, растрескавшейся от времени дверью.

— Да ты гонишь... — выдохнул добровольный помощник

ошарашенно. — Тебя не могли здесь поселить!

А я мысленно вздохнула и открыла дверь, мол, смотри, дорогой, мне не жалко.

Блондин был в шоке. Он просто стоял и хлопал ресницами. Изумрудные глаза парня походили на глаза зомби под гипнозом. Зато мне стало так весело! И ведь действительно нечего стыдиться!

— Они не могли так поступить, — пробормотал парень.

Что-то гадкое и мстительное подзуживало пригласить мага внутрь, но я все-таки сдержалась. Сказала с самым равнодушным выражением:

— Как понимаю, они и не такое могут.

Дорс помотал головой, от чего учебники чуть не упали на пол, и я пришла к выводу, что пора прощаться.

— Спасибо за помощь, — стараясь держать все то же равнодушное выражение, сказала я. — Можешь перенести книги через порог?

Он перенес. Потом склонил голову в каком-то подобии поклона, развернулся и пошел к выходу.

Я не знала, что подумал Дорс, и гадать не собиралась. Но за то, что этот хамоватый парень дотащил книги, я была благодарна. Большой помощи мне сейчас ни один из магов не смог бы оказать.

Закрыв за Дорсом дверь, я огляделась и тяжело вздохнула. После целого дня, проведенного в чистых лекционных аудиториях, жуткое состояние этого места успело подзабыться. Но теперь, еще раз окинув чердак взглядом, я окончательно осознала — это настоящая клоака. Единственное, что радовало — наличие трех больших окон, благодаря которым на чердаке было довольно светло.

Я покосилась на две стопки книг, сгруженных Дорсом около грязного порога, оценила следы на пыльном полу и поморщилась. Понятно, что освоить магию — первостепенная задача, но я не могу заниматься в таких условиях. Сначала нужно прибраться, хотя бы чуть-чуть.

Вот только с чего начать? Подумав, я пришла к выводу, что в первую очередь необходимо привести в порядок спальное место. Точнее, тот участок чердака, где лежит матрас. Однако прежде, чем орудовать вокруг «кровати» веником и тряпкой, нужно хоть немного разобраться с окружающим это место хламом.

Не сдержав нового тяжелого вдоха, я стащила с себя балахон, повесила его на спинку единственного целого стула, и принялась за дело.

Чего тут только не было! Какие-то доски, отломанные мебельные ножки, пыльные коробки, старые выцветшие гардины и прочее, прочее,

прочее. Перетаскивая все это «добро» в противоположный от места моего сна угол, я тихо материлась и с каждой минутой все сильнее ненавидела и академию, и ректора, и отдельно профессора Глуна, чьими усилиями был осуществлен переход.

Мне было тошно, противно, гадко! Я кашляла и чихала от пыли. Я в который уже раз за сутки признала себя самой невезучей попаданкой и готовилась разреветься. И я бы точно разревелась, если бы ни усталость и воспоминание о том, что еще предстоит идти на ужин.

А ведь там, в столовой, студенты, которые меня терпеть не могут. Появляться перед ними с заплаканными глазами точно нельзя, потому что тут действует закон стаи — если потенциальная жертва проявила слабость, ее загрызут. Собственно, сейчас на меня не нападают только потому, что я всячески изображаю пофигизм. Но если расплачусь — все, пропала.

Значит, надо сжать зубы и терпеть.

Я с ненавистью отбросила в сторону очередной непонятный обломок и села на пол. Вот бы где сейчас пригодилась магия! Сжечь весь этот хлам к чертовой бабушке!

На мгновение захотелось спуститься в деканат и потребовать помощи хотя бы в этом, но желанию я не поддавалась. Понимала — бесполезно. Раз меня специально бросили здесь на произвол судьбы, то не помогут ни истерики, ни слезы. Поэтому, передохнув, поднялась и снова принялась за дело.

— Забавная ты.

Голос из ниоткуда заставил меня перепугано дернуться и тихонько взвизгнуть. Даже притом, что я прекрасно помнила о призраке, живущем в зеркале, слишком неожиданно он объявился.

А зазеркальный жилец, довольный моей реакцией, фыркнул.

— Тебе все равно не справиться, — добавил он.

Распрявившись, я вытерла вспотевший лоб тыльной стороной ладони и мрачно уточнила:

— Это почему же?

Несмотря на то что ничего смешного в моем вопросе не было, призрак заржал. Мерзко так, злорадно. Не выдержав, я обернулась и подошла к зеркалу. Вместо меня там опять отражался монстр, и эта помесь гиены с крокодиллом откровенно радовалась. Спрашивается, с какой стати?

— Так почему? — повторила я вопрос.

— Да потому, что чердак большой, а ты мелкая, — сообщил призрак очевидное. — К тому же, пыль никуда не девается. Любой сквозняк — и все твои усилия заметет ее новым слоем.

— Ну, допустим, — неохотно признала я справедливость его слов. — И что ты предлагаешь делать?

Монстр сделал вид, будто задумался. Закатил глаза, прищелкнул языком и даже демонстративно почесал подбородок когтистой лапой. А потом поднял когтистый палец и выдал:

— Предлагаю еще раз сходить к ректору.

— И?

— И устроить скандал. Вы же всегда скандалы устраиваете. — Призрак хмыкнул.

От первой части фразы меня передернуло: спасибо, с ректором уже наобщалась. А вот вторая часть заинтересовала.

— Кто это — «вы»? — уточнила я.

— Иномиряне, — охотно пояснил монстр.

Опа! А вот это интересно! Раз призрак в курсе дел моих предшественников, так, может, и еще кое в чем просветит?

— Слушай, а за что нас, иномирян, тут так не любят? — полюбопытствовала я.

— А за что вас любить? — парировал резко посерьезневший призрак и брезгливо скривился. — Вы невыносимы, вы всегда пытаетесь устанавливать свои порядки. Вы хамите! И вообще... толку от вас никакого.

— То есть? — настороженно уточнила я.

Монстр вздохнул.

— Не знаю, почему так получается, но вы, иномиряне, по уровню магии всегда сильнее коренных жителей Полара, — с досадой сказал он. — Вас находят, приводят, вас пытаются учить магии и возлагают на вас большие надежды. Но это бесполезно. Знаешь, сколько иномирян побывало в стенах этой академии? Сотни три! А знаешь, скольким из них удалось овладеть магией? Всего двоим!

Интересно...

— А остальные? — Я с напряжением посмотрела на него.

— А остальные — ничего, — сказал призрак. — Ноль. Пустые надежды и полное разочарование. Но Совет Магов все равно настаивает на том, что нужно искать и обучать одаренных иномирян! — Последние слова он буквально выплюнул, как обвинение. Будто это я, лично, Совет Магов подзуживаю.

— Значит, поэтому вы нас не любите? — Я задумчиво скользнула взглядом по стопкам учебников.

— Это главная причина, — подтвердил призрак.

Нет, ну нормально, вообще? Скандалы им наши не нравятся! А то, что они неприспособленных людей без подготовки сразу высшей магией заниматься заставляют — это как бы в порядке вещей?

— Но это же бред! — возмущенно воскликнула я. — Как можно освоить магию, если... — Я осеклась и глубоко вздохнула. Необходимо было держать себя в руках, ведь понятно, что ругаться с призраком бесполезно. — Вот смотри, — уже спокойно продолжила я, — меня вытащили из родного мира и привели сюда. Зачислили в академию без экзаменов «по благу». Мне предлагают выучиться магии, но при этом я, в отличие от остальных студентов, магическую школу не заканчивала. Я не знаю азов! Как я могу освоить университетскую программу? Не удивительно, что мои предшественники провалились. С ними-то, как понимаю, то же самое произошло.

— Не-а... — протянул монстр.

Я насторожилась. Что это значит?

— Поясни.

— Ты — первая, кого вот так, в омут с головой бросили, — ошарашил призрак. — Остальных, перед тем как зачислить в академию, основам магии обучали.

У меня даже рот от удивления и негодования приоткрылся. Вот значит как получается, я не просто невезучая, а самая рыжая?

— А я? А меня почему учить не стали? — вырвалось само собой.

— Понятия не имею. — Монстр пожал подобием плеч.

Ох как же стало обидно! И объяснение такому поведению ректора и Ко было одно: меня приняли в Академию Стихий просто для галочки, чтобы Совет Магов по шапке не настучал. А еще стало совершенно понятно, что все те слова, которые говорил ректор о моем обучении — ложь. От начала и до конца. Я, с точки зрения магов, ноль. Заведомо провальн^{ый} эксперимент, настолько безнадежный, что и пытаться заниматься со мной не стоит. Здесь даже не надеются на мои успехи, хуже того — меня хотят сбagrить в другое учебное заведение. То, которое «куда менее приятное», чем это.

Но почему? Неужели только за неоправданные предшественниками надежды? Не верю!

— Должна быть еще какая-то причина, — уверенно произнесла я вслух. — Ведь так?

— Так, — неожиданно подтвердил призрак. — Но про это говорить не положено.

— Почему?!

— Потому. — Монстр состроил страшную гримасу, а потом повторил:

— В общем, зря ты стараешься. Все равно в конце семестра вылетишь.

И довольно хихикнул, отчего стало еще обиднее.

Однако, несмотря на нежелание сдаваться и опускать руки, давать обещаний из серии «а я все равно смогу, утритесь!» тоже не хотелось. Да, я намерена приложить максимум усилий, но не знаю, что из этого получится. Поэтому ответила миролюбиво:

— Возможно, ты и прав. Но до конца семестра мне здесь жить. А жить в грязи я не привыкла.

Призрак издевательски расхохотался и растаял, а передо мной возникло отражение всклокоченной девицы в короткой юбке, посеревшей от грязи майке и покрытых пылью балетках. Красота невообразимая, блин.

Но что делать? Разгрести хлам и не испачкаться — это из области фантастики.

Постаравшись хотя бы как-то отстраниться от мрачных мыслей, я вернулась к работе. А вскоре мне повезло: в чердачных завалах обнаружилось жестяное ведро и выдавшая виды швабра. Эти находки воодушевили. Конечно, не пылесос с «Мистером Проппером», но на безрыбье, как говорится... в общем, если приспособить вместо половой тряпки кусок одной из гардин, то хоть полы помыть смогу. Все пыль прибьется.

В общем, когда пространство вокруг матраса было расчищено от хлама, я так и поступила. Набрала ведро воды и принялась драить пол. К этому моменту, надо сказать, с меня уже семь потов сошло, и, разумеется, заинтересовал один жизненно-важный вопрос...

— Эй, монстр, — позвала я.

В ответ — тишина.

— Слушай, ты, в зеркале...

— У меня вообще-то имя есть, — недовольно сообщил, появляясь, призрак.

Гм. А я об этом как-то не подумала. Неловко получилось.

— И как тебя зовут? — отставив швабру и стараясь казаться дружелюбной, спросила я.

— А не скажу, — заявил он и скорчил очередную страшную морду.

И почему я не удивлена?

— Ладно. — Я решила не обижаться на странную нежить. — Тогда скажи мне хотя бы, где здесь прачечная?

Призрачный монстр рассмеялся.

— Ты что, решила, что я буду тебе помогать?

Ну... а почему нет? Я же в параллельном мире, а в фэнтези

попаданкам всегда кто-то помогает. Но сказать это «в открытую» я, разумеется, не могла. Вместо этого со вздохом уточнила:

— Ты всегда такой вредный?

Монстр поступил банально: опять захохотал и исчез. То есть, похоже, помогать действительно не будет.

— А если зеркало разобью? — с тихой злостью спросила я.

Ответа не последовало. То ли кто-то не боялся, то ли очень хорошо понимал, что я ужасно устала и бить зеркала сейчас не стану — ни запала, ни наглости не хватит.

Но, как оказалось, мое замечание все-таки услышали. В глубине зеркала что-то звякнуло, и ехидный голос возвестил:

— Если ты не собираешься снова объявлять голодовку, то советую поторопиться. Ужин уже начался.

Черт! Вот и еще одна проблема вылезла — надо срочно обзавестись часами! Пожалуй, о них и о прачечной можно будет у Глории спросить. Уж в такой мелочи она не откажет. А потом... может быть, все-таки удастся договориться с призраком.

Переодеться к ужину мне было не во что, и это удручало. Зато очень пригодилась форменная мантия. Конечно, если приняться, то сразу станет понятно, что со мной не все в порядке, ибо потом несет, как от яка. Но поскольку я во всеобщем игноре, приближаться, а уж тем более нюхать никто не будет.

Воодушевленная этими мыслями — а что? Когда все фигово, очень полезно радоваться хотя бы мелочам! — я вышла из комнаты. Однако едва миновав два лестничных пролета, изумленно остановилась.

На этаже студенческого общежития была вода! Много воды! А еще обнаружили трое подвывающих парней, явно первокурсников. Они болтались под потолком, как скотчем прилепленные к нему водными струями вопреки всякой физике и закону притяжения.

Офигеть. Вот это... это просто офигеть что такое!

Пока я соображала, пытаться ли позвать на помощь или потихонечку пройти мимо, одна из дверей, практически напротив лестницы, вдруг открылась, и в коридор вышел парень. Высокий, худощавый, с длинными рыжими волосами, заплетенными в косу, и красивым, но надменным лицом. Одет он был с иголочки, в идеально выглаженные брюки, начищенные до блеска ботинки и льняную алую рубашку с оригинальным, широким косым воротником. «Этакий местный пижон», — промелькнуло в голове.

Увидев на лестничной площадке меня, парень пренебрежительно усмехнулся и сделал шаг вперед.

Хлюп!

И ботинок рыжего, наверняка дорогой и брендовый, погрузился в грязную воду.

Взгляд пижона медленно опустился вниз, потом с недоверием окинул коридор и, под конец, остановился на висящих под потолком студентах.

— Что за?.. — выдохнул рыжий, зверея на глазах. — Кто, возлюбил вас гхарн, пустил в башню синих?!!

Упс. Если «синие» — это маги воды, то...

Я хотела уйти, но не смогла. Застыв, зачарованно смотрела на то, как в руках парня вспыхивает и расцветает огненный цветок. А потом, распавшись на лепестки, стремительно взмывает к потолку и подобно острому ножу срезает водные спирали.

Сразу же вслед за этим освобожденные студиозусы рухнули на пол. Смягчать падение, правда, было некому, так что спектр издаваемых ими после приземления звуков оказался большим и очень эмоциональным.

Рыжий пижон тем временем что-то негромко рыкнул, резко взмахнул рукой, и этаж окутало горячим паром. Я закашлялась и инстинктивно прикрыла рукой глаза. А когда пар немного развеялся, увидела, что коридор стал абсолютно сухим.

— Кто это сделал? — со злостью уставился на парней рыжий.

— Мы не видели, — медленно поднимаясь и кривясь, в один голос отозвались те.

И тут я поняла, как же мне повезло. И как замечательно, что в момент моего первого появления в студенческой столовой никто не обратил на это внимания. А так же не заметил моего сопровождающего. И что по пути из библиотеки нас с Дорсом никто не застукал!

Светить знакомство с Дорсом нельзя, однозначно. А то ведь сразу поймут, кто пустил в башню Огня мага Воды. И еще темную, чего доброго, устроят.

— Гхарн, как же больно! — простонал кто-то из подвергшихся нападению «синего» парней.

А я вдруг поняла, что ни капли им не сочувствую. Поделом!

Стоять тут дальше было бессмысленно и опасно. Так что я подобрала полы балахона и поспешила вниз по лестнице, а вскоре уже выходила из башни в общий коридор.

На сей раз за углом никто не караулил, но это и не требовалось. Я прекрасно запомнила дорогу до столовой, так что заблудиться не грозило.

Настроение улучшалось с каждой минутой. Причем радовалась я несмотря на то, что отлично поняла: Дорс мною воспользовался. Конечно, я ведь иномирянка, да к тому же новенькая. А, значит, понятия не имела, что «синие» и «красные» враждуют. Хотя... могла бы догадаться, ведь за завтраком видела — огневики и водники сидят отдельно. Впрочем, плевать. Никакой солидарности и сочувствия во мне коллеги по факультету не вызывали, даже наоборот. Так что в столовую я вошла на позитиве.

Вот только едва переступила порог, от этого позитива и следа не осталось. Просто еще один момент выяснился: тут не принято надевать форму на ужин! Я — единственная, кто пришел в балахоне! Остальные студенты оказались в самой обычной одежде. Вернее, не то чтоб совсем обычной, но очень даже близко похожей на нашу, земную.

Девушки, по большей части, красовались в длинных вечерних платьях. Парни — в брюках, рубашках с манжетами и пиджаках оригинального кроя. Черт, да у них тут прямо светский раут какой-то! И вдруг появляюсь я — вся такая... заметная.

А ведь те трое огневиков, что висели под потолком, и рыжеволосый пижон, который их спасал, тоже без мантий были. Блин... опять подстава. Да сколько ж можно!

На меня в очередной раз за день смотрели как на дуру, и это было неприятно. Еще неприятнее было осознавать, что эти взгляды будут сопровождать каждый мой ужин. И завтра, и послезавтра... просто потому, что у меня нет подходящей одежды, и, значит, придется ходить в балахоне и впредь.

Блин, блин, блин! Что делать?! Пойти к Глуну? Или опять к ректору? Или перед Глорией на колени упасть?

Почему-то ни один из этих вариантов энтузиазма не вызвал.

Глун меня терпеть не может. Соваться к ректору, да сразу после скандала — совсем глупо. А Глория... ну она тоже не филиал «красного креста». Да и где ее сейчас искать? Сомневаюсь, что деканат работает круглосуточно.

Поскольку больше идей в голову не приходило, пришлось сжать зубы и смириться с очередным позором. Ну да ничего. Выход найдется, обязательно! А пока что надо постараться и не обращать на окружающих внимания. Голодной из-за отсутствия какой-то там одежды я оставаться не собираюсь.

В этот раз я сидела за отдельным столом. Одна.

Не потому, что так повезло или народа в столовой меньше, чем в обед,

стало. Нет. Все оказалось куда банальнее: «товарищи» по академии дружно решили заранее освободить один из крайних столиков. И не преминули на него указать, едва я с подносом отошла от раздаточной.

Конечно, демонстрация такой откровенной неприязни и дискриминации не радовала, но париться на этот счет сил не было.

Я сидела, жевала и размышляла. Что дальше? Ближайшие перспективы казались не слишком радостными, но они все-таки были. Главное — не вылететь в конце семестра. Потому что если плохо здесь, то о месте, куда меня обещали отправить в случае неудачи, страшно даже думать. Бытовые неудобства по сравнению с этим — пустяки. Одежду, в конце концов, сегодня постирать можно. Поэтому...

Окинув поднос пристальным взглядом, я довольно хмыкнула. Набирая еду, в которой здесь не ограничивали, я пожадничала и очень удачно взяла не только горячее, но и бутерброды. Как чувствовала, что понадобятся, честное слово.

Эти самые бутерброды в конце ужина были завернуты в салфетку и спрятаны в карман. А я гордо выпрямилась и, стараясь не думать, что выгляжу в алом балахоне белой вороной, отправилась на выход.

— Она еще и еду ворует, — брезгливо процедил откуда-то справа женский голос.

Не останавливаясь, я скосила глаза. За столиком, со стороны которого прозвучало обвинение, расположились аж три девушки. С какого факультета — без мантий не определить. Лица абсолютно незнакомые, но холеные и буквально излучающие резкую неприязнь. В общем, желания оправдаться и сообщить, что взяла бутерброды, ибо не собираюсь на завтрак, не возникло. Зато желание поскорее приступить к изучению взятых в библиотеке книг, стало нестерпимым, и спину будто жаром обдало.

Ничего, мы еще посмотрим, кто кого. Мы еще повоюем.

Но эту тройцу я все же постаралась запомнить. Просто на будущее.

Глава третья

Я чувствовала себя разбитой и жутко усталой. После перетягивания хлама и мытья полов, мышцы ощутимо болели, а поясница ныла. К тому же стирка, которую пришлось затеять, хорошему самочувствию тоже не способствовала, хотя и была необходима.

Собственно, именно из-за стирки я не планировала идти на завтрак — лишний час для сушки вещей не помешает. По правде говоря, я вообще не была уверена, что одежда успеет высохнуть, но ходить в грязном уже физически не могла.

Предварительно я, как смогла, отдраила ванную найденной среди хлама щеткой и быстро ополоснулась. Потом заткнула слив, включила горячую воду и сгрузила туда юбку, майку и колготки. Нижнее белье простирала отдельно, в раковине.

После чего завернулась в полотенце — его мне вместе с постельным бельем при заселении выдали — и пошла разбираться с книгами. Нужно было успеть, пока окончательно не стемнело, лампочек-то здесь нет. И даже фонариков.

Однако едва я вышла из ванной, как замерла и разучилась дышать. В тишине захламленного чердака отчетливо слышалось громкое, смачное чавканье.

Кто-то жрал! И если учесть, что еды тут вообще-то не водится... кто-то жрал мои бутерброды!

Я не испугалась — просто слишком устала, чтобы бояться. Вместо этого аккуратно взяла прислоненную у двери в ванную комнату швабру, и на цыпочках пошла на звук. А дальше получилось как в анекдоте:

«— Гражданин, а кто это у вас в чемоданчике?

— Не знаю, но колбасу любит...»

Вот и то, что сидело на стуле, на который я, за неимением другой мебели, стыренные бутерброды положила, определению тоже не поддавалось. Больше всего это существо напоминало небольшой серый меховой шарик. Но чавкало так, будто питался целый слон или тигр саблезубый.

Страшно по-прежнему не было. Да и чего бояться, если у тебя в руках увесистая деревянная швабра?

— И как это понимать? — остановившись в шагах в пяти от стула, грозно спросила я.

Чавканье резко прекратилось.

А потом оказалось, что у этого шарика есть ножки. меховой клубочек приподнялся, медленно повернулся и посмотрел на меня такими большими, такими голодными и несчастными глазами... Что швабра как-то сама собой опустилась, а боевой запал исчез.

— И-и-и... — жалобно пропищало это чудо, и мое сердце окончательно растаяло.

Ну как на такое злиться?

— Ешь, — разрешила я. — Не бойся.

Шарик, кажется, не поверил. По крайней мере, возвращаться к бутербродам он не спешил. Чтобы успокоить неведому зверушку, я осторожно отступила. Потом вообще развернулась и пошла к ванной комнате, чтобы вернуть швабру на место. И только после этого в тишине чердака опять зазвучало чавканье, правда, не такое зверское, как раньше.

В общем, позавтракать на чердаке мне теперь не удастся. Ну ладно, схожу в столовую — что уж? В конце концов, если одежда не высохнет, можно одним только нижним бельем ограничиться. Балахон-то достаточно длинный, и не просвечивает. Только некомфортно будет в одних трусах, но где наша не пропадала?

Я поставила швабру к стене. Ручка швабры тихо стукнула о стену, а следом, заставив меня вздрогнуть, раздался еще один стук — в дверь моего убежища.

Гости? Но я никого не жду.

Стук повторился, уже более нетерпеливый и требовательный. меховой комочек перестал чавкать, и я услышала его настороженное:

— И-и-и?

Черт, а, может, это у кого-то совесть проснулась? Может, эти ироды нашли для меня нормальную комнату? Ну или хотя бы вещи принесли?

Окрыленная надеждой, я расправила плечи и пошла открывать. Ну и что, что в одном полотенце! Стеснительность я как-нибудь переборю, а в остальном — не моя вина в отсутствии сменной одежды. Пусть стыдится тот, кто притащил меня в этот мир. Да и стучат уже так настойчиво, что снимать полотенце, чтобы надеть балахон, времени нет: того и гляди замок сломают.

К двери я подошла в самом решительном настроении, но едва дернула за ручку, сердце испуганно сжалось. На пороге стоял рыжеволосый парень — тот самый, который первокурсников с потолка снимал. И мрачное выражение его лица не предвещало ничего хорошего.

Правда, ровно до того момента, как маг увидел, во что я одета.

— У-у... — протянул пижон и с легкой озадаченностью приподнял бровь.

Его долгий, откровенно раздевающий взгляд прошелся от моих босых ступней и до груди, после чего рыжий криво усмехнулся, выдав:

— Вот значит, как на Земле гостей встречают? Интере-есно.

Издевки в его голосе не заметил бы только глухой. Но помня об опасности этого типа, я удержалась от хамства. Только сухо спросила:

— Что вам нужно?

Вот теперь парень соизволил оторвать взгляд от прикрытой полотенцем груди, и чуть раскосые черные глаза с нехорошим прищуром уставились на меня.

— А нужно мне, детка, кое-что узнать, — жестко произнес рыжий. — И лучше, если ты сразу во всем сама признаешься.

Парень сделал шаг вперед, и мне пришлось отступить. Нет, был, конечно, вариант остаться на месте и встретить врага грудью, но я не настолько смелая. Все, на что меня хватило, это вздернуть подбородок и с вызовом поинтересоваться:

— В чем же?

За окном стремительно темнело. Там, в коридоре, еще горел свет, а вот чердак тонул в полумраке. В итоге, когда гость вошел, окончательно загородив проем, я перестала различать выражение его лица.

Но почти тотчас маг поднял руку, что-то шепнул и на его ладони вспыхнул огонек. Щелчком подвесив светящийся шарик в воздухе прямо над нами, рыжеволосый пижон процедил:

— Ведь это ты впустила в башню «синего», верно?

— «Синего»? — Я само недоумение, да-да!

— Не притворяйся. Ты единственная, у кого могло хватить ума, впустить в нашу башню мага Воды.

Нормально? То есть меня напрямую обвиняют в тупости! Нет бы сказать: ты единственная, кто не знает, что маги Воды — нежелательные гости...

Но рыжий вероятность ошибки по незнанию исключал. Он именно обвинял. И я поняла — ни за что не признаюсь. Более того, как только выпадет такая возможность, приглашу Дорса снова.

— Прости, но я тебя не понимаю. — Я развела руками. — Я новенькая, из другого мира. Никого тут не знаю и ни с кем не общаюсь. Как, по-твоему, я могла впустить сюда этого вашего «синего»?

— Ты врешь! — зашипел рыжий, наступая.

Опять пришлось попятиться, потому что встречать врага грудью по-

прежнему была не готова. Да и вообще, страшно стало, блин!

— А ты... ты бредишь! — с отчаянной смелостью пискнула я.

А потом взвизгнула уже от испуга, ибо рыжий внезапно схватил меня за плечи.

— Ты, детка, мне сейчас все расскажешь, — нависая, прорычал он и глазами сверкнул так, что у меня мгновенно сердце в пятки ушло.

Понятия не имею, чем бы это все закончилось, если бы в следующий миг не послышался быстро приближающийся стук каблуков и гневное:

— Каст! Каст, прекрати немедленно!

Она была стройной и высокой, и даже при беглом взгляде очень сильно походила на напирającego на меня парня. Этакая наспех загримированная под огненно-рыжую эльфийку актриса. Но очень красивая — что есть, того не отнять.

— Каст, прекрати, — повторила девушка, встав рядом с яростным пижоном. — И отпусти девушку. Какой же ты все-таки... несносный.

«Эльфийка» была моей ровесницей, это точно. Парень — явно старше, по прикидкам, тянул лет на двадцать пять. Тем не менее, хоть и с неохотой, парень подчинился и руки убрал. Только зубами скрипнул.

А следующая реплика девицы адресовалась мне:

— Даша, прости. Мой брат иногда излишне груб.

— Зато ты иногда излишне добра, Кэсси, — отходя, раздраженно бросил рыжий.

И только теперь девушка заметила, в каком я виде.

Глаза ее на мгновение округлились, а потом незнакомка не терпящим возражений голосом потребовала:

— Так, Каст, вышел отсюда. Быстро! Не хватало, чтобы о тебе еще и такие слухи пошли!

— Я с иномирянкой? — Меня одарили брезгливым взглядом. — Не придумывай.

Громко фыркнув, рыжий демонстративно оправил кожаную жилетку, надетую поверх алой рубахи, круто развернулся на каблуках и покинул чердак.

Вот так меня еще не «опускали» ни разу в жизни. Бывало, обсуждали за спиной мою внешность, бывало, приписывали пошловатые достоинства или увеличивали в чужих глазах недостатки. Но никогда еще не перечеркивали разом всю возможную женскую привлекательность только потому, что родилась где-то не там!

Кажется, теперь я на собственной шкуре ощутила, что чувствует

одиноким негр... или как там правильно, афроамериканец, в школе для белых националистов.

В этот момент «эльфийка», отвлекая от мрачных мыслей, шумно вздохнула и сказала:

— Извини. Просто Каст... он на самом деле несносный. А тут еще это нападение водяного элементаля. Мы никак не можем понять, кто мог впустить в башню «синего», вот он и бесится. Я, главное, ему говорю: Каст, да кто угодно! Мало ли у кого какие счеты с этими тремя недоносками? А брат и слушать не хочет.

Так, кажется, я влюбилась. Не в рыжего, конечно, в «эльфийку». Она ведь прямо мои мысли прочитала! Озвучила придуманную мною отмазку, слово в слово!

— Ничего. Не извиняйся, — стараясь по-прежнему поддерживать на лице унылое выражение, махнула я рукой. — Понимаю, что я тут самая крайняя.

Девушка поджала губы и потупилась. Да, крыть ей было нечем.

Потом вновь взглянула на меня, окинула взглядом сумеречный чердак. Конечно, в сгустившейся темноте увидеть что-то кроме того небольшого пятка, который освещал огненный шарик, оставленный здесь ее братом, было сложно. Но и этого хватило, чтобы у «эльфийки» слегка вытянулось лицо.

— Мне жаль, что так получилось, Даша, — произнесла она.

Потом плавно развернулась, чтобы уйти, но замерла на пороге. Спросила:

— А это правда, что профессор Глун не стал переносить сюда твои вещи? — Под словом «сюда» Полар подразумевался. — Правда, что ты... что у тебя...

— Правда. — Признаться было не стыдно. В конце концов, этот перенос, как и случай с заселением, не моя вина. Не я составляла непонятные письма, и вообще. Я ничего про этот перенос не знала, так что я могла сделать?

— Это ужасно, — пробормотала «эльфийка».

Я не ответила. А что? Плакаться незнакомке? Она проявила сочувствие, защитила от своего излишне сообразительного брата, но я отлично понимала — на этом все. Она такая же, как все, и она со всеми. А я изгой. И буду изгоем до тех пор, пока не научусь справляться со своим даром. Ну а когда научусь... не факт, что мне понадобятся друзья. Тем более я вряд ли смогу назвать друзьями тех, кто отворачивается от меня сейчас. Ведь дружба сродни браку — и в горе, и в радости. Люди, готовые

делить с тобой лишь моменты успеха, — не друзья, а дешевка.

— Извини, Даша.

Девушка, полного имени которой я так и не узнала, ушла, осторожно прикрыв за собой дверь. Напоминал о посетившей меня парочке только огненный светлячок, который теперь был единственным источником света на утонувшем во мраке чердаке. И в этот момент стало как-то особенно грустно и очень неприятно.

Как и раньше, я не хотела плакать, но слезы разрешения не спрашивали. Все-таки это обидно. Чертовски обидно!

— И-и-и? — донеслось из глубины огромного, заваленного хламом помещения.

Я вздрогнула.

Потом утерла слезы и заставила себя взбодриться. Ничего. Мы еще всем покажем, на что способны иномиряне. И не важно, чего это будет стоить. Сдохнем, но сделаем!

А сейчас важно только одно — как я буду учиться, если тут нет света?

Ах нет, еще один вопрос — этот комок меха, который сожрал мои бутерброды, он не кусается?

Я задумчиво подошла к стулу, где все еще сидел глазастый шарик, и прищурилась, пытаясь в полумраке разглядеть, насколько большие у зверюшки зубы.

— Это голодное существо — твир, — сообщил ворчливый голос. — Оно не опасно. По крайней мере, для людей.

Я снова вздрогнула, а слезы высохли окончательно. Призрак, живущий в зеркале, опять со мной говорит? Надо же. Может, все-таки удастся познакомиться?

— Как тебя зовут? — обернувшись к зеркалу, спросила я.

Вопрос, по всей видимости, оказался неверным. Помесь гиены с крокодиллом замолчала и на дальнейшие расспросы не реагировала. Даже рассуждения о том, что зеркала слишком хрупкие и часто падают, его не задели.

Зато не прошло и четверти часа, как случилось кое-что другое и, видимо для разнообразия, приятное. Едва я закончила перетаскивать поближе к матрасу книги, как снова раздался стук в дверь, и на пороге опять возникла рыжеволосая девица. Она протянула небольшой бумажный пакет, который я машинально взяла.

— Все новое. Только умоляю, не говори никому. — «Эльфийка» опустила глаза, явно чувствуя неудобство. — Я не считаю вас существами второго сорта, но... если наши узнают, они не поймут.

Даже не зная, что в пакете, я все равно кивнула и тихо заверила:

— Я тебя не видела.

— Ага.

Рыженькая убежала раньше, чем я успела сказать что-то еще, но она была прощена за все, как только я заглянула в пакет.

Огонек, который зажег брат «эльфийки», уже угасал. Но я успела рассмотреть содержимое нежданного подарка. В пакете нашлась расческа, щетка, сильно похожая на зубную, несколько баночек с непонятным пока содержимым, и мыло!

Боже, мыло! Зубная щетка! Какое счастье! Да я готова целовать пол, по которому ходила эта «эльфийка»! И когда буду снова впускать в башню Дорса, возьму с него клятву — рыжую не трогать. Всех можно, ее — нет.

Чувствуя себя выжатой как лимон, кое-как добрела до матраса, сбросила полотенце и легла. Натягивая на себя выданное комендантом одеяло, я в последний раз взглянула на мехового «И-и-и». Он, как и прежде, сидел на стуле. «Ладно. Буду надеяться, что призрак прав, и он не опасен», — решила я и устало закрыла глаза. Отключилась я практически сразу.

А утром...

Сплю я прекрасно. Я не из тех, кого мучают кошмары или цветные сны психоделического содержания. И я прекрасно умею отличать сон от реальности. Но в этот раз, открыв с утра глаза, я была в шоке.

Это что? Это как? Как такое возможно? Где я? Я сошла с ума? Или просто до сих пор не проснулась?

Во-первых, обнаружилось, что лежала я не на матрасе, а на кровати. Во-вторых, надо мной были не черные от времени доски, а выбеленный дощатый потолок. В-третьих, в окна лился яркий солнечный свет, и этот свет не оставлял ни малейших сомнений в том, что кровать стоит не среди мусора, а... просто стоит.

Нет, мусор, конечно, на чердаке оставался. Но его было гораздо меньше! А пол сверкал, причем не только там, где вчера мыла.

Еще одним моментом глюка оказалась висящая на стуле одежда. Чистая и сухая. И это был мегаглюк, потому что вечером я рухнула спать, забыв вытащить вещи из ванной!

— Так... что происходит? — тихо спросила саму себя.

Приподнялась, огляделась повнимательнее и увидела... маленький меховой комок, который сидел на полу возле кровати и тарацился на меня своими огромными, но уже не такими голодными глазами. И я поняла. Вот

даже тени сомнения не возникло:

— Это все ты?

— Я-я-я! — пропищал комок и прикрыл глазки.

— Твиры — одна из разновидностей домашней нечисти, — пробурчал подозрительно знакомый голос. — В вашем мире они называются домовыми.

Я перевела взгляд на зеркало, которое стояло на прежнем месте, шагах в пяти от кровати, и широко улыбнулась. Стало совершенно понятно, почему живущий в зеркале призрак не ехидничает по обыкновению, а именно ворчит.

Зеркало было идеально чистым! Все! Стекло отдраено, а вычурная медная рама аж сверкала после полировки.

— Не смешно, — заметив мой восторженный взгляд, сообщил призрачный монстр.

— Очень смешно, — мстительно протянула я. Потом повернулась к меховому «И-и-и» и сказала совершенно искренне: — Ты замечательный. Спасибо тебе огромное.

Кто-то, кажется, смутился. Конечно, трудно распознать эмоции, когда перед тобой всего лишь шарик размером с кулак, но он точно засмутился.

— Ничего смешного, — повторила помесь гиены с крокодилом. — Твиры — существа низшего порядка, они подлежат уничтожению. Зря ты его накормила.

Что?

Один конкретный твир слов монстра то ли не понял, то ли сделал вид, что не понял. Маленький меховой клубок даже не пошевелился, а у меня челюсть отпала.

— Как это зря? Как это уничтожению? Почему?!

— Потому что твиры низшие, — ворчливо пояснил монстр. — Потому что они трудноуправляемы. И вообще... они же напакостить в любой момент могут, если чем-то недовольны станут!

— Какое напакостить?! Да ты посмотри, что этот малыш сделал! — возмущенно воскликнула я.

— Твиры подлежат уничтожению, — занудно повторило это чудовище безобразное. — И ты обязана сообщить коменданту, что...

— А больше я ничего не должна?!

Монстр заткнулся, правда, ненадолго. Пока я одевалась, он вновь попытался настоять на своем:

— Даша, ты должна сообщить.

— Черта с два! — зло выпалила я. — Да он один сделал для меня

больше, чем вся эта академия! — и, повернувшись к клубочку, добавила: — Умница моя. Да я тебе всю еду из столовой перетаскаю!

К моему полному удивлению, твир поднялся на лапках и закачался из стороны в сторону. Это означает «нет»?

— Но бутерброды-то ты будешь?

Малыш радостно пискнул и запрыгал на месте, как маленький мячик.

— Даша... — протянул монстр. — Даша, не надо...

Интересно, а чем эта помесь бульдога с носорогом вчера думала? Ну, в тот момент, когда твир мой завтрак жрал? Ведь мог наврать, что этот комок меха опасен и заставить вызвать коменданта. А сейчас, после того, как я узнала, на что способен малыш, точно поздно.

— Не дожدهшься, — буркнула я.

Монстр взвыл, но теперь в его вое мне почудилось нечто театральное. То есть кое-кто не так уж против чистоты? Кое-кто нагло блефует? Что ж, его право. Но мы сделаем вид, что поверили.

— Ты мой хороший, — ласково обратилась я к твиру. — Ты мой маленький...

Меховой шарик опять запрыгал на месте, а я совсем растрогалась.

Я же узнала эту кровать. Я видела эти резные спинки, когда перебирала хлам. Малыш не наколдовал мебель, он просто ее починил. Не знаю, как ему удалось при этом переместить на кровать меня, причем вместе с матрасом, одеялом и постельным бельем, но это и не важно. Главное — он это сделал.

Нет, вы как хотите, а я сделаю все, чтобы никто до маленького твира не добрался. У меня же помощник появился! Причем настоящий! А не какой-то вечно недовольный, игнорирующий вопросы монстр.

— Твир остается, — сказала я.

— У... — ответил призрак.

Может быть, он хотел сказать что-то еще, но я уже не слушала. Подхватила с пола принесенный рыжеволосой девушкой пакет и отправилась в ванную.

Зубная щетка, мыло, расческа. А! Я в раю!

Настроение не просто улучшилось — оно взлетело на вершину Эвереста. И на завтрак я шла, широко улыбаясь. Да-да, во все вычищенные новой щеткой зубы. Возможно, если бы я не была изгоем и на меня обращали внимание, столь резкая перемена в настроении вызвала бы подозрения, а так все было здорово и чудесно.

Только один человек во всей этой гадкой академии заметил и робко

улыбнулся, делая вид, что улыбается не мне — рыженькая девушка-«эльфийка».

Хотя... ошиблась. Внимание на меня не только она обратила. Ее брат, Каст, тоже взглядом мазнул и тут же нахохлился. А после завтрака, когда я отнесла поднос на стол для грязной посуды и пристроилась в хвост к компании первокурсников (вчера я старалась запомнить лица, поэтому опознать студентов со своего курса было не очень сложно), заметила Дорса.

«Синий» посмотрел на меня искоса и о чем-то задумался. Даже на обращение своего товарища не сразу ответил. А девицу, которая стояла рядом с ними и усиленно хлопала ресницами, вообще проигнорировал.

Конечно, его интерес мог означать что угодно, тем более что особых симпатий между нами нет, но мне все равно стало приятно. Как будто комплимент сделали.

В том же приподнятом настроении я пришла на первую лекцию и обнаружила, что вести ее будет профессор Глун. Мужчина стоял у кафедры, холодный и надменный, с прямой, как палка, спиной. Наличие тут этой синеглазой ехидны подтолкнуло к выводу, что сегодня в мире Поляр среда. Просто в расписании именно во вторник-среду первыми стояли лекции по теории магии, которую преподавал Глун.

— Уважаемые студенты, прошу поторопиться, — едва заметив нас, сказал профессор.

Студенты, как ни странно, действительно поторопились, и занятие началось еще до того, как прозвенел звонок.

Глун, как и вчера, рисовал схемы, что-то рассказывал, а я снова ничего не понимала. Но не отчаивалась. Все еще впереди! К тому же, сегодня у меня будет возможность засесть за учебники, потому что умница-твир привел комнату в терпимое состояние.

После теории магии Огня, наступила очередь лекции по политологии. Вел ее невысокий старичок в круглых очках — судя по бумажке с расписанием, профессор Боравис. Правда, на нем почему-то была надета зеленая мантия мага Земли, но объяснение этому факту нашлось сразу же.

Политология оказалась общим предметом для всего первого курса, и к началу занятия аудитория пестрела мантиями четырех стихийных цветов. Как и в столовой, студенты сидели кучками, разделяясь по факультетам и практически не разговаривая с остальными. Среди них выделялись лишь несколько человек, которые не соблюдали эту своеобразную традицию. И в их числе я неожиданно обнаружила вчерашнюю знакомую «эльфийку». Та, хотя и сидела неподалеку от огненной группы, вовсю общалась с какой-то блондинкой в желтой мантии.

Значит, моя сокурсница и в этом довольно лояльна. Теперь неудивительно, что она решилась мне помочь.

От приятных воспоминаний на губах сама собой заиграла улыбка, но я быстро спохватилась и сосредоточилась. Лекцию о здешнем мироустройстве стоило послушать с предельной внимательностью.

Сегодняшнее занятие Боравис посвятил рассказу о двух нашумевших политических прецедентах недавнего прошлого. И благодаря его повествованию и ремаркам, в моей голове начало постепенно складываться представление о том месте, куда я попала.

Итак, Полар — это мир. Как наша Земля. А Академия Стихий находится в одном из расположенных на нем государств, вернее, в королевстве под названием Лаэос. Правит здесь его величество король Фэзар Третий, по прозвищу Решительный. Помогают ему с принятия решений Палата Лордов и Совет Магов — структуры сильные и очень влиятельные.

В том, что касается соседей, ну то есть стран, с кем Лаэос имеет общие границы, их всего две: королевство Туэрт и Норрийская империя. Туэрт — безобидная мелочь, а вот Норрийская империя — зверь, и отношения с ней напряженные, ибо у Лаэоса есть то, чего у большого соседа не имеется — выход к Южному морю.

Собственно, эта все возрастающая напряженность являлась причиной того, что всем магам Лаэоса с некоторых пор стали преподавать боевые искусства, на которые изначально был не то чтобы запрет, но что-то наподобие квот. И если раньше боевую магию могли изучать лишь единицы, избранные, то теперь кто угодно. Более того, еще и агитация проводилась — мол, именно вы, маги, щит и меч королевства, без вас армия не выстоит.

Почему Норрийская империя, которая на данный момент точно сильнее Лаэоса, не нападает, я так и не поняла. Не потому что глупая, просто речь вообще-то не об этом шла. Ну да ладно.

По окончании лекции студенты разноцветным потоком заторопились на обед. Ну и я следом.

Как и в прошлый раз, я сидела за отдельным столом и опять чувствовала себя изгоем. Никогда бы не подумала, что это настолько неприятно — обедать в одиночестве. Но кусок в горло все-таки лез! Хотя особенно разъедаться я не стала, потому что следующим предметом, который стоял в расписании, была медитация. А какая может быть медитация на полный желудок? Нет, я не знаток, но, как любой цивилизованный человек, представление о данном предмете имею.

В помещение, где должно было состояться первое в моей жизни практическое занятие по магии, я вошла последней. Это оказалась не аудитория, а нечто напоминающее обыкновенный земной спортзал: те же выкрашенные в нейтральный тон стены, высокие окна, закрытые защитной сеткой, и устланный матами пол. Единственное принципиальное отличие заключалось в том, что тут раздавали свечи.

Женщина в форменном алом балахоне брала их из небольшого шкафчика у стены, поджигала каждую, проводя над свечой ладонью, и передавала подходившим к ней студентам. Сами свечи были странноватыми, но красивыми — воск, залитый в горшочек.

Мне тоже свечка досталась, я взяла ее с трепетом. Потом огляделась в поисках места и невольно скривилась — сокурсники организовали для меня островок отчуждения, почти посередине зала.

Ну и ладно. Посижу. Не в угол ведь забиваться? Может, я бы забилась, но из угла обзор плохой, а мне нужно учиться. Знания в данный момент важнее глупой гордости.

Я села на мат и поставила горшочек перед собой, как это сделали остальные. И спину выпрямила, и улыбку на лицо нацепила, чтобы никто не догадался, как гадко у меня на душе. Я ждала каких-то указаний, каких-то инструкций, но преподавательница просто махнула рукой и сказала:

— Можете начинать.

Хм. Начинать что?

Народ дружно кивнул и вытаращился на свечи. Я некоторое время присматривалась к сокурсникам, но, придя к выводу, что они действительно просто смотрят, последовала их примеру.

Ничего особенного. Огонь как огонь. Маленький язычок пламени чуть заметно мерцает и вздрагивает, если выдохнуть резче, чем следует. И все. И это магия? И на это мы должны тратить целых два академических часа?

Я не выдержала и огляделась снова, но вновь безуспешно. Народ не шептал заклинаний, не делал пассы руками и не отвлекался. Толпа в красных мантиях просто сидела и, как говорится, втыкала.

А может, они видят в этом пламени что-то особенное? Что-то, чего не вижу я?

— Вы иномирянка? — вырвал из раздумий строгий голос преподавательницы.

Вздвогнув, я подняла глаза, но нарушить витавшую вокруг тишину не решилась. Поэтому ограничилась кивком.

— Ваша задача — почувствовать пламя, — снизошла до пояснения женщина. — Сосредоточьтесь, смотрите и чувствуйте.

Блин! Она тоже издевается, да?!

— Сидеть и смотреть? — прошептала я. — Но какой в этом толк?

Преподаша страдальчески закатила глаза и не ответила. То есть откровенно проигнорировала.

А я разозлилась. Гребаная академия! Гребаные преподады! Магия, черт бы ее побрал! Мало того, что бросили меня в омут с головой, так еще и ничего, подчеркиваю — ни-че-го! — не объясняют!

Сволочи.

Я тихо зашипела и опять на это дурацкое свечное пламя вытаращилась. Почувствуй, блин! Почувствуй что?

Вот сижу, смотрю и ничегошеньки не чувствую. И что это означает? Плохо стараюсь?

Так. Главное — не паниковать. У меня все получится. Обязательно! Как там, в йоге, делают? Вдох, выдох, сконцентрироваться... бли-ин.

Я опять вздохнула, закрыла глаза и попыталась воскресить в памяти огненный шар, который наколдовал рыжеволосый Каст. Представила. В красках представила, чтоб как настоящий казался. Потом открыла глаза и пристально посмотрела на свечку и...

Вот вообще не ожидала. Хоть убейте, не думала, что так получится. А получилось!

Огонек, колыхавшийся на тонком фитиле, стал стремительно расширяться, принимая форму миниатюрного шара. А через мгновение оторвался от фитилька и поднялся вверх, зависнув на уровне моего лица.

Я нервно сглотнула. Стало страшно. Причем до одури, до дрожи в коленках! Что делать-то? Смотреть на этот шарик, чтобы удержать, или...

В этот момент шар пошел на меня, плавно и неспешно. Понятия не имею, почему не завизжала. Только на рефлексе оттолкнула огонек, и лишь теперь преподаша соизволила заметить, что творится с подведомственной ей группой. Вернее, одной конкретной студенткой.

— Дарья! — воскликнула она. Надо же, оказывается, тетка знает, как меня зовут.

А потом все закончилось. Преподавательница взмахнула рукой, и шар тут же развеялся.

Впрочем, плевать. Страх отступил, и теперь я молчаливо наслаждалась реакцией сокурсников. На свечи никто уже не таращился, все смотрели на меня, круглыми такими глазами. У некоторых даже челюсти натуральным образом отвисли. Ай, как приятно.

— Дарья, вы... — Преподаша по-прежнему глотала воздух, но это не помешало ей вычертить в воздухе какой-то знак.

Загогулина полыхнула огнем, а я приготовилась к новой подставе. И не ошиблась. Буквально через пару минут дверь в аудиторию для практических занятий распахнулась, и в помещение влетел профессор Глун. В своей развевающейся алой мантии он напоминал огненный вихрь.

— Что? — рыкнул он.

Ага. Кажется, только что я стала свидетельницей заклинания экстренного вызова.

— Господин куратор, ваша студентка... — пробормотала преподавательница.

У-у! Так Глун еще и куратор нашего курса? Интересно, а почему я об этом только сейчас узнаю? Впрочем, удивляться нечему. Мне вообще ни о чем не говорят.

— Что случилось? — переспросил брюнет строго.

А преподавательница некультурно ткнула в меня пальцем и объяснила:

— Она огненный пульсар первого уровня сотворила.

Гордости у меня резко поубавилось. Просто слова прозвучали как обвинение, будто что-то постыдное сделала. Вот и Глун не обрадовался — впился в меня взглядом, потаранил секунд пять и процедил:

— Дарья, на выход.

Так. Я все-таки не поняла. Все настолько плохо?

Не прошло и нескольких минут, как я уже сидела в деканате, за столом, напротив Глуна. Кроме нас, тут никого не было, и это напрягало. А еще напрягал сам профессор. Он молчал и, поджав губы, скользил по мне взглядом холодных, как все льды Арктики, синих глаз. Это нервировало.

Терпение мое кончилось довольно быстро. Собравшись с силами, я вздохнула, расправила плечи и спросила:

— Я что-то сделала не так?

А в ответ услышала:

— Как тебе это удалось?

Хм. Хороший вопрос. И ответ я знаю, но... вот как-то не хочется отвечать.

Я пожала плечами, сказала ровно:

— Удалось. По-вашему, в этом есть что-то странное?

Глун не ответил, но я не удивилась: у них, в академии, с ответами вообще туго. И хотя «крокодил» из зеркала намекал, что наглость — первое, что бесит в иномирцах, перешла в наступление.

— Профессор, вы можете объяснить или нет?

— Объяснить что? — процедил Глун.

— Не притворяйтесь! Вы прекрасно поняли мой вопрос!

— Даша...

— Профессор! — воскликнула я. Но одернула себя и продолжила чуть спокойнее: — Господин Глун, вы можете просто сказать, что произошло?

— Лорд, — с какой-то рассеянностью, глядя мимо меня, одернул тот. — Лорд Глун. Или профессор Глун.

Надо же, какие мы придирчивые. Чисто из принципа решила проигнорировать сказанное и просто уточнила:

— Так я правильно поступила или нет?

Брюнет шумно вздохнул, откинулся на спинку стула и сообщил:

— Пульсар — это хорошо. Но слишком неожиданно.

Надо же. Интере-есно.

— Так как ты его сотворила? — переспросил Глун снова.

Хм. Мы уже на «ты»? А на брудершафт вроде не пили.

— Не знаю, — соврала без зазрения совести я. — И не уверена, что сумею повторить.

— А может быть, проверим? — неожиданно предложил он.

Через мгновение на столе стояла свечка, аналогичная той, которую выдали на практикуме по медитации. Глун провел рукой над фитилем, и тот сразу вспыхнул. Пламя сперва коптило, но это длилось недолго.

— Попробуй, — придвигая свечу ко мне, предложил брюнет.

Из голоса профессора ушла агрессия, и я тоже немного успокоилась. Выдохнула, закрыла глаза и вновь представила шар, который наколдовал вчера Каст. После чего, как и на занятии, удерживая в памяти образ, посмотрела на свечку.

На какой-то миг стало страшно — вдруг провалюсь? Но... огонек свечи не подвел. Как и в первый раз, он резко расширился и поднялся вверх.

— Управлять им можешь? — Теперь голос Глуна звучал очень тихо.

Профессор находился в растерянности. Видимо, до этого мига слова коллеги казались ему ложью.

— Не знаю, — стараясь удержать взглядом шар, честно ответила я. А потом мысленно толкнула огонек к Глуну.

Получилось! Ай как получилось! Профессор едва успел выставить перед собой ладонь и остановить его.

Воодушевленная успехом, я мысленно поманила шар обратно. Тот снова послушался: покорно вернулся на прежнее место и завис над столом.

— Неплохо, — задумчиво произнес брюнет. — Теперь погаси его.

Погасить? А как?

Я прикрыла глаза и представила, что шарик уменьшается и затухает. А когда глаза открыла, пульсара уже не было.

— Молодец, Даша. — Увы, но эти слова были сказаны так...

Короче, Глун не хвалил. В его голосе отчетливо слышалась досада. Будто профессору очень неприятен мой успех, и моя удача — его личное поражение.

Вот что я этому типу сделала, а? Почему он так ко мне относится?

Вскипая от праведного возмущения, я уже хотела задать этот вопрос вслух, но не успела — Глун заговорил раньше.

— Дарья, с этого дня я освобождаю вас от практических занятий по медитации. И очень прошу не практиковаться в магии самостоятельно.

Глун? Просит? Вау!

— Практика только в рамках семинаров по магии Огня. Понятно?

Я напрягла память и вспомнила — в расписании действительно есть какая-то «Магия Огня».

— Даша, вы поняли? — повторил Глун требовательно.

Я кивнула. Но не могла не спросить:

— Профессор, а в чем все-таки проблема? Почему все так всполошились?

— Пульсар — это уже второй курс, — выдержав долгую, томительную паузу, неохотно пояснил Глун. — Первокурсникам такие вещи еще недоступны. Вы... совершили практически невозможное, Дарья. Даже учитывая уровень вашего дара, до вас это не удавалось практически никому. Поэтому держите себя в руках и не делайте того, о чем можете пожалеть.

— То есть?

— Вы смогли призвать пульсар из прямого огня, и худо-бедно умеете им управлять. Но этого недостаточно. Вы можете пострадать. Понимаете, о чем я?

В сознании вспыхнул образ неуправляемого огненного шара, и я кивнула. Понимаю. Устраивать показательное самосожжение не хочется. Но кроме этого я поняла и то, как освоить практическую часть. Мне нужно видеть магию, в этом вся соль! Если совсем точно — мне нужно видеть магию вблизи. А для этого необходимо общение с теми, кто уже умеет обращаться с огнем. И поскольку среди моих однокурсников настоящих магов, как понимаю, еще нет... мне нужен Каст! Или кто-то вроде него.

Я еще не знала, что буду делать дальше, но деканат покидала в самом решительном настроении.

У меня будет магия. Будет!

Сдвоенное занятие по медитации стояло в расписании последним, поэтому я с чистой совестью отправилась в общагу. Заблудиться уже не боялась: как-никак в третий раз деканат посещала, дорогу помню. Нежелательных встреч тоже не опасалась — пары еще не закончились, все студиозусы на занятиях, да и кому я нужна?

Но последнее умозаключение оказалось ошибочным.

Едва я свернула в коридор, ведущий к башне Огня, навстречу, из ниши в стене выступила фигура. Мгновенно узнав парня, я невольно поежилась.

— Ну, здравствуй, — сказал Каст сухо и сложил руки на груди. — Как дела?

Пижон. Вот даже в форменном алом балахоне, пижон!

— Мм-м... — Я не то чтобы замялась, просто не знала, как ответить покультурнее. — Тебя интересуют мои дела? С чего бы?

Рыжий фыркнул и скривил губы в подобии улыбки.

— Банальное любопытство, — сообщил он.

— Неужели?

Да, недавно я пришла к выводу, что Каст мне необходим, но не была готова встретиться с рыжим так быстро. К тому же этот его шаг из ниши... слишком демонстративно. Он бы еще закурить попросил, или «мобилку поддержать», гопник гламурный.

— Извини, но на разговоры у меня нет времени, — сказала я.

Вздернула подбородок и попыталась продолжить путь, но парень без стеснения заступил дорогу.

— Не так быстро, Даша.

Ого. Неожиданно!

Наверное, стоило испугаться — он все-таки маг! К тому же выше меня почти на голову, старше и физически сильнее. Но страха на этот раз не было, наоборот — смешно стало.

— Каст, — приторно-медовым тоном протянула я. — Ну прекрати. А то вдруг кто увидит, и решит, что ты со мной заигрываешь.

Пижона от такого предположения откровенно перекосило. Меня, как ни странно, тоже. Нет, парень красивый, не спорю, но люди с подобным характером меня просто бесят. Вымораживают!

А Каст реакцию заметил и кривиться перестал. Вздернул бровь и приказал:

— Поясни.

На секунду стало страшно: парень среагировал так, будто мысли мои прочел. Но я быстро догадалась — дело не в ментальном блоке, с защитой все в порядке. Соль ситуации в том, что этот лоценький пижон не привык к

такой реакции на свою персону. Не надо быть экстрасенсом, чтобы понять — девушки на рыжего обычно пачками вешаются.

И хотя я отлично помнила, что Каст мне нужен, но промолчать не смогла:

— Терпеть не могу людей, которые так трясутся над своей репутацией. Для вас мнение толпы — все, а собственного мнения, если присмотреться, вообще нет. Вот и получается: красивая упаковка, а внутри — пшик. Пусто.

Брови парня медленно поползли вверх, глаза округлились.

— Это у меня-то нет собственного мнения? — выдохнул он.

— А что, есть? — неискренне удивилась я. — Если бы ты не строил из себя крутого, а действительно был крутым, тебя бы не волновало, кто что подумает.

Стрела попала в цель. Рыжий застыл в оцепенении, а я спокойно обогнула эту пижонистую статую и пошла дальше.

Так тебе! Утрись, Каст!

Правда, теперь придется искать другого «учителя», но я справлюсь. Главное: начало положено, и я знаю, что нужно, чтобы выиграть эту войну. А если добавить сюда еще и теоретические знания... У-у!

Я ускорила шаг, предвкушая самую желанную на сегодня встречу — встречу с учебниками.

Глава четвертая

А на чердаке ждал сюрприз! Причем не из тех, после которых заиками становятся, а очень-очень приятный: в мое отсутствие пушистый твир, продолжил хозяйничать, и теперь на чердаке была не только кровать, но и письменный стол. Малыш умудрился собрать его из обломков. Я четко видела — каркас и ящики совершенно разные. Но разве это имело значение?

Пушистик придвинул стол к одному из окон, кстати, тоже совершенно чистых. И над ними теперь висели карнизы, а на одном даже гардины появились.

От такой трогательной и невероятной по объему работы я чуть не расплакалась. Прислонилась спиной к двери и смотрела, смотрела, смотрела... не в силах отвести взгляд.

Из счастливого оцепенения вырвал тихий писк:

— И-и-и?

Твир, как оказалось, прямо у моих ног сидел. Маленький такой, пушистый, с большими-пребольшими глазами. Только теперь в его взгляде не голод застыл, а немой вопрос и беспокойство.

Я улыбнулась, а малыш вдруг опустил глазки и как будто скукожился.

— Что случилось?

И тут до меня дошло — я слишком долго стояла и молчала. И вряд ли по моему лицу можно было определить реакцию.

— Ты что? Решил, будто мне не понравилось?

Твир откатился в сторону и замер, не поднимая глаз. Ну, точно.

— Эй!

Я шагнула к нему, и хотя комочек честно попытался отскочить — поймала и прижала к груди. Какой же он теплый!

— Спасибо, — выдохнула я. — Спасибо, маленький...

Слезы все-таки проступили. Я громко хлюпнула носом, и тут же услышала откровенно придушенное:

— И-и-и-и! И!

Блин.

— Извини, малыш. — Я разжала руки, и твир прытко соскочил на пол. — Просто мне на самом деле очень приятно.

— И-и-и?

О чем он спрашивал, увы, не поняла. Зато вспомнила об украденном из

столовой пирожке, который все это время благополучно лежал в кармане.

— Будешь? — извлекая заначку, хитро спросила я. — Кажется, он с повидлом.

— Д-а-а! — пропищала тварюшка, мгновенно оживившись.

Я же чуть не выронила и без того помятую выпечку. Мне ведь не показалось! Он действительно сказал «да»!

— Слушай, малыш, а ты что же... говорящий?

Шарик не ответил, ему вообще не до разговоров стало. Шустро выхватив из моих рук пирожок, он самозабвенно зачавкал. Зато наш третий чердачный житель, ворчливый и бесполезный, проснулся.

— Да, твиры иногда разговаривают, — сообщил он.

— Здорово! — восхитилась я.

Однако призрак из зеркала этих эмоций не разделял.

— Даша, не корми его больше, — сказал он. — Притворись, что не замечаешь, и твир сам уйдет.

Монстр не ехидничал, как обычно, а был очень серьезен. Поэтому я не огрызнулась и просто спросила:

— Почему?

— Пока твир маленький, ему легко прятаться. Но если будешь продолжать его кормить, то твир начнет расти и станет слишком заметен.

Так. Интересно.

— Если ты так печешься о судьбе этого малыша, то почему вчера промолчал? — хмуро уточнила я. — Почему не позволил мне отогнать его от бутербродов?

— Потому что вчера он был слишком голоден, — после долгой паузы признался монстр. — Вчера он умирал.

Черт!

Я взглянула на чавкающий на полу клубочек, и сердцу стало больно.

— А сегодня он не умирает?

— Сегодня нет. Еды, которой ты ему принесла, хватит на пару месяцев жизни. Поэтому сделай вид, что ты его не знаешь, и все. Он спрячется, и беспокоить не будет. А лучше просто прогони.

В этот миг меховой комочек поднял на меня глаза, и я четко поняла: хоть режьте, хоть бейте, а прогнать не смогу. И решительно мотнула головой.

— Нет.

Монстр недовольно закричал, а твир как будто улыбнулся. То есть я не видела его рта, но чувствовала — зверек радуется.

— В таком случае, советую сделать все, чтобы на этом чердаке никто,

кроме тебя, не появлялся, — ворчливо порекомендовал призрак. — Потому что здесь присутствие твиря очевидно. Хотя... кому ты нужна?

Я не обиделась. Я насторожилась! Да, я иномирнянка и вроде как прокаженная по местным меркам, но за вчерашний день на пороге моего убежища побывали трое магов. Трое! Мне действительно есть о чем беспокоиться.

Резко развернувшись, я спешно задвинула щеколду. Она была большой, массивной и выглядела надежно. Жаль только, ключа, чтобы запирает комнату снаружи, когда ухожу, нет: в момент заселения мне не до того было, а комендант тоже, видимо, не вспомнил. Мы же ругались тогда и к ректору ходили.

В самое ближайшее время надо будет обязательно заглянуть к коменданту и решить этот вопрос. И запирается на щеколду всегда! Вот только переступила порог — сразу заперлась.

— И-и-и? — с тревогой пропищали рядом.

— Все хорошо, — с улыбкой ответила я. — Теперь точно все хорошо.

Ага, за исключением одного момента: нужно найти информацию по твирам, чтобы понять, как эти существа переносят телепортацию. Потому что я не имею права оставить малыша в этом ущербном мире.

Кстати об ущербности...

Стоило мне сделать шаг от двери, в дверь постучали. Я ни секунды не сомневалась в личности гостя, и ни капли не удивилась, когда стук повторился, а снаружи донеслось:

— Даша, это Каст!

Сказано было с такой интонацией, будто ко мне король пожаловал или император этой их соседской империи.

Интересно, рыжий за мной шел или все-таки бежал? Представила пижона, который, подобрав красную мантию, мчит по мрачному коридору, сверкая тонкими волосатыми ногами в несуразно больших ботинках, и тихо прыснула. Потом скользнула взглядом по щеколде, пожала плечами и направилась к столу. Нет, не открою. Нам с Кастам говорить не о чем.

Но не успела сделать и трех шагов, как дверь задрожала: это парень за ручку дернул, и неслабо так. И когда рыжий понял, что тут вообще-то заперто, то натуральным образом взбесился.

— Даш-ша! — В его голосе была не просто угроза, меня обещали казнить и поглумиться над трупом. — Даш-ша, открой немедленно!

Нормально, вообще? То есть если ли бы я не задвинула щеколду, этот пижон просто так вошел бы, не дожидаясь разрешения? А если бы я в этот момент из ванной выходила? Или переодевалась?

Нет, теперь я дверь запираю буду всегда!

— Даш-ша!

Дверь задрожала опять. Рыжий, как и раньше, дергал за ручку, и отступить не собирался. А я не собиралась открывать! И не только из-за твира, который шустро укатился под одну из значительно уменьшившихся груд хлама, а просто потому, что Каст вел себя как форменный хам!

В подтверждение этой мысли, из-за двери рыкнули:

— Открыла! Быстро!

Ага. С женой своей в таком тоне говорить будешь.

Но вслух это высказать я не решилась, мне вообще с каждой секундой все страшнее делалось. Дверь-то уже дрожала, ходуном ходила, а щеколда в стальном пазу дребезжала. И глядя на это, мелькали панические мысли — выдержит ли вообще?

А потом меня припечатали ультиматумом:

— Не откроешь — выжгу эту дверь к гхарну!

И я как-то сразу поняла: парень не шутит. Возьмет и сожжет. Сердце мгновенно ухнуло в желудок, по спине побежал холодок.

— Даш-ша!

— Не ори на меня! — закричала я.

Каст затих, и дверь дергаться перестала. А я судорожно размышляла: вот сейчас этот ненормальный осуществит свою угрозу, и что тогда? Монстр из зеркала сказал — один взгляд на чердак, и любому магу станет ясно, что здесь живет твир. Но я не могу позволить этим гадам обнаружить моего пушистика.

— Зачем ты пришел, Каст?

— Поговорить, — прошипел рыжеволосый.

Я вдохнула поглубже, мысленно пожелала себе удачи и ответила строго:

— Нам не о чем разговаривать.

— Дверь открой, — выдержав очень неприятную паузу, отозвался парень.

— Нам с тобой не о чем разговаривать! — повторила уже смелее.

И тут же вздрогнула, потому что снаружи донеслось:

— Отойди. А то задену ненароком.

Реплика адресовалась мне, и стало ясно, что Каст действительно не отступится. Сердце сжалось в комок, нервы натянулись струнами.

Я молниеносно стянула с себя балахон, отбросила его в сторону и подтянула майку так, чтобы декольте позаметнее стало. Сказала прежним, предельно строгим тоном:

— Не дури, Каст. Я открываю!

И открыла...

И сразу же шагнула навстречу злющему, как потревоженная змея, пижону. Спину при этом держала прямо, чтобы грудь на фоне остальной фигуры не потерялась. Подбородок задрала — это уже для того, чтоб в морду наглуую посмотреть, и зубами заскрипела так, что самой страшновато стало.

Но маг мое желание поговорить на пороге или, в идеале, на лестнице, не оценил. Он шагнул навстречу, жестко ухватил меня за талию, и буквально затащил внутрь. Развернулся, причем вместе со мной, и захлопнул дверь. А потом прижал меня к этой самой двери и, нависая огненной скалой, спросил:

— Это у меня-то собственного мнения нет?

Бли-и-ин! Неужели он так сильно от той реплики завелся?

Но брать свои слова назад я все равно не собиралась. Пасовать тем более!

— Каст, будь добр, держи дистанцию.

Я уперлась ладонями в его грудь, и парень, кажется, лишь сейчас сообразил, что делает и в какой позе меня держит.

Он не отскочил, но руки убрал довольно спешно. Сверкнул черными глазами, мотнул головой и процедил:

— Ладно, этот вопрос временно отложим. Сначала ты объяснишь, как тебе удалось призвать пульсар.

— Откуда ты знаешь? — искренне удивилась я.

— Я много чего знаю, — сказал Каст, и такие неприятные нотки в его голосе прозвучали...

Отчаянно пытаясь скрыть свой страх, я вновь вздернула подбородок и улыбнулась.

— Так вот почему ты караулил меня в коридоре. А я-то думала...

— Не ерничай, — процедил рыжий. — Так как ты это сделала?

— Понятия не имею, — со вздохом ответила я.

Да, обороты пришлось сбавить, потому что стычка с Кастом ни к чему хорошему не приведет.

— Врешь, — парень нахмурился.

А я помотала головой и опять вздохнула. Я играла так, что даже Станиславский поверил бы! Куда уж какому-то недоэльфу?

— Допустим, — неохотно согласился он. — Тогда просто объясни: что ты делала, что в этот момент представляла.

— А тебе зачем? — не удержалась от нового вопроса я.

— Ты первая иномирянка, которой подобное удалось, — помедлив, ответил Каст.

Было в этой ситуации что-то мутное. Ну неужели ему, уроженцу Полара, действительно есть дело до какой-то иномирянки? Может быть, у Каста другой мотив? Но какой?

Правда, озвучивать подозрения я не стала, ибо необходимо было как можно скорее избавиться от парня. Желательно до того, как тот вздумает обернуться и заметит изменения, произошедшие на чердаке.

— Каст, я на самом деле не знаю. — Теперь мой голос звучал очень тихо. Я даже потупилась, как бы признавая превосходство рыжего.

А он... наконец-то заметил декольте!

Я на свои формы и раньше не жаловалась, а тут и вовсе обрадовалась щедрому дару матушки-природы. И, заодно, поняла, что мужчины Полара ничем не отличаются от наших, когда видят перед собой третий размер груди. Но так как парень мог опомниться в любой момент, сразу перешла к делу:

— Извини за то, что наговорила тебе в коридоре. — Да, сдаваться я не собиралась, и раскаяния не чувствовала, но ради твиря решила пойти на мировую. — Просто я... мне... не очень сладко в вашем мире.

Каст отвлекся от декольте и посмотрел в глаза. По красивым тонким губам скользнула мимолетная улыбка.

— Я так и понял. Проехали.

Он отступил, освобождая меня из условного плена, а я украдкой выдохнула и бочком-бочком... с улыбкой приоткрыла дверь. И хотя я старалась держаться дружелюбно, моя улыбка однозначно намекала: вали отсюда!

Каст понял. Ухмыльнулся. Кивнул и шагнул в проем, но...

Черт, черт, черт! Он все-таки обернулся! Я видела, это было сделано без какого-либо умысла. Простая случайность. Фатальная, блин, случайность!

— Та-ак, — протянул Каст, мгновенно переменившись в лице. — Та-ак.

А дальше все. Играй и улыбайся, сколько хочешь, но ничего не изменится.

Рыжий вновь решительно закрыл дверь, окинул чердак придирчивым взглядом и констатировал:

— Тут живет твир.

Щелчок пальцами, и в воздухе появилась небольшая огненная клетка, а сам Каст присел на корточки и позвал:

— Цыпа-цыпа-цыпа...

— Нет! — не выдержав, воскликнула я. — Нет тут никакого твира!

Мне подарили улыбку. Коварную и нахальную.

— Цыпа-цыпа-цыпа, — шаря взглядом по ближайшей к нам куче хлама, вновь позвал братец-«эльф».

— Каст, прекрати!

— Даша, ты не понимаешь. — Маг искренне забавлялся, и это чувствовалось. — Твиры — низшие существа. Они опасны. Они подлежат уничтожению.

— И чем же они опасны?

— Чем? — Рыжий поднялся на ноги, повернулся ко мне и резко посерьезнел. — Да всем. Хорошо откормленный твир перекусывает человеческую руку за секунду, как соломинку. Я уж не говорю о яде, и прочих неприятных моментах вроде шипов и когтей.

Что?!!

Я перепугано сглотнула.

— О, вижу, ты не знала, — усмехнулся Каст.

Нет. Помесь крокодила с гиеной об этом даже не заикнулась. И теперь мне кажется... что кто-то мне нагло врал, причем это, как ни неприятно, не рыжий пижон!

Но упоминать о призраке из зеркала все равно не хотелось. Поэтому я упрямо помотала головой, и только. А маг продолжил:

— Голодные, истощенные твиры, такие маленькие, такие милые. И знаешь... так нравятся глупым девочкам...

Блин! Кажется, я начинаю паниковать!

— И девочки так их любят...

Все ясно. Меня раскусили. И, похоже, хотят шантажировать. Что ж, подыграю. Да, подыграю, потому что не хочу отдавать твира просто так, даже не попытавшись разобраться. К тому же, этот маленький «И-и-и» мой единственный друг. Не отдам! Ни за что!

— Каст, пожалуйста, не трогай его, — жалобно попросила я.

Губы парня растянулись в ухмылке, от которой внутри все похолодело. Я ждала условий сделки, понимая: мне эти условия не понравятся. Но рыжий поступил умнее.

— Это будет наш маленький секрет, — гадко улыбаясь, сообщил он. — Очень маленький, очень пушистый, с большими-пребольшими глазами. Да, Дашунь?

— Да, — выдохнула я обреченно.

— Так, и что там касательно наличия у меня собственного мнения?

Улыбка Каста стала еще шире и противнее, но желание плюнуть ему в рожу я все-таки сдержала. Сказала лишь:

— Ты очень крут, Каст. И очень независим.

Маг удовлетворенно кивнул. Потом щелкнул меня по носу, вновь мазнул взглядом по декольте и вышел. Веселый и радостный, как... как... сволочь!

— Значит, твиры не опасны? — едва закрылась дверь, прошипела я в зеркало. — Значит, они не кусаются?!

Поверхность стекла пошла рябью, и мое отражение со слегка всклокоченными пшеничными волосами, сменилось знакомой жуткой образиной.

— Я не говорил, что они не кусаются. И да, они не опасны... когда истощены.

Ага, вот и разгадка. Мы просто кое о чем умолчали. Случайно, ага.

— А в остальном? — продолжила выпытывать я. — Ты же слышал слова Каста. Скажи мне — это правда?

— Правда, — буркнула помесь гиены с не пойми чем. — Твиры сильные, ядовитые, коварные. И именно поэтому подлежат истреблению.

— Та-ак. — Я прищурилась. — В таком случае, почему этот твир живет на чердаке, а не на кухне, где можно стащить еду? Или на природе, где наверняка полно зверушек, которых можно поймать и сожрать?

— Твиры не едят сырого мяса, — как-то виновато прозвучало в ответ. — А на кухне и в столовой установлены ловушки. В нашем мире во всех домах такие ставят, как у вас на крыс и мышей. Поэтому он жил здесь.

В это время глазастый пушистый комок вылез из-под кучи мусора, уселся в трех шагах и застыл в ожидании. Покорный и даже пофигистичный. Я обернулась, подарила ему натянутую улыбку, и вздрогнула, когда призрак спросил:

— И что ты будешь делать теперь?

— Кормить, разумеется! — грозно рыкнула я.

Монстр в зеркале замер и вытаращил глазюки.

Пушистик тоже заметно удивился. Но твир говорить не мог, поэтому спросил монстр:

— А почему? Он ведь и впрямь опасен. И когда он вырастет...

И все. Я взорвалась. Видимо, накопилось.

— Слушай, ты, интриган фигов! — Я грозно ткнула в зеркало пальцем. — Я понимаю, что похожа на дуру, но не до такой же степени! Ты посмотри на пушистика? Просто посмотри на него! Это опасный хищник?!

— Он вырастет...

— Знаю! — перебила я. — А еще я знаю, что агрессии без причины не бывает! Я вижу, как тут относятся ко мне, и понимаю: была бы твиром, я бы им сама все пооткусывала!

— Ты хочешь сказать, что...

— Да! Я хочу сказать, что убеждена — мы с пушистиком сможем договориться. В моем мире многие люди держат опасных животных, и ничего. А твир, как я понимаю, не просто животное. Он умеет говорить, следовательно, он разумен! Ты думаешь, два разумных существа не смогут найти общий язык?

Монстр шумно сглотнул, хотя, казалось бы, чем там глотать? Призрак ведь.

Я же опять пальцем в зеркало ткнула и рыкнула:

— А теперь ответь на еще один вопрос. Почему ты сначала сказал не трогать твира, а потом приказывал мне пойти в ректорат и во всем сознаться?

Призрак потупился, вызывая жгучее желание схватить что-нибудь тяжелое и все-таки грохнуть это зеркало. Останавливало лишь то, что зеркало было единственным, не считая маленького прямоугольника, который висел в ванной, над умывальником.

— Мы тебя проверяли, — наконец, со вздохом призналась ехидна крокодиллистая. И глазюки прикрыла, и голову в чешуйчатые плечи втянула. — Хотели посмотреть, чем на добро ответишь.

— Мы?!

Я бросила гневный взгляд на комок меха, а тот...

Эта маленькая зараза поднялась на тонких ножках, развернулась и опять побежала прятаться в кучу хлама. Бежала неуверенно и качаясь, потому что... да потому что пирожком обожралась! Но глядя на этот демарш, злиться я уже не могла, губы сами собой растянулись в улыбке.

— Вот вы заразы, — констатировала я тихо. — Банда.

Крыть этим двоим было нечем, так что никто не спорил.

Единственное — меня спросили:

— Даша, а почему ты так разозлилась?

— Потому что предупреждать надо. Выставили меня полной дурой перед этим пижоном, — буркнула я с досадой.

— А тебе важно его мнение?

Удивительно и невероятно, но сказать четкое «нет» я не смогла.

Когда страсти улеглись, я вновь попыталась сесть за учебники. Обе

стопки пушистый малыш уже перетащил к столу, книги ждали и манили. Но не тут-то было.

Едва я принялась разбирать стопку учебников для средней школы, тонконогий интриган выбрался из укрытия и важно посеменил в мою сторону. Поскольку я все еще сердилась, этот маневр проигнорировала. А твир остановился в двух шагах, выждал с пару минут и, поняв, что так моего внимания не добиться, принялся подпрыгивать на месте.

Я сделала вид, что не замечаю, но меховой шарик упорствовал. Он прыгал все выше и быстрее, а потом заголосил:

— И-и-и!

Это было забавно и так искренне, что просто взять и отмахнуться не могла. К тому же любопытство пробрало: что ему, мохнатому, надо?

— Что? — вслух спросила я, притворяясь строгой и непримиримой.

— И-и! И-и-и! — повторил пушистик и попрыгал вглубь чердака.

Конечно, я поняла, что твир зовет за собой, но прощать эту парочку интриганов вот так, сразу, не собиралась. Стоило немного поломаться, чтобы не думали, что я такая отходчивая. А то вообще на шею сядут.

Твиру пришлось повторить свой маневр трижды, и только потом я со стоном поднялась, буркнула «ладно» и пошла за ним. А вот дальше начались странности...

Малыш привел меня в угол чердака, самый темный и пока еще грязный, и запрыгал вокруг... ну, даже не знаю, как это назвать. В принципе, шкаф. Но слишком узкий для обычного платяного шкафа в старинном стиле и какой-то странный. К тому же, у него отсутствовали дверцы.

— И-и-и!

Шарик откатился в сторону, а я, проследив за твиром взглядом, обнаружила резную деревяшку, которая сильно походила на дверцу от этого самого шкафа. Потом твир метнулся в другую сторону, и среди сваленного на чердаке хлама, я заметила вторую.

— Ну и? — спросила у твира.

Мелочь мохнатая совершила еще один прыжок, закатилась под шкаф, а выкатилась вместе с небольшим продолговатым предметом. Сей предмет немедля был положен мне под ноги. Нагнувшись, чтобы его рассмотреть, я обнаружила, что это отвертка, с обломанной деревянной ручкой.

Хм...

— И-и-и! — подпрыгнув на добрых полметра, воодушевленно сообщил шарик.

Я нахмурилась и одарила твира скептическим взглядом. Было

совершенно ясно — малыш предлагает мне заняться ремонтом шкафа. Но почему? Ведь всю остальную мебель твир чинил сам. Не знаю, как ему, при подобном строении тела и мизерной массе это удавалось, но ведь удалось же. А что не так с этим шкафом?

Последний вопрос задала вслух, но ответом мне стало все то же воодушевленное:

— И-и-и!

Очень информативно.

— Ладно. Попробую, — буркнула я, поднимая с пола отвертку и отправляясь за первой из дверок. — Но не уверена, что получится.

Вообще, заниматься шкафом не хотелось совершенно. Во-первых, я с инструментами не дружу, как-то не приходилось по жизни — девушка ведь. Во-вторых, шкаф мне совершенно, абсолютно не нужен — вещей-то нет. В-третьих, у стола учебники лежат, а учебники — это знания и магия, плюс, возможность утереть нос некоторым противным и вернуться домой.

Но за дело я все-таки взялась, потому что было стыдно отказать твиру. Он же такой маленький, и столько всего сделал сам, без помощников... И еще, как мне помнилось, твир сродни нашему домовому. Стало быть, для него важен уют и порядок места, в котором обитает.

Наверное, твир и раньше бы уборку сделал, но был слишком истощен. А, может, жил в грязюке еще и потому, что иначе бы его обнаружили. А так как теперь есть я, и это моя территория, которая запирается на замок (кстати, надо все-таки стребовать с коменданта ключ), то можно и разгуляться.

Как бы там ни было, я ухватила за первую деревяшку и потащила ее к шкафу. Тяжелая, блин! Килограммов... много. Потом, кряхтя, ворча и потея, дотащила вторую. Твир, тем временем, раздобыл где-то кучу то ли болтиков, то ли винтиков и приволок мне. А после этого я начала собирать шкаф. Точнее, прикручивать дверцы к болтающимся на каркасе петлям.

Первые полчаса я держалась. И даже помнила о том, что я — девочка приличная, то есть матом не ругаюсь. Но терпение, как ни странно, оказалось не безграничным. И через те самые полчаса мне стало глубоко плевать и на воспитание, и на все остальное.

Да, это был мат! Громкий, отборный, изобретательный! Он посвящался, прежде всего, болтикам и дверцам, которые никак не желали прикручиваться, но потом моя фантазия пошла дальше, так что досталось всем. И миру этому ущербному, и фон Глуну, который меня сюда притащил, и ректору с комендантом, и сокурсникам. А уж как я вспоминала Каста...

Урод напыщенный. Сволочь рыжая. Пижон доморощенный.

Шантажист!

Вот чего он ко мне прикопался? По какому поводу? Понимаю, если бы Дорс именно его, рыжего, к потолку подвесил! Так ведь нет! Каст от диверсии моего гостя не пострадал. А дальше... Ну какое ему дело до моего пульсара?! И чего он так завелся от слов какой-то иномирянки, от которой его воротит? Нафига дверь ломал? И...

— И-и-и! — Это уже не твир, а я. От отчаяния.

Чтобы я еще хоть раз взялась за отвертку или приблизилась к разобранной мебели? Да ни за что!!!

И все-таки я справилась.

Это было долго, трудно, нудно, практически невозможно, но я смогла. Вытирая пот со лба и осматривая кривовато, но все-таки повешенные дверцы, сказала:

— В первый и последний раз.

— И-и-и! — в этом нечленораздельном пiske слышалось согласие. Или меня уже глючить от усталости начало?

Опустившись на пол, я отдышалась и только после этого обратила внимание на одежду. В запале борьбы со шкафом о ней вообще не думалось, а теперь...

— Бли-ин! Да что за невезуха! — простонала я.

Увы, работа сборщиком мебели на пользу внешнему виду не пошла. Как и вчера — я была жутко грязной.

Ну вот. Снова придется идти на ужин в мантии. Хотя... если вспомнить, что у меня всего один комплект одежды, то какая разница, в чем идти? Все равно буду выглядеть нищенкой, на фоне расфуфыренных местных жителей.

— О чем печалишься? — вырвал из тяжких раздумий ехидный зазеркальный монстр.

— Переодеться не во что, — сообщила я очевидное.

— Да ла-адно?! — протянул призрак.

И столько изумления в голосе, будто действительно не знает. Будто моих утренних танцев вокруг чистой одежды совсем-совсем не видел.

— Слушай, я понимаю, что тебе весело, но хотя бы немного такта прояви, — раздраженно процедила я.

— А что я такого сказал? — вновь изумился монстр.

А мохнатик, который в сборке шкафа фактически не участвовал и совсем не устал, с искренней радостью запрыгал вокруг меня. И глядя на это, я вдруг поймала себя на мысли, что... в общем, плохо физический труд на мой характер влияет. Кровожадной становлюсь.

— Нет, и все-таки, — снова заговорило страшилище. — Что тебя не устраивает в твоём гардеробе?

Можно было не отвечать, но я сорвалась:

— Его отсутствие! Нет у меня вещей! Вообще нет!

Повисла недолгая пауза, а потом призрак вкрадчиво уточнил:

— А в шкафу смотрела?

И я поверила. Сразу, безоговорочно, как последняя дура! Вскочила, распахнула самолично прикрученные створки, а там... кукиш.

Последовавший за этим делом ржач, который даже маленький твир поддержал, не разозлил, а откровенно обидел.

— Сволочи вы, — тихо сказала я.

Как ни странно, меня услышали и даже смеяться перестали.

— Теперь закрой шкаф, закрой глаза и представь, что бы тебе хотелось в шкафу увидеть, — посоветовал призрак.

И хотя его голос звучал очень серьезно, я уже успела убедиться в актерских талантах этого заразы. Поэтому просто захлопнула дверцу и пошла в ванную.

Не дошла. Буквально через три шага меня нагнал возглас:

— Даш, ну ты чего?!

Чего-чего... второй раз попадаться на одну и ту же шутку я не намерена.

— Даша, я не шучу! — заубеждал призрак. — Просто шкаф так устроен. Нужно хорошо понимать, что ты хочешь из него извлечь, и тогда все будет.

— Ага. Конечно, — не останавливаясь, буркнула я.

— Даша...

Я бы ни за что не вернулась к пыльному антиквариату, если бы к монстру не присоединился твир.

— И-и-и! — сказал шарик. — И-и-и!

Прозвучало это очень жалобно, а когда я обернулась, столкнулась со взглядом таких огромных и таких честных глаз...

— И-и-и, — повторил шарик на ножках тихо.

— Хочешь сказать, что в этот раз не врете?

Малыш поднялся на лапках и начал раскачиваться из стороны в сторону. Типа нет.

Мысленно проклиная свою доверчивость и глупость — а как еще назвать трудовой запал, в результате которого я вся перепачкалась? — подошла к шкафу. Послушно закрыла глаза и вообразила огромный пушистый банный халат. Представляла настолько детально, насколько

могла. А открыв тяжелые старинные створки...

Короче, несмотря на писклявые заверения твира, я не верила. До последнего. Поэтому, увидев висящую на перекладине вешалку с халатом, нервно сглотнула и снова закрыла шкаф. Может если закрыть, глюк развеется?

Но когда открыла шкаф снова, халат никуда не исчез. Он был дьявольски материален!

— Ну ничего себе... — выдохнула я ошарашенно. — Вот это я понимаю, магия.

— Угу, магия, — согласилась ехидна из зеркала.

— И-и-и! — радостно поддержал твир.

А я вдруг поняла:

— Ты не мог починить этот шкаф самостоятельно, потому что он магический?

Пушистый малыш закивал.

— Вау!

Вытащив из шкафа халат и перекинув его через руку, я опять дверцы шкафа закрыла. Зажмурилась сильно-сильно, и вообразила любимые джинсы, любимую же футболку с изображением двух свившихся хвостами котиков, и кроссы.

И — о чудо! Все появилось! Все!

Радостный визг мог сотрясти весь замок до основания, но я вовремя прикусила язык. Так что визжала тихо, но качественно.

— Мои! Мои любимые джинсики! А! Кроссы! Маечка! Я больше не нищенка!

— Твои? — вклинился монстр. — У-у, какая порядочная девочка.

Он говорил тихо, но я расслышала. Замерла, обернулась к зеркалу и вопросительно приподняла бровь.

— Поясни, пожалуйста.

— А что тут пояснять? — хмыкнул тот. — Преобразовать воздух в материю довольно сложно, этим на практике никто не занимается. А в остальном: если где-то что-то появилось, значит, где-то что-то пропало. Соображаешь?

Я сообразила.

— То есть, если я представлю вещь, которая принадлежит не мне...

— То она тоже появится в шкафу. А там, где она находилась раньше — увы, ничего не останется, — подтвердил догадку призрак.

Тут же закрыв шкаф, я вообразила еще одни джинсы, с бисерной вышивкой и блестками. Эти джинсы я помнила о-очень хорошо!

И они тоже появились. Только в отличие от моей одежды и халата, на котором ценник болтался, были очень мятыми и слегка заношенными.

— Хм... Даш, а это что? — удивился монстр.

Я обернулась и радостно продемонстрировала ей свое приобретение.

— Какие-то не очень красивые, — сообщил тот. — И не новые.

Ага. Это сейчас они некрасивые, и вышивка кажется убогой. А в десятом классе, когда я дала «поносить» джинсы Алиске, они были волшебными! Но Алиска, зараза, их загуляла, и так и не отдала. Я два месяца за ней ходила с требованием вернуть. Страдала, даже плакала. И с тех пор ни с кем одеждой не менялась, а с Алиской вообще не разговаривала.

Так что плевать на помятость, главное — я все-таки их вернула!

— Кстати, а этот шкаф только на одежде и обуви специализируется? — налюбовавшись потерей, спросила я.

— А тебе что, золото и бриллианты нужны? — вернулся к ейидной манере разговора монстр.

— Ну...

Нет, сказать этого вслух я не могла, однако, если честно, и впрямь не отказалась бы от пары колечек. Понятно, что это воровство, но... я же совсем без денег. А жить без денег, особенно в совершенно чужом месте и среди враждебно настроенных незнакомцев, стремно.

— Нет, не золото, — нашлась я. — Мне еще тетради нужны, средства гигиены. В общем, много всего.

— Увы, не получится, — отрицательно покачал головой призрак. — Только одежда и обувь.

А не расстроюсь! Потому что и это очень-очень неплохо!

Вот в таком, суперском настроении я и отправилась в ванную, чтобы умыться и переодеться в чистое. Правда, почти тотчас была остановлена вопросом:

— Ты действительно собираешься идти на ужин в этом?

— Ну да, — недоуменно подтвердила я. — А что?

Монстр тяжело вздохнул.

— Слушай, я, конечно, в справочники и советчики не нанимался, но делать этого все же не рекомендую. Ты думаешь, этот шкаф просто так разобрали и на чердак бросили?

Я задумалась.

Если где-то что-то появляется, значит, где-то что-то пропадает. Я — иномирянка, я об одежде из своего мира думала. А будь я уроженкой

Полара, о чем бы помечтала? В общем, с причинами, побудившими магов разобрать шкаф, все понятно.

— У тебя нет вещей, — продолжал монстр, — об этом все знают. Если придешь в другой одежде, возникнут вопросы. Про шкаф с ходу никто не вспомнит, но рано или поздно догадаются, или вообще обыск на чердаке устроят. И тогда ты останешься и без шкафа, и без твира.

М-да... перспективка безрадостная.

— Спасибо, — сказала я. — Ты прав. Будем маскироваться!

Пришлось снова вернуться и опять воспользоваться волшебным шкафом. Через минуту в руках у меня были юбка и майка, аналогичные тем, которые я столь неосмотрительно испачкала. И новая упаковка колготок.

А что? А почему нет? Буду ходить в одежде, похожей на ту, в которой пришла в этот мир. Пусть думают, что я по-прежнему нищенка, мне не жалко. Тем более что выпендриваться мне тут не перед кем.

Кракозябр зазеркальный в справочники по-прежнему не нанимался, однако снова помог.

Не знаю, откуда, но ему было известно, когда именно начинается ужин, и вместе мы вычислили момент для визита к коменданту. А едва все маги Огня свалили кушать, я, воспользовавшись тем, что в башне никого не осталось, забежала к «нашему уважаемому Вирселю» и раздобыла ключ. После чего, заперев чердак, с чистой совестью отправилась в столовую.

Вчера мне уже удалось познакомиться с местной модой — она была необычной, но не слишком. Принципиальное отличие от нашего мира оказалось только одно: коротких юбок тут не носили, минимум — на ладонь ниже колен. Я прекрасно понимала, что опять буду выделяться (вернее — буду выделяться всегда, потому что мне предстоит ходить в «одной и той же» одежде), но комплексовать по этому поводу и не думала.

Ну да, ворона. Да, белая. И что? Зато у меня ноги красивые! Есть, что показать!

И стыдно не будет совершенно — простите, в моем мире все так ходят, а ваше поларское целомудрие мне до кисточки.

Именно с таким настроем я вошла в огромную, наполненную запахами еды столовую. Гордо и независимо взяла поднос, прошла вдоль стеклянного прилавка и направилась за единственный пустующий столик. Собственный.

Зона отчуждения? А, плевать! Зато не нужно толкаться локтями с соседями и слушать чужое чавканье.

Я держала маску независимости и пофигизма, но по сторонам все-таки искоса посматривала. И, наблюдая за реакцией окружающих, стоило больших усилий сдерживать лучистую улыбку! Да-да, длина моей юбки незамеченной не осталась, и произвела небольшой, но фурор... среди парней. Слюни они, конечно, не пускали, но смотрели очень заинтересованно. У некоторых даже рот приоткрылся, а кое-кому прилетел подзатыльник от подруги.

Последнее было особенно приятно — да, мелкая, но все-таки месть! Причем чужими руками.

Жаль только, наслаждаться общим вниманием мне выпало недолго...

— Куда прешь?! — внезапно донеслось откуда-то сзади.

— Тебя не спросил! — прошипели в ответ.

Я, как и все, обернулась, и сразу же забыла и про вкуснейшее жаркое, и о десерте с компотом. Ибо там, в проходе, рядом со стеклянным прилавком, встретились двое. Огонь и вода. Каст и Дорс.

Не знаю, кто кого задел, но это было уже неважно.

— Надо же... — протянул Дорс. — Целое лето прошло, а ты все такой же тощий прыщ.

Водники и некоторые из магов земли и воздуха, заулыбались, кто-то даже хихикнул. Я тоже улыбки не сдержала, потому что на фоне широкоплечего Дорса Каст и впрямь казался несколько тонковатым.

— Надо же... — подражая голосу противника, протянул рыжеволосый. — Целое лето прошло, а ты по-прежнему носишь с собой собачью мочу? — Каст кивнул на пояс Дорса, где, как я уже знала, пузырек с водой находится.

Теперь улыбались огневики и, опять же, кое-кто из магов земли и воздуха.

— Что? Жажда мучает? — с хищной улыбкой спросил «синий». — Так я не жадный, я налью.

После этих слов, по моему разумению, Дорс должен был потянуться за оружием, то есть за водой. Но он этого не сделал. Каст, впрочем, тоже не спешил призывать огонь, а стоял и с вызовом смотрел на мага Воды.

Остальные студиозусы просто сидели и наслаждались шоу. Разве что женщины, которые на раздаче были, поспешили убраться подальше и дружно помчались к небольшой двери, которая, судя по всему, вела на кухню.

— Налъешь? — тем временем продолжил язвить рыжий. — А я думал, тебя уже вылечили от недержания.

— Зато тебя, как понимаю, лечить даже не пробовали, — парировал

водник. — Что, прыщ? Безнадежен, да?

А в следующее мгновение они сцепились. Как обычные склочные мальчишки, без магии, врукопашную. Дорс банальнейшим образом схватил «эльфа» за грудки, Каст ответил тем же.

— Урою! — прорычал «синий».

— Попробуй! — с кривой улыбкой, выплюнул Каст... и взмыл в воздух!

Не сам, разумеется, а с подачи Дорса. Перелетел через ближайший стол, рухнул на пол, но тут же подскочил и ринулся на водника. Я не думала, что рыжему удастся свалить более крупного противника, но после неслабого удара в челюсть и ловкой подножки Дорс все-таки покачнулся.

А потом начался он — классический мужской мордобой!

Хук справа, хук слева, истошный женский визг. Дорс уворачивается, Каст теряет равновесие, но выравнивается и отскакивает. Дальше ход Дорса — тот шире и тяжелее, но, разумеется, не такой ловкий. Дорс тоже промахивается, но по инерции пролетает вперед и напарывается на стол.

Визг повторяется. К нему добавляются ожесточенные крики и звон разбитой посуды. Студиозусы в красных и синих балахонах, окончательно позабыв об ужине, вскакивают с мест, сжимают кулаки и летят к месту событий. Поединок двух парней грозит перерасти в нечто поистине масштабное! Но...

— А ну прекратили!!! — Этот рык заставил содрогнуться даже мирного зрителя в моем лице. — Остыли! Оба!

Из уст профессора фон Глуна, огненного, в общем-то, мага, предложение остыть звучало не очень логично, но жуть как страшно. Дуэлянты недоделанные резко отскочили друг от друга и замерли, нервные и крайне недовольные вмешательством Глуна в драку.

А тот стремительно приблизился. И, глядя на прямую спину, резкие движения и выражение холодного бешенства на профессорском лице, я пришла к выводу, что со мной Глун общался очень даже вежливо.

— Что вы себе позволяете, господа студенты? — леденючим голосом процедил брюнет. — Или забыли, что драки в академии запрещены?

Оп-па. Интере-есно.

— Мы без магии... — попытался оправдаться Каст.

— А мне начхать! — взревел Глун. — В деканат, быстро!

Реплика была обращена именно к магу Огня, над Дорсом Глун точно был не властен. Но на водника тоже управа нашлась: буквально через несколько секунд в столовой еще один препод объявился — бородач в синей мантии.

— Опять?! — прошипел бородатый, обращаясь к Дорсу. — Учебный год только начался!

Хм. Кажется, я эти слова уже слышала.

— Быстро за мной!

«Синий» скорчил недовольную гримасу, но подчинился и поплелся за бородачом к выходу.

Надо отметить, что вопреки ожиданиям продолжения всеобщей потасовки, спокойная атмосфера воцарилась в столовой практически сразу после их ухода. Из чего я сделала вывод: Дорс и Каст давнишние противники. Но это ерунда. Гораздо важнее другое — кажется, у меня появился сообщник. Он об этом, конечно, еще не знает, но точно не откажется.

И, судя по тому, что Дорс совершил только одну диверсию в общаге огневиков, приглашение, которое давала я, разовое. Интересно, а безлимитные приглашения бывают? Наверное, бывают, вопрос только в формулировке.

Что ж, держись общага. Скоро тебе будет ой как несладко!

Глава пятая

На чердак я вернулась в самом отличном расположении духа — а что, жизнь-то налаживается. Пушистый твир, волшебный шкаф, пусть ворчливый, но все-таки справочник. А теперь еще и сообщник подходящий нашелся. Красота, да и только!

Осталось только с магией разобраться. И пусть Глун и прочие кривятся, сколько хотят, а я точно знаю, что смогу.

С этими мыслями я задвинула тяжелую металлическую щеколду, вставила выданный комендантом ключ в скважину — это на случай если тут водятся те, кто подглядывать любит — и направилась к столу. Здесь, для начала, я развернула салфетку с реквизированными из столовой бутербродами и положила на край столешницы. И только пронаблюдав, как маленький твир радостно мчится к угощению, потянулась к стопке с учебниками.

С чего именно начать, я определилась еще в прошлый раз, до того как отвлеклась на сборку шкафа. Так что уверенно цапнула новенький томик с золотым тиснением на обложке и многообещающим названием: «Теория магии стихий». После этого села за стол, вытатила тетрадь и шариковую ручку — это на случай если конспектировать придется, и открыла первую страницу.

Интересно...

Все оказалось не так страшно, как я предполагала. В учебнике доступно излагались основные, базовые вещи. Так, например, четыре известные всем стихии: огонь, вода, земля и воздух, как говорилось, находились в гармонии и противостоянии одновременно. Абсолютно союзными являлись пары огонь-воздух и земля-вода. К абсолютно конфликтным составители учебника причисляли только связку огонь-вода. Объяснялось это тем, что вода заливает огонь, а огонь превращает воду в воздух.

Но самое главное, магический дар тоже имел «стихийный окрас». Всегда. Магия без поддержки какой-либо стихии была невозможна. При этом как таковой дар мага являлся лишь даром управления. То есть, чтобы творить магию, человеку нужен был материал: земля, вода и далее по списку.

Маги Земли и Воздуха проблем с материалом практически никогда не испытывали, поэтому людей со склонностью к одной из этих стихий

считали везунчиками. Магам Воды приходилось сложнее, но все же вопрос с наличием воды тоже был решаем: водникам просто рекомендовалось всегда носить при себе флягу. А вот с огнем ситуация оказалась самая любопытная.

Несмотря на то что огненная стихия считалась самой сильной и разрушающей, большинство магов Огня, словно для компенсации, были сильно ограничены в работе. Дело в том, что слабому или плохо обученному магу для заклинаний всегда требовался источник огня — материал, которым он будет управлять. К примеру, взял частицу пламени костра, слепил из него пульсар и бросил. При этом самостоятельно производить огонь такой маг не мог. То есть нет костра — нет и пульсаров, и конец магу, если враги нападут.

Сильный маг огонь производить способен, но в ограниченном количестве. Он может зажечь свечку, или даже сотню свечей, или вообще что-либо другое, легко воспламеняющееся. Короче говоря, может создать источник огня, из которого можно дальше брать материал для магической работы.

Ну а сверхсильный может все. Он сам источник огня. Его душа — огонь.

Вот на этом моменте я не выдержала, оторвалась от книги и откинулась на спинку стула. Та-ак, дайте-ка вспомнить...

Преподавательница по медитации зажгла кучу свечей. Но при этом рядом с ней стояла чаша, в которой мерцал огонь. Пусть я не видела, как она огонь из чаши берет, но судя по всему, магесса все-таки с источником работала. То есть она, вероятнее всего, слабая.

А вот профессор Глун свечку зажег сам — в этом сомнений нет. Получается, маг он сильный. Но я об этом еще до чтения учебника знала, уж слишком уверенно он держался, слабаки так себя не ведут.

Однако даже мастерство Глуна меркнет на фоне умений другого мага — Каста. Как он тогда пульсар прямо перед моим носом зажег? А как ту несчастную троицу, жертв Дорсовой мести с потолка снял? Во-от, значит, Каст сверхсильный.

Черт, теперь как-то страшновато ему мстить.

— О чем ты там так усиленно думаешь? — нарушил в этот момент тишину монстр.

Обсуждать ситуацию с обитателем зеркала не хотелось: в особенностях магов я еще не до конца разобралась, а вновь казаться дурой не хотелось. Поэтому я плавно перевела стрелки.

— Думаю, что если ты не хочешь называть свое имя, то... я сама тебе

имя придумаю.

— Хм? — В этом звуке звучала заинтересованность.

— Будешь Кракозьябром, — не раздумывая, сообщила я.

Кто-то поперхнулся. А через миг тишину нарушил вопль:

— Кем?! — И дальше по нарастающей: — Даша, в твоём мире столько прекрасных имен! Иммануил, Филипп, Эдуард, в конце концов! Так какого гхарна ты назвала меня этим... этим... как его...

— Кракозьябром, — подсказала я с улыбкой.

— Ничего подобного! — возмущенно взвыл призрак. — Я не согласен!

Эх, вроде живет в учебном заведении, а ничему так и не научился. У нас-то, на Земле, любой школьник знает: чем громче возмущаешься, тем крепче прозвище прилипнет.

— Тогда скажи настоящее имя, — промурлыкала я.

— Нет!

— Точно Кракозьябр.

— Дура! — выпалил монстр и обиженно замолчал.

Я же только теперь обратила внимание, что вокруг сгущаются сумерки и скоро станет настолько темно, что ни о каком чтении речи идти уже не будет. Вопрос освещения встал ребром, ибо на занятия мне было необходимо куда больше времени, нежели пара вечерних часов до заката.

Электричества тут нет, это я уже поняла. Но ведь как-то наша академия освещается?

Отложив учебник, я встала и направилась к двери. А выглянув в коридор, обнаружила: да, центральное освещение тут действительно есть. По стенам горели светильники — маленькие и круглые, они чем-то напоминали наши обыкновенные лампочки.

В коридоре было пусто, так что я, не стесняясь, подошла к ближайшему светильнику и присмотрелась. За стеклом небольшого шарика мерцал сгусток магической энергии, но она не была похожа на огонь или какой-либо другой элемент магии стихий. Впрочем, какая разница, что там внутри, если при наличии такой «лампочки» можно читать?

Вот только у меня-то «лампочек» нет! Опять дискриминация иномирцев? Ох, неправильно это.

Угу, Кракозьябр говорил, что нас за наглость не любят, но что делать? Практика уже показала: в этой академии тихоней не то что не прожить — не выжить! Поэтому я осмотрелась и, убедившись, что в коридоре по-прежнему никого нет, попыталась выковырять «лампочку» из оправы. А что? Она ж без проводов, значит, и у меня работала бы... если бы получилось ее достать.

А у меня не получилось!

Главное, я ее и так, и эдак, но «лампочка» местного производства сидела на своем месте как влитая. Такое впечатление, что у них тут не просто иномирцы, а именно русские раньше проживали. Причем так проживали, что полярцы на всю оставшуюся жизнь запомнили.

Черт. Что же это, получается, мне теперь без света сидеть?

Увы, ответ был очевиден — да.

Хмурясь и молчаливо проклиная судьбу, я вернулась на чердак и предусмотрительно заперла дверь. После освещенного коридора, мое убежище казалось особенно мрачным, будто не сумерки, а настоящая ночь уже наступила.

Подойдя к столу, я посмотрела на страницы учебника и поняла, что при таком подходе, что называется, без глаз останусь. Значит, завтра придется идти к коменданту и, если понадобится, ругаться.

Не хочется, конечно, ну а как иначе? Это ведь дикость полнейшая! Мало того, что поселили меня в антисанитарных условиях, так еще и света лишили. И при этом предлагается выучить дисциплины, по которым я в силу объективных причин отстаю.

— Черт! — тихо ругнулась я и повернулась к зеркалу: — Кракозя-абрушка, а кракозябрушка?

Монстр молчал, а поверхность зеркала оставалась самой обычной.

— Кракозябрик?

И опять ноль эмоций.

— Эдик? Эдуард, милый... — вновь попробовала я.

Ага, так он и ответил.

— Иммануил?

Снова не помогло.

Твир — и тот молчал, правда, не потому что обиделся. Просто малыш объелся и уснул прямо на столе, умильно уткнувшись мордочкой в остатки бутерброда.

Короче, меня все бросили. Даже гадкий Каст, и тот в двери не ломился.

В унынии я плюхнулась на стул и вздохнула. Ни на что уже толком не надеясь, закрыла глаза и вообразила пульсар. Красивый такой, яркий. Потом фантазия немного обнаглела, и я представила, что вдыхаю в этот пульсар толику силы, отталкиваю воображаемый огненный шарик, и вдруг...

— Даша, ты сдурела?! Даша, тебе еще нельзя применять магию! Ты все сожжешь!

А? Что?

Я распахнула глаза и замерла. В воздухе, на расстоянии вытянутой руки висел самый настоящий огненный пульсар размером с кулак. А на чердаке теперь так светло стало, словно тут люстра зажглась.

— Даша, погаси! — вновь потребовал кракозябр.

— Не, — замороженно разглядывая огненный шар, я отрицательно качнула головой. — Не дождетесь. И скандала не дождетесь: теперь-то моей учебе ничего не мешает.

Так, что у нас дальше по плану? Теория магии стихий, я иду!

Засиделась я с учебником допоздна, зачиталась и даже немного увлеклась. Так что спать легла глубокой ночью, и ни за что бы не проснулась вовремя, если бы твир не подсуетился. Будил твир незатейливо — скакал прямо по мне и верещал свое неизменное:

— И-и-и!

С трудом разлепив глаза и сообразив, чего именно от меня хотят, я широко зевнула и потянулась. Твир тут же спрыгнул на пол, но пищать не прекратил, так что, хочешь не хочешь, пришлось подниматься. Правда, поскольку сегодня, благодаря чудесному шкафу, на мне была любимая уютная пижама в цветочек, вылезать из-под одеяла совершенно не хотелось.

— И-и-и! — продолжал голосить твир. Кажется, намекал, что уже опаздываю.

Откуда, спрашивается, узнал?

Краем глаза я заметила нарисовавшегося в зеркале призрака. Правда, он демонстративно смотрел в сторону и столь же демонстративно сопел, но сомнений не было — точно Кракозябр помог.

Хмыкнув, я взглянула на прыгающего твира и улыбнулась.

— Кстати, тебе ведь тоже нужно имя дать.

Мальш перестал скакать, поднялся на тонких ножках и замер в ожидании. А я задумалась. Как же его назвать? Пушистик — банально. Мохнатый — как-то странновато. Ой, а может Кузей? А что, популярное имя для домовых, вроде... только о том, в кого превратится мой маленький твир когда вырастет, думать не хочется.

— Будешь Кузьмой? — спросила я у малыша.

Тот задумался на миг и радостно запрыгал на месте. Ну вот и прекрасно.

С чувством выполненного долга я сунула ноги в мягкие тапочки и направилась в ванную.

— А мне ты выбора не дала, — обиженно протянули из зеркала.

Я остановилась, подмигнула монстру.

— А не фиг выпендриваться было!

— Да-аша...

Лучисто улыбнувшись, я пошла дальше. На повестке дня стояли водные процедуры, завтрак и учеба. А также квест — незаметно переговорить с Дорсом.

— Да-аш!

Угу-угу. Нет, не быть тебе Эдуардом, милый. Вчера думать надо было. Сегодня поздно.

Атмосфера в столовой царила не просто мирная, а подчеркнута мирная. Нет, никаких обид точно не было, но провоцировать новую стычку никто не хотел.

Обстановка наводила на две мысли: Каст и Дорс получили-таки втык, а оба факультета вслед за этим получили какие-то инструкции. Но меня информировать о факультетских делах по-прежнему никто не собирался, что в очередной раз доказывало: чужакам здесь не рады.

От осознания такой намеренной изоляции могло бы стать грустно, но не сегодня. Ну да, я изгой, и что? А кто из этих напыщенных, пропитанных ненавистью к иномирянам магов способен создать пульсар из ничего? Ну кроме Каста?

Никто. Вот и все. Грош цена вашим понтам, ребята. Утритесь.

А в том, что касается самого Каста... Очень хотелось бы сказать, что и его уделаю, но я слишком хорошо понимала: этот орешек не по зубам. В отношении него можно ограничиться лишь маленькой мстостью.

Переживет ли мое самолюбие необходимость отступить перед рыжим «эльфом»? Думаю, да, потому что чувство самосохранения самолюбию поможет.

С другой стороны, кто знает, как повернется жизнь? Вдруг я не просто сверхсильный маг, а еще круче? Тогда шанс растереть Каста будет. И если к этому времени он не прекратит свои штучки или не дай бог действительно станет шантажировать твиром — закатаю в асфальт.

Думать о Касте и не смотреть в его сторону было сложно, так что я посмотрела. И с удивлением заметила, что рыжий тоже на меня поглядывает. Правда, когда наши взгляды встретились, по тонким губам огневика скользнула нехорошая улыбка.

Скривившись, я отвернулась. Правда, успела отметить, что сестра Каста, Кэсси, наши гляделки заметила. На миг стало неудобно перед девушкой, но, с другой стороны, разве ее небольшая забота сравнима с

шантажом рыжего? Вот и я думаю, что нет.

Эх... Как все-таки хочется стереть это самодовольное выражение с его физиономии! Так, где там Дорс? Надеюсь, внушение, которое сделали ему преподы, не помешает моим планам?

Водник нашелся в противоположном углу столовой, в компании друга и какой-то очередной девицы. Девица смотрела на блондина томным взглядом, но тот не реагировал, больше увлеченный завтраком и беседой с товарищем.

Черт. Как бы мне его подловить? И где?

Общие занятия — точно не вариант, Дорс, как и Каст, старше. Просто подойти — тем более нельзя, нас не должны видеть вместе. В гости в общагу факультета Воды... ну, я бы заглянула, только кто ж пустит? Да и страшновато во вражеский лагерь соваться. Тем более, для водников я дважды врагиня: иномирянка и маг Огня вдобавок.

Черт, что же делать?

Посмотрев на недоеденный омлет, я отложила вилку и принялась щипать булочку. Есть уже не хотелось, но ребята с моего факультета пока не спешили, а уйти без них я не могла — расположение аудиторий еще не выучила.

Зато Каст встал и двинулся к выходу. На прощание опять окинул меня насмешливым взглядом, который я, стыд мне и позор, поймала, потому что опять в сторону этого рыжего гада взглянула.

А вот потом, когда пижон ушел, мне улыбнулась удача: Дорс поднялся, потянулся, подхватил поднос и направился к столу для грязной посуды. Один! Упустить такую возможность я не могла, поэтому тоже поднос схватила и поспешила за ним.

Поговорить в такой обстановке, конечно, невозможно, даже шепнуть словечко страшно — слишком много свидетелей, но вот знак подать — вполне реально. Это я и собиралась сделать.

Когда блондин поставил поднос и развернулся на выход, я была всего в двух шагах от того же самого стола, и меня, разумеется, заметили. Я же сделала страшные глаза и трижды моргнула, а потом сразу придала лицу очень серьезное выражение.

Дорс эти гримасы заметил, слегка нахмурился и пошел дальше. Теперь оставалось только надеяться, что он догадается о моем желании с ним поговорить. И, главное, просьбу не проигнорирует. В конце концов, тот факт, что маги Огня до сих пор понятия не имеют, кто подвесил троих бедолаг к потолку, подтверждает мою лояльность.

Утвердившись в этой мысли, я с независимым видом дождалась

выхода сокурсников из столовой и отправилась на занятия.

В расписании на этот раз значился очередной странный предмет: «теоретическая огненная магия». Учитывая кислые лица сокурсников и подслушанные обрывки фраз о том, что «предмет — полная лажа», я ожидала очередную пакость. Уж если местные, со своим среднемагическим образованием, от него не в восторге, что обо мне говорить?

Однако уже к середине занятия я вдруг осознала, что понимаю, о чем идет речь! Те объяснения и графики, которые рисовал на доске старичок-профессор, очень напоминали элементарные синусоиды. А математику я, как студент-экономист знала неплохо.

Оставалось только провести параллель между знакомыми обозначениями и некоторыми, не до конца понятными символами, потом попробовать наудачу решить самой пару примеров и понять — точно! Это оно и есть! После чего задания профессора о расчете прилагаемых сил к заклинанию и амплитуде распространения высвобожденной в ходе магической работы энергии стали рассчитываться на раз.

Под конец, я даже не удержалась и после вопросов профессора пару раз озвучила правильные ответы, чем заслужила косые взгляды сокурсников. У кого-то, как у Кэсси, любопытствующие, у кого-то удивленные, а местами и завистливые.

Ну и плевать. Пусть о природе магической энергии я по-прежнему имела самое смутное представление, но математика — она и в другом мире математика. А у нас, на экономическом, она намного сложнее была, между прочим. И по сравнению с вышкой, по которой у меня хвост, эта — вообще тьфу. В общем, выходя из аудитории, я была уверена: уж этот предмет на сессии точно не завалю.

К сожалению, следующие предметы столь же халявными не оказались. Пришлось вновь бездумно конспектировать и тешить себя надеждой, что хотя бы после прочтения учебников в них разберусь.

А когда занятия, наконец, закончились, я направилась к библиотеке, где встретила Дорсом в прошлый раз.

Блондин игнорировать встречу не стал. Проявив ту же логику, что и я, Дорс дождался у библиотеки. Правда, на этот раз тайно. Когда он выступил из ниши прямо передо мной, я чуть не завизжала. Дорс, конечно, помассивнее рыжего, но на миг показалось, что это опять Каст. А учитывая надежду на встречу с водником... В общем, воображение мгновенно нарисовало картинку, как нас застукали и раскрыли. И все, никакой мести, только новые страдания.

Дорс, видимо, тоже в этом направлении думал. По крайней мере, быть застуканным в компании иномирянки не желал. Поэтому, едва увидев в моих глазах осознание, схватил за руку и ловко увлек в ту же нишу, из которой вышел.

Несмотря на то что библиотека располагалась в подвале, и поэтому в коридоре даже днем горело множество светильников, ниша оказалась глубокой и темной. Так что, пройди кто — застукать нас все равно не удалось бы. Единственное, лица парня теперь было практически не разглядеть. Ну да ладно, не в лице дело.

— Привет, — тихонько поздоровалась я.

— Привет-привет, — откликнулся Дорс со смешком. — И что это за нервный тик у тебя в столовой случился?

Он стоял близко, но не настолько, чтобы ситуация могла считаться интимной. Однако я все равно немного смутилась и сделала шаг назад. Правда, тут же уперлась спиной в стену. Потом глубоко вздохнула и выпалила:

— Ты можешь приходить в общагу факультета Огня, когда захочешь, Дорс. Я приглашаю.

— У-у-у, вот оно что, — протянул водник. — Совсем достали, да?

Я пожалала плечами. Потом сообразила, что парень не видит, и сказала вслух:

— Не так, чтобы совсем, но есть немного.

— Понятно. А как насчет меня?

— То есть? — не поняла я.

— Что мне за это будет, а, Даш? — прошептал Дорс и придвинулся почти вплотную.

На фоне общей брезгливости, этот его маневр не разозлил, а вызвал искреннее недоумение. Как и реплика.

— Прости? — Я уперлась ладонями в широкую грудь, в надежде сохранить хоть какую-то дистанцию. — Что ты имеешь в виду?

Маневр не удался. Водник попросту склонил голову и выдохнул почти на ухо:

— Ты хочешь, чтобы я разобрался с твоими сокурсниками, а что взамен? Какова награда?

От таких слов я аж дар речи на пару секунд утратила. Нет, вы только посмотрите на него! Какая удивительная наглость!

— Дорс, это взаимовыгодная сделка, — напомнила я, стараясь сохранять спокойствие. — Я даю тебе возможность насолить твоим врагам. Какая еще награда? Ты и так в шоколаде.

— Мм-м, Даш, ты хоть понимаешь, какой это риск? — промурлыкала зараза белобрысая. — Меня ведь могут поймать.

— Кто не рискует, тот не пьет шампанского! — выдала общеизвестную земную истину я и попыталась оттолкнуть водника. Но не тут-то было.

То ли о шампанском блондин впервые слышал, то ли просто пословицей не проникся. Ибо, абсолютно проигнорировав эту фразу, в свою очередь потребовал:

— Поцелуй.

— Что?! — забыв о конспирации, растерянно вскрикнула я.

— Один маленький поцелуй в качестве аванса, — пояснил Дорс нагло. — А после того как закончу с общагой...

Ладонь парня недвусмысленно скользнула на мое ну почти бедро и нежно сжала оную часть тела.

Я застонала. Нет, не уподобившись актрисе эротических фильмов — это было страдание чистой воды.

— Дорс, блин! Ну зачем?

— Я ведь тебе понравился, — напомнил парень. — Верно, крошка?

Вспомнилось наше знакомство и отсутствие в тот момент у меня ментального блока. Да, тогда Дорс действительно произвел впечатление, и я прокололась. Но с тех пор столько воды утекло, что сейчас речь о симпатии уже не идет. Ну то есть, «синий» по-прежнему симпатичен, но не до такой степени. Вот только он-то об этом прочитать в моей голове уже не может! И потому, похоже, абсолютно уверен в обратном!

— Так что? — вторгся в мысли протяжный голос этого заразы. — Платим аванс и начинаем?

Да, это не Каст. Блондина в отсутствии собственного мнения не обвинишь, вон оно из него так и прет. И что делать?

Дорс, словно поторапливая с ответом, сжал и уже не бедро и чуть крепче. И от этой показушной настойчивости вдруг пришло осознание: да водник меня попросту разводит как школьницу! Ничего ему не нужно, на самом деле, кроме стеба на тему моих панических попыток отказа!

Дать «синему» повод для постоянных издевок? Ну уж нет. Не в этой жизни!

— Договорились, — решительно промурлыкала я.

И прежде чем кое-кто успел опомниться, обвила шею блондина руками, привстала на цыпочки и припала к его губам.

Водник откровенно офигел. То есть совсем и полностью. И вот, стою я на цыпочках, прижавшись к парню всеми возможными частями тела, в том числе и губами, а он — столб столбом! Где, блин, справедливость?

Пришлось отстраниться, громко, выразительно вздохнуть и с притворной печалью полюбопытствовать:

— Что, касса сегодня закрыта? А как же аванс? Ай-яй-яй... беспорядок. Перегнула. Вот как есть перегнула!

Потому что в следующий миг меня крепко прижали к стене, а губы Дорса впилась в мои. Это был шторм, баллов так в двенадцать. Властный, неистовый, не терпящий никаких возражений. Я настолько растерялась, что даже зубы сжать не успела. А потом почему-то взяла и ответила на этот... вот ни фиги не поцелуй! Наезд, самый настоящий! И так ответила, что...

В общем, когда Дорс-таки отстранился, искренне обрадовалась, что вокруг нас темнота. Ибо буквально кожей чувствовала, как пылает лицо.

— Отлично, детка, — заявил «синий». Он точно хотел прикинуться безразличным мачо, вот только дышал для этого тяжеловато, да и голос звучал хрипло. — Мне понравилось. Сделка состоится.

И, видимо для того, чтобы не забыла, чем именно придется расплачиваться, опять мое мягкое место приласкал.

Черт! Я, вообще-то, не фанат подобных игр. Но смущаться или возмущаться сейчас категорически нельзя, иначе звездац мне. Полный!

— Не все сразу, — промурлыкала я и аккуратно выскользнула из его рук. — Ты сперва сделай. И, раз уж на то пошло, не мелочь какую-нибудь. Я, знаешь ли, тоже хочу, чтобы мне понравилось.

— Неужели ты во мне сомневаешься? — насмешливо и с нотками собственного превосходства фыркнул Дорс.

— От неудачи никто не застрахован, — отметила я, стараясь вложить в голос максимум сомнения. — К тому же, я еще не знаю весь расклад. Может, Каст тебя в паркет закатает.

Настроение в темной нише резко переменялось, и смеяться моему сообщнику расхотелось.

— Поверь, ты сильно переоцениваешь этого рыжего прыща, — холодно процедил Дорс.

— Да неужели? — Я недоверчиво хмыкнула.

— Каст — обычный понтомет, — припечатал парень. — Маменькин сынок, позер и пижон, не более того.

Так, только не говорите, что я ошиблась в выборе сообщника. Ведь Дорс не выгладит таким идиотом, чтобы закрывать глаза на силу Каста!

— Тот, кто недооценивает противника — проигрывает всегда, — процитировала я популярную военную поговорку.

И хотя лицо Дорса по-прежнему оставалось в тени, судя по тому, как водник фыркнул, его перекосило.

— Каст снял трех подвешенных твоим водным элементом парней с потолка в одиночку, — сказала я устало. — И сделал это легко, одним щелчком пальцев. Ты ведь не дурак, Дорс. Ну какой он после этого «обычный»?

В нише повисла тишина. Она была настолько красноречивой, что в голову закралась неожиданная мысль: неужели Дорс действительно не в курсе настоящих способностей Каста? А такое вообще возможно? Хотя, если Вода и Огонь — враждующие факультеты...

— Вот прямо одним щелчком? — переспросил блондин напряженно.

Я припомнила, как это было, но подробности рассказывать не стала. Просто подтвердила:

— Да, щелчком.

— Хреново... — выдержав долгую паузу, отозвался водник. — Ну, ничего. Спасибо, что предупредила.

Я улыбнулась, хоть и знала, что улыбку мою никто не видит. И не упустила возможности хоть под конец, но вставить «шпильку»:

— Он удивил меня, Дорс. Вот и ты удиви. А сейчас, если мы все обсудили, я, пожалуй, пойду.

— Ага... — протянул парень задумчиво. И думал в этот момент, кажется, совсем не о моем уходе.

Я улыбнулась шире и выскользнула из ниши. Правда, была тут же поймана за руку и возвращена обратно.

— Что?

— То, — буркнул Дорс. И, понизив голос до едва различимого шепота, добавил: — Приглашение в общагу, Даша.

— Так я тебя уже пригласила, — напомнила я.

— Угу. Только стражам об этом сказать не забудь. И лучше сегодня, — потребовал он.

Тупых вопросов из серии «а кто у нас стражи?» задавать не стала. Сразу сообразила — речь о тех двух огнях, которые горят на колоннах у лестницы, ведущей в башню.

— Хорошо, — ответила тоже шепотом. — Сделаю.

После этого меня, наконец, отпустили, и я отправилась в общагу. Предстояло шепнуть пару ласковых «стражам», переодеться и сходить на ужин.

А потом нужно будет сидеть и не высовываться. И изучение учебников, кстати, продолжить.

Вчера-то я успела пролистать только «Теорию стихийной магии», да и то не всю. Так что надо продолжать. Тем более, у меня есть преимущество

перед теми же поларцами. Для человека эпохи Интернета, чей мозг привык перерабатывать бешеное количество информации, эти их талмуды с крупнящим шрифтом — плюнуть и растереть. Не думаю, что мне потребуется больше двух недель на ознакомление с первой, «среднемагической» частью. А там и академическую программу, если повезет, догоню. Тем более, некоторые предметы, как оказалось, мне уже вполне по плечу. Даже сокурсники, вон, удивились. Кстати...

Я споткнулась на ровном месте и тихо выругалась.

Черт! Я же забыла сказать Дорсу, чтобы Кэсси не трогал!

Развернувшись, я сделала несколько шагов в обратную сторону, но опять остановилась. Рыжеволосая «эльфийка», конечно, достойна защиты, но разумно ли это? Я ведь не знаю, что будет творить Дорс. Это мне бояться нечего, потому что я — изгой, да еще живу отдельно, на чердаке, который, ко всему прочему, отделяют два этажа, заселенных преподами. А вот неприкосновенность к кому-то еще может вызвать подозрения.

Тем более, может быть, «синий» девчонок вообще не тронет. И это вероятнее всего, поскольку не может же Дорс «тронуть» сразу всех? Пакость водника опять коснется нескольких человек и, по логике, в первую очередь — парней. Так что торопиться нечего. Просто при следующей встрече попрошу Дорса, чтобы обращался с сестричкой Каста помягче, да и все.

С этой мыслью я опять развернулась и поспешила в общагу.

Жизнь-то определенно налаживается!

А на чердаке ждал очередной сюрприз: там больше не было хлама. Вообще никакого. На окнах висели явно не новые, но чистые и выглаженные гардины. Кроме того, тут появился диван! Потертый, но очень даже приличный. И два мягких кресла с низеньким чайным столиком — хоть сейчас гостей зови. Ковер на полу стал еще большей неожиданностью, а вот две старинные скульптуры с меня ростом, изображавшие девиц в длинных платьях, вызвали улыбку.

Кровать за время моего отсутствия была удачно передвинута в дальний угол, а рядом с ней твир расположил тумбочку и два стула, чтобы можно было вещи бросить. Был предусмотрен и своеобразный полог — кусок свисающей с потолка белоснежной ткани. Задернешь его, и кровати на чердаке как бы нет, а сам чердак становится настоящей, полноценной гостиной.

Рабочее место тоже преобразилось. У стола обнаружилось опять-таки потертое, но удобное кожаное кресло, а по обеим сторонам два узких

книжных шкафа, на полках которых уже ютились полученные в библиотеке книги. Ну и лампа на столе — как вишенка на пирожном. Для полного студенческого кайфа.

Заметив настольную лампу, я по наитию подняла голову и вновь ахнула: под потолком висела тяжелая медная люстра.

Эта люстра обрадовала сильнее всего. Просто поразмыслив над вопросом освещения, я пришла к выводу, что идти к коменданту и качать права на тему «проведите мне местное электричество» нельзя. Ведь даже если эти их светильники не требуют проводов и прочих фишек, то для того, чтобы их повесить нужно войти на чердак. А на чердаке у нас что? Правильно, запрещенная местными законами зверушка.

Короче, я собиралась обходиться пульсарами, а тут такая прелесть.

На чердаке стало не то что уютно — волшебно! Ничего общего с той заваленной хламом кладовкой, в которую меня заселяли. Теперь нужно было очень сильно напрячь фантазию, чтобы допустить даже мысль о том, что это — одно и то же помещение.

То было свалкой. А это — дом. Самый-самый настоящий. Магия, рядом с которой даже свет моих пульсаров меркнет.

Ну, твир! Ну, мастер на две лапы! Столько всего собрать из хлама, да за такой срок — это подвиг!

Справившись с первым шоком, я закрыла дверь на щеколду и огляделась в поисках твира. Нашла пушистика не сразу. Малыш явно утомился и теперь дрых на моей подушке.

Я подкралась, в намерении разбудить и потискать, но когда оказалась рядом — замерла в удивлении и нерешительности. Шарик, который прежде был размером с кулак, заметно подрос, а еще... у него окрас меняться начал.

Когда мы только встретились, твир был серым. Я тогда еще подумала, что он в пыли извалялся. Но при более близком знакомстве стало ясно: твир действительно серый, дымчатый. А теперь цвет меха стал другим, непонятным. Грязно-бордовым что ли?

— Эй, — прошептала я, не смея прикасаться к шарикю. — Эй, Кузя? Кузенька...

Твир не проснулся. Перекатился на другой бок, дрыгнул тонкой ножкой, будто отмахиваясь, и все.

Ладно, пусть спит. Точно умаялся. Не мог не умяться — ведь столько всего сделал.

А вот второй, который Кракозябр, утомиться никак не мог. И он, разумеется, бодрствовал. Однако судя по тому, что он до сих пор не выдал

ни одного язвительного замечания, только сопел, демонстративно глядя в сторону, разговаривать со мной не желали.

Но это не повод не попробовать, верно?

Стараясь не шуметь, я подошла к зеркалу и спросила шепотом:

— Слушай, а куда весь хлам делся?

Монстр фыркнул и промолчал.

— Блин... ну не дуйся, Кракозябрище.

Призрак запыхтел громче прежнего, а потом все-таки не выдержал и сообщил:

— Твир все барахло в пространственный карман скинул.

— Куда-куда? — изумленно вытаращившись на Зябра, переспросила я.

Тот тяжело вздохнул и закатил глаза. Он уже не дулся, скорее, презирал мою тупость.

— Твиры, кроме прочего, умеют делать пространственные карманы, — пояснил призрак. — Вот он, как сил набрался, и сделал. И перетащил туда весь тот хлам.

Офигеть. Нет, не так — о-фи-геть!!!

В полном изумлении я вернулась к кровати, взяла со стула юбку и майку и, по-прежнему стараясь не шуметь, пошла в ванную. Переодеваться.

Не знаю, кто как, а лично я теперь фанат твилов. И Кузю не то что не отдам — порву любого, кто косо в его сторону глянет.

На ужине мои ноги снова привлекли повышенное внимание парней, но в этот раз к нему добавилось и откровенное презрение девчонок. Однако на реакцию окружающих мне было плевать еще больше, чем вчера: я чувствовала в воздухе запах мести.

Теперь стоило больших усилий не коситься на Дорса. А воднику, кажется, приходилось стараться выглядеть беспечным и беззаботным. Он, вопреки обыкновению, улыбался девице с томным взглядом, которая болталась в их компании, и подчеркнуто не смотрел в сторону огневиков. Огневики этот игнор, разумеется, не напрягал.

Короче, все были счастливы.

Небольшая неприятность случилась только в конце ужина, когда я по привычке завернула в салфетку два бутерброда, отнесла поднос с грязной посудой и направилась к выходу!

— Опять она еду ворует, — презрительно фыркнули за спиной. Голос был женским.

Изначально я не хотела реагировать. Зачем? Все точки над «ё» расставлены: я изгой, они — элита, нам не по пути, и далее по списку. Но

потом мелькнула мысль: а не станет ли это воровство поводом заподозрить, что я кого-то подкармливаю? И поскольку никаких зверушек, кроме, разумеется, твира, я в академии не видела...

В общем, план созрел в голове практически мгновенно. Я остановилась и с достоинством развернулась. Увидев, что ближайшие столики заняты магами с «родного» факультета — да-да, я уже начала запоминать лица — ни капли не удивилась. Конечно, кто именно вставил шпильку, определить не удалось, но это было и не важно. Я сказала так, чтобы слышали все окружающие:

— Видите ли, «дорогие» сокурсники, в моем мире очень развита такая наука, как диетология. Это наука о том, как нужно питаться, чтобы поддерживать свое тело в идеальном состоянии. Для достижения вот такого результата, — я провела рукой, словно невзначай подчеркивая элементы собственной фигуры, — я вынуждена сидеть на мучной диете. А эта диета обязывает меня жрать мучное по ночам. И я не собираюсь менять свой режим питания и портить свою фигуру из-за того, что ваши столовые по ночам не работают.

Парни точно ничего не поняли, а девчонки дружно удивились.

— Но это не может быть правдой, — пискнула одна из них, самая тощая. — От мучного, да еще на ночь, ужасно полнеют.

Я независимо фыркнула, подарила девице снисходительную улыбку и припечатала:

— Лично я сижу на этой диете последние два года. Уж, наверное, знаю, о чем говорю.

После чего развернулась и гордо направилась в общагу. По официальной версии — жрать мучное ночью. По неофициальной и невысказанной — учиться, учиться и еще раз учиться.

Вот только на этом приключения не закончились.

Когда я поднялась на последний этаж — тот самый, с которого можно попасть на ставший таким родным чердак, — нос к носу столкнулась с Глуном. Профессор, разумеется, не караулил, просто его комната (или, вероятнее, комнаты — на последних этажах дверей меньше, чем на тех, где обитают студиозусы) располагалась тут. И он как раз возвращался к себе.

Мое появление на этаже заставило Глуна обернуться. Куратор, профессор, лорд и кто он там еще, окинул меня взглядом с головы до ног и нахмурился.

— Добрый вечер, — старательно пряча руку с бутербродами за спину, сказала я.

— Добрый, — хмуро подтвердил Глун и еще одним долгим взглядом

окинул.

А теперь вопрос: как должен реагировать уроженец Полара и куратор курса, при виде студентки в неприличном мини? Вот и я думаю, что неодобрительно. А если вспомнить, кто именно виноват в том, что у меня одежды как бы нет?

Короче, стоя перед Глуном я ждала как минимум смущения, как максимум — предложения сгонять в мой мир за чемоданами и прочим необходимым. Ведь у меня ни тетрадей, ни письменных принадлежностей, ничего. Уж он-то об этом прекрасно знает!

И что в итоге?

Да ничего! Глун просто кивнул и скрылся в своей комнате.

Желание прийти к нему с просьбой доставить вещи сдохло окончательно. Вот теперь из принципа в «одной единственной» юбке ходить буду! Пусть самого лорда совесть не сожрет, но если у его коллег есть хоть немного этой мифической субстанции, рано или поздно Глуну все, блин, скажут. И без моего участия.

Печально признавать, но встреча с куратором меня просто взбесила. Правда, когда вошла на свой чердак, от злости не осталось и следа. Очень уж трудно злиться, когда на тебя смотрят огромные глаза, в которых уже не голод читается, а искренняя радость.

— Привет, малыш, — сказала я с улыбкой.

— При-и-и, — пропищал твир и подпрыгнул на месте.

А? Это что же? Неужели он и вправду скоро заговорит?

— Какой же ты у меня умница!

Я присела на корточки и протянула руку. меховой комок подскочил, потерся о пальцы и снова на меня уставился.

Вот никогда не была излишне сентиментальной, а тут... ну просто слезы на глаза навернулись. Этот малыш так много для меня сделал. Больше чем возможно! Он подарил мне настоящий дом.

— Спасибо тебе. Это... — я обвела взглядом преобразившийся чердак и шумно вздохнула, — это великолепно. Ты самый лучший твир на свете. Нет, ты самый-самый лучший.

Кое-кто засмутился. Пушистик потупил глазки, приподнялся на лапках и застенчиво шаркнул ножкой. А я хлюпнула носом и поняла: еще минута и разрыдаюсь, причем исключительно от счастья. Вот только плакать некогда. Не сейчас.

Поэтому вздохнула поглубже, вновь шмыгнула носом и спросила у малыша:

— Бутерброды будешь?

— Бу-у-у! — воскликнул шарик радостно.

Точно, заговорит!

Мы подошли к письменному столу, и твир подпрыгнул, вмиг устроившись на столешнице. А я развернула салфетку и положила угощение перед ним.

До этого момента я не особо присматривалась, как малыш ест, а теперь пригляделась. И оказалось, что под шерстью у него скрыт маленький рот с крошечными зубками. Причем зубки, судя по тому, как твир расправлялся с едой, очень острые. А еще, я вдруг заметила небольшой отросток там, где у мохнатого, по идее, расположена попа...

— Хм... Кузя, мне кажется или у тебя начал отрастать хвост? — удивилась я.

Твир перестал чавкать, с недоумением посмотрел на меня, потом повернулся в попытке рассмотреть хвост, но... он ведь шарик!

— Осторожно!

Я едва успела его подхватить, когда твир, в попытке разглядеть, что там, сзади, начал вертеться и благополучно свалился со стола.

— Хво-о-о, — пропищал Кузьма жалобно.

В общем, все понятно.

— Эй, Кракозябр! — крикнула я. — Кракозябр, а у взрослых твигов хвосты бывают?

— Не взрослых, а откормленных, — буркнули из зеркала. — Разница принципиальна. Да, хвосты могут быть.

Я позволила меховому шарикуну прыгнуть с ладони на стол, а после того, как он вновь принялся за уничтожение бутербродов, отправилась к зеркалу. Да-да, помню, что призрак на роль справочного бюро не согласен, но кого это волнует?

— То есть Кузя уже взрослый? — уточнила я. — А сколько ему лет?

— Взрослый. Сколько лет — не знаю, не интересовался, — ответил он.

— А кто раньше появился на этом чердаке? — продолжила я расспросы. — Ты или он?

— Он.

Я задумалась.

— Если твир взрослый, у него, наверное, уже есть имя. А я ему новое дала.

— Но он же согласился на новое имя, так в чем проблема? — фыркнул монстр.

Угу. Согласился. Значит, будем считать, что проблемы действительно

нет.

— А что случилось с его шерстью? Почему она цвет меняет?

— Да по той же причине. Твир меняется, потому что ты его кормишь.

— А до каких размеров он должен вырасти? — решила я использовать момент говорливости ехидны зазеркальной по максимуму.

— До каких захочет, до таких и вырастет, — озадачил меня призрак. — Твир сам решает, какой облик и размер ему принять.

Не выдержав, я обернулась, чтобы взглянуть на чавкающего Кузю. Хм. Надеюсь, он достаточно благоразумен, чтобы не превратиться в слоненка? Надо бы как-то обсудить этот вопрос с самим твиром. Нет, чердак-то большой и все такое, но слоненка прятать сложнее, и в случае, например, побега, большие габариты тоже не айс. Хотя... чем больше зверушка, тем труднее ее обидеть.

Кстати, о побеге. Если что, брать ли с собой Кракозябра? И если брать, то как?

Задавшись этой мыслью, я вновь посмотрела на монстра и спросила:

— Слушай, а ты именно в этом зеркале живешь? Или в любое вселиться можешь?

Призрак мгновенно насупился и с подозрением поинтересовался:

— Тебе зачем?

— Просто интересно. — Вдаваться в подробности совершенно не хотелось, делиться своими соображениями тоже.

— Тогда не скажу.

— Значит, можешь. — Я невольно улыбнулась, но развивать тему не стала. Просто зарубку в памяти сделала и вернулась к главному:

— А как быстро твиры растут?

— Не растут, а отъедаются. — Призрак закатил глаза. — Быстро, Даша. При регулярном питании, через месяц-полтора в полную силу войдет.

Я опять на твира посмотрела и представила слоненка. Ведь такой машине пары бутербродов не хватит, а воровать еду вагонами я не смогу. Хотя, может быть, откормленный твир питается не так часто, как истощенный?

Ладно, с этим вопросом тоже позже разберемся. Решать проблемы стоит по мере их поступления.

— А ты, Кракозябр? Тебе что-нибудь нужно?

— В каком смысле? — не понял тот.

— Вообще. Еда какая-нибудь, или магия, или что еще может призраку понадобиться, — пояснила я.

Чешуйчатая ехидна ход моих мыслей оценила. Во взгляде призрака проскользнуло нечто сильно похожее на благодарность, но тут же исчезло.

— Как ты правильно заметила, я призрак. И у меня, — он окинул демонстративным взглядом бронзовую раму, — все есть.

Я кивнула.

— Понятно. Но ты, если что, обращайся. Ничего не обещаю, но если сумею помочь — помогу.

Глаза монстра слегка расширились, будто он на самом деле таких слов не ожидал. А я, не желая ненароком испортить завязывающиеся доброжелательные отношения, улыбнулась и пошла переодеваться. Встречу с учебниками никто не отменял, чем раньше начну, тем больше успею.

— Кстати, — я обернулась и посмотрела на монстра умоляющим взглядом, — как здесь свет-то включается?

А что? Люстра есть, настольная лампа тоже, а вот с выключателями беда.

— Верхний свет — просто пальцами щелкни. Настольная лампа — то же самое, но под самой этой лампой.

Я широко улыбнулась и кивнула. Все, теперь точно переодеваться и учиться!

Глава шестая

Я проснулась за пару минут до того, как Кузя принялся прыгать по кровати в намерении разбудить одну студентку. Потянулась, зевнула, сонно улыбнулась скачущему твиру и даже поборолла желание поймать его и потискать.

Ну а когда выползла из-под одеяла, сунула ноги в тапки и поплелась в ванную, активизировался Кракозябр.

— Да-аш, — заговорщицки прошептал он. — Да-аш... иди, че покажу. Покажу? Интере-есно.

Я подошла к зеркалу и обомлела.

Вредного чешуйчатого призрака там не было, как, впрочем, и моего отражения. В зеркале отражалась большая комната с несколькими кроватями, и три истерящие девицы. Звука не было, видимость тоже оставляла желать лучшего. Пришлось подойти в плотную и практически упереться носом в стекло, чтобы понять причину этой дружной девичьей паники — постели были мокрыми. Все было мокрым! Словно ливень прошел.

— О боже... — прошептала я, чувствуя, как в душе все запело от восторга. — Дорс, я тебя люблю.

Изображение дрогнуло и исчезло, а я нос к носу столкнулась с Кракозябром.

— Дорс? — возмутился призрак. — А я? А меня?

— А тебя вообще обожаю! — выдохнула я.

Сказано было искренне, так что помесь бульдога с носорогом сразу подобрела.

— А картинку вернешь? — Да, я сегодня наглая.

— Ладно, так и быть, — отозвался монстр, и моему взору вновь предстала та же комната, правда, девиц оказалось уже четыре.

Эта четвертая, знакомая худощавая из столовой, выбежала из ванной и истерила сильнее всех. Судя по всему, она орала. А еще кулаки сжимала и ногами топала. Короче, бесилась по полной программе.

— А звук сделать можно? — шепотом спросила я.

— Хм...

Несколько секунд ничего не происходило, а потом звук все-таки появился. Но он был глухим, и доносился, словно из колодца.

— Какая сволочь это сделала? — вопила «четвертая». — Какая тварь?!

— Убью! — вторила ей еще одна девушка. — Просто убью!
— Да их найти надо сперва! — рыкнула третья.
— Водников в порошок стереть! — внесла самое здоровое предложение последняя. — Касту сказать, чтобы...

В этот момент картинка дрогнула и изменилась. Теперь я видела другую комнату, отдаленно похожую на первую. Но тут зеркало было меньше и висело как-то иначе, так что картинка умещалась в небольшом «окошке» и захватывала только часть помещения.

— Урою! — вопил мужской голос. — Порву к гхарну!
— Всех! — рычал второй.
— До единого! — поддерживал третий.
Да-да, в комнате этих парней тоже ливень случился.
И в следующей, и в еще одной, и в пятой, и даже в десятой!
— Да сколько их?! — изумилась я.
— Оба жилых этажа. — В голосе монстра прозвучало не только ехидство, но и уважение. — Комнаты, где первокурсники живут. Дорс всех сделал.

Я невольно улыбнулась, но прежде чем успела выдать Кракозябру стратегически важную информацию о том, что это только начало, картинка снова сменилась.

— О! Сейчас будет еще интереснее! — сообщил голос за кадром.
Диктором выступал тот же Кракозябр и не соврал.
В комнате, которую он транслировал на этот раз, были очередные шесть промокших кроватей, и шесть предельно злых парней. А потом дверь распахнулась, и к ним ворвался седьмой. Рыжий, всклокоченный, в расстегнутой до середины груди рубашке.

В общем, Каст собственной пижонской персоной.
— Что! Здесь! Произошло?! — проскрежетал он тоном, от которого захотелось спрятаться куда-нибудь подальше.
— ...! — емко описал ситуацию один из пострадавших.
А второй добавил, конкретизируя:
— Полный ...!
— ... — процедил Каст.
— ...!

Вот в этот момент я задумалась о языковом барьере. Ведь между мной и жителями Полара точно должен быть языковой барьер — миры-то разные. Но барьера нет. Причем убеждена на двести процентов, что мы понимаем друг друга вовсе не потому, что поларцы говорят на русском. Тут, видимо, причина тоже в каком-то магическом воздействии. И очень

качественном, ибо чем еще объяснить тот факт, что я прекрасно понимаю их маг? Примитивный, кстати: парни из родной университетской группы выражаются гораздо круче.

— «Синие» в башне! — тем временем продолжал бесноваться пижон. — Опять!

Тут в комнату ворвался еще один всклокоченный парняга и заявил:

— Каст, это на двух нижних жилых этажах.

— Этажи полностью или...

— Залито все, — подтвердил «разведчик». — Кроме коридоров.

— ...! — снова доказал свое косноязычие рыжий.

А я расцвела! Каст такой забавный, когда ему кто-то на хвост наступит. Но через миг стало не до смеха, потому что «эльф» подтянул рукава рубахи и скомандовал:

— Отошли все. Живо.

Народ дружно отпрянул к стене, а пижон замер и прикрыл глаза. На кончиках его пальцев вспыхнуло алое свечение, а еще через миг от пола, кроватей, занавесок и прочей утвари-мебели, повалил пар.

— О-у, — прокомментировал это действие Кракозябр.

— Что? — не поняла я.

— Каст растянул заклинание на оба этажа, — помедлив, сообщил призрак. — Надо же. Он меня удивил.

А уж как это известие удивило меня! Я даже дар речи на пару секунд потеряла. Стало ясно, что либо я «Теорию магии стихий» читала невнимательно, либо учебник никуда не годится. Потому что уровень силы Каста... короче, он намного круче той градации, которая в книжке описывалась. Или я чего-то не понимаю.

Картинка на некоторое время исчезла. Наверное, потому, что зеркало, через которое мы с Кракозябром все это дело наблюдали, запотело. А потом мой ехидный друг вообще изображение выключил, и взору предстала лохматая кареглазая блондинка в красивой модной пижаме. То есть я.

— Чего случилось?

— Сейчас, подожди, — раздалось бормотание. — В большой гостиной зеркала слишком чувствительные, мне настроиться надо.

О чувствительности зеркал я не поняла, но решила не циклиться. А вот упоминание «большой гостиной» заинтересовало. Это как? Это где? Я о таком не слышала. Это что-то наподобие места для большой общей тусовки?

Догадка оказалась правильной. Когда Кракозябр «настроился», в зеркале появилась огромная комната с высокими окнами. Туда спешно

сходились парни и девчонки — кто-то уже в мантиях, а кто-то в натянутой наспех обычной одежде и с мокрыми волосами.

Пришлось подождать еще несколько минут, прежде чем движение прекратилось, а в гостиной наступила тишина.

Зеркало висело на одной из стен, и картинка получилась не очень удачной. В частности, я наблюдала две затянутые в мантии спины и одну... мм... короче, главного оратора я не видела. Но интонации в его голосе простора фантазии не давали: им, вне сомнения, являлся Каст. И пижон был крайне, дьявольски зол! Он, должно быть, сейчас сжимал кулаки, сверкал чернящими глазами и поигрывал желваками.

— Коллеги, у нас проблема, — процедил Каст. А потом я услышала такое, от чего чуть на пол не рухнула: — В нашу башню пробралась группа «синих». Судя по повреждениям и уровню работы, не менее семи магов-старшекурсников: именно столько сил потребовалось на такое масштабное воздействие. Мы уже проверили — они работали у нашей ветки водопровода. В результате, на двух жилых этажах прошел гхарнов дождь!

Народ молчал, потому что все уже знали. Но Каст все равно выдержал ораторскую паузу и только потом продолжил:

— И так как это уже вторая диверсия за неделю, совершенно очевидно, что эти уроды нашли лазейку в защите нашей башни.

Вот теперь народ загудел и завозмущался. Я же по-прежнему стояла у зеркала, смотрела на две затянутые в алые мантии спины и одну круглую... мм... и офигевала. Группа «синих»? Какая группа, если Дорс был один. Или все-таки не один?

— Зя-аб, — протянула я жалобно. — Зяб, я запуталась.

— Как ты меня назвала? — поперхнулся призрак.

Я закатила глаза. Кто о чем! Может его действительно в Эдика переименовать, а? Ну пока не поздно.

— Зяба — это уменьшительно-ласкательное от Кракозябра, — пояснила очевидное я. И вернулась к делу: — Зяб, ты Дорса в башне видел? Он один был?

Монстр по-прежнему не показывался, но я почуяла — насупился. Вот и ответил не сразу, и голос прозвучал недовольно:

— Да, один.

— А почему Каст говорит о группе магов?

Последовал тяжелый вздох, а за ним совсем недовольное:

— Видишь ли, Даша, в нашем мире не все так просто. И четыре вида магии, хоть и существуют вместе, хоть и взаимодействуют, но секретами своими делиться не любят.

— Даже друг с другом? — не поверила я.

— Не «даже», а «тем более».

— погоди, — я помотала головой, — то есть получается, Каст действительно не знает о возможностях Дорса? А Дорс реально не был осведомлен о способностях Каста?

— Угу, — подтвердил призрак.

— Бли-ин...

На этом обмен мнениями пришлось закончить, потому что по ту сторону зеркала прозвучал громкий, заданный писклявым голосом вопрос:

— Но почему обязательно диверсия? Может быть, это кто-то из своих пропуск дал!

Гомон резко стих. Наверное, все в этот момент на Каста смотрели.

— Потому что в этот раз их было семеро, — ответил рыжий. — Кто-нибудь из вас способен представить себе идиота, который бы дал допуск семерым, — это слово Каст подчеркнул, причем жирной такой чертой, — магам Воды?

Лично я поняла мало, а народ в гостиной проникся. То есть допустить мысль о пропуске одного водника они могли, а семь — это уже за гранью фантазии? Слишком круто? Слишком опасно? Что?..

— Иномирянка могла! — уверенно заявила какая-то девушка. — Иномирянка могла все!

Наверное, мне стоило испугаться, но страха почему-то не было. А вот ответ Каста, честно говоря, покоробил:

— Ты думаешь «синие» настолько небрежливы, что могли подойти к Даше? Эстер, я тебя умоляю.

Ага. Значит, змеюку зовут Эстер. А Каст...

Нет, ну на самом деле обидно. Не до слез, конечно, но почти.

— К тому же, просветительскую беседу с иномирянкой я провел. — Рыжий хмыкнул. — Поверь: даже если она была причастна к первому визиту водника, в чем я, кстати, очень сомневаюсь, на второй у нее духу не хватит.

— А если хватит? — попыталась возразить та же Эстер. — Иномиряне вообще без мозгов и страха.

Народ тему поддержал. По гостиной пролетело дружное неодобрительное «у-у-у!». И даже предложение наведаться ко мне на чердак прозвучало.

— Тихо! — рыкнул Каст. И все действительно заткнулись. — Кто-нибудь видел, чтобы Даша разговаривала с «синими»? Вот и я не видел. Это первое. Второе — это слишком очевидный ход, а «синие» простыми

ходами никогда не пользуются. Третье — все помнят, что обещал Дорс на последней общей вечеринке в прошлом году?

Студиозусы согласно загудели, но нашлись и те, кто не помнил, просто в силу того, что поступил в академию только в этом году.

— А что он обещал? — спросил какой-то парень с очень низким голосом.

Гомон как-то разом, словно по чьей-то указке стих. И в этой тишине Каст отчеканил:

— Дорс поклялся, что этот год станет для факультета Огня самым незабываемым за всю историю академии.

Моего сообщника тут точно не любили, но очень уважали. И пусть я стояла за зеркалом, но в этот момент четко ощутила, как накалилась атмосфера в зале.

— Это взлом защиты, — подытожил рыжий. — Однозначно. Нам надо найти пробой, чтобы закрыть доступ. Но прежде чем закрывать доступ... — И снова я не видела, но точно знала, что сейчас на губах «эльфа» вспыхнула очень опасная улыбка, — ...поймать диверсантов и... — еще одна пауза, откровенно угрожающая, — ...объяснить, как они были не правы.

— Правильно, Каст! — рыкнул кто-то, а собрание огневиков одобрительно загудело.

Правда, радовались студиозусы лишь до тех пор, пока Каст не произнес:

— С этого момента мы переходим на осадное положение. Я распределю обязанности. Большинству из вас придется остаться в академии на выходные. Я бы оставил всех, но сами понимаете — слишком подозрительно, преподы просекут. На этом все. Следующее собрание вечером. Тэм и Ром, вы сегодня прогуливаете. Сидите тут и смотрите в оба глаза. Если «синие» придут — сразу оповещаете меня. Дальше разберемся.

Удивительно, но никто не возражал. Все огневики слушались Каста с полуслова, и такая покорность целого факультета вызывала сильное недоумение.

И хотя понятно, что «рыжий — бесстыжий» и все дела и наглости его на десятерых хватит, но все-таки я не могла не спросить:

— Зяб, а чего он раскомандовался-то? А главное, почему все слушаются?

— Так он король, — равнодушно ответил призрак.

— Что?!

Как король? Какой король? Королям положено дома сидеть, а не по

академиям шляться!

— Король факультета Огня, — пояснил Кракозябр. — Есть у нас в академии такой неофициальный титул. Каста выбрали, когда он на второй курс перешел.

Уф-ф, прямо от сердца отлегло. Титул — это ерунда. А то читали мы всякие эти фэнтези про попаданок. И вот там, куда не плюнь — везде принц. А зачем нам принц? Нам, простите, вообще никого не надо, мы домой хотим!

— А сейчас он на каком? — уточнила я.

— Сейчас на последнем, на пятом.

Терпеть Каста всего год! Ура! Кста-а-ати, насчет титулов...

— А Дорс, значит, тоже король? — проявила я сообразительность.

— Ага. Факультета Воды.

Так вот почему они друг с другом цапаются. Корольки, блин. Лидеры неформальные. Звезды факультетские, ага. Теперь-то многое понятно становится.

— Да-аш, — вырвал из задумчивости Зяба.

— А?

— Представление закончилось, — терпеливо пояснил всплывший в зеркале монстр. — Цирк уехал. А ты на завтрак опаздываешь и на занятия.

Верно, опаздываю. Я было развернулась и послушно потопала в ванную, но все же не удержалась и полюбопытствовала:

— Слушай, а ты только по зеркалам факультета Огня специализируешься? Или...

— Ты и так слишком много узнала, — вновь превращаясь во вредину, заявил Зяба. — Так что умывайся и вперед.

Спорить я не стала только потому, что времени и возможностей для выпытывания этой любопытной информации еще вагон, а завтрак строго регламентирован. И начало занятий из-за маленького инцидента в общаге огненного факультета никто переносить не будет.

К тому же, как я поняла, товарищи по общаге преподавов вообще ставить в известность о произошедшем не собираются. И мотив их решения ясен: это действительно внутренние, чисто студенческие разборки, а еще это вопрос чести. Окажись на их месте мой родной факультет, сценарий был бы таким же: найти врагов и прибить. Самим.

Вот только мне совсем не хочется, чтобы Дорса поймали. Но ведь блондин тоже не дурак, правда? Вряд ли он повторно сунется в нашу общагу, не проверив, что к чему. Водник ведь понимает, какой шорох должна была вызвать его, может, и маленькая, но довольно эффектная

месть. А раз так, за Дорса волноваться рано.

Но что действительно волнует, так это тот факт, что я разболтала магу Воды секрет Каста. Понятно, что рыжему я ничего не должна, и вообще он первым начал. К тому же, пижон еще и шантажист. Однако все равно немного стремно. Мало ли?

Я мотнула головой, прогоняя нехорошие мысли, и вышла из чердака.

К сожалению, на завтрак попасть так и не удалось. Нет, я не опаздывала, я на него очень даже успевала. Вот только меня не пустили.

Как это случилось? Да очень, блин, просто! На лестнице караулили двое парней в алых мантиях, причем, судя по манере держаться и лицам, которые были мне незнакомы, — старшекурсники. Они дружно преградили дорогу, отчего по спине побежал холодок, а желудок боязливо съежился. Но внешне я виду не подала. По крайней мере, очень постаралась выглядеть удивленной, а не испуганной.

— Не торопись, — пробасил один из этих... ну, честно говоря, амбалов.

— Все равно не успеешь, — угрожающе добавил второй.

Вот теперь изображать удивление было бессмысленно, поэтому сдерживаться я перестала, и позволила себе отступить на пару шагов.

— Что вам надо? — Голос прозвучал относительно ровно, но повышенная интонация все же выдала мой страх.

— Нам? — переспросил первый. — Нам ничего. С тобой Каст побеседовать хочет.

Я чуть не застонала. Блин, опять?!

— О чем?

Нет, на самом деле я-то догадываюсь о причине. Но так как официально я «не при делах» и на собрании «не была», разумнее всего уйти в несознанку и спросить.

— О жизни, — прошипел второй из подстерегавших меня парней.

Я могла упереться, могла поспорить или вообще отказаться — последнее хотя бы для того, чтобы проверить степень брезгливости огневигов. Ведь «синие», по словам Каста, должны были мною побрезговать, значит, и эти тоже. То есть не факт, что амбалы решились бы потащить к Касту силой.

Но когда рыльце в пушку, лучше не нагнетать. Поэтому я послушно кивнула и последовала за парнями.

Комната короля факультета, как я помнила, располагалась практически напротив лестницы, так что идти никуда не пришлось. Передо мной просто

распахнули дверь и едва ли не втокнули внутрь. И когда я вошла, сразу отметила: может, статус у рыжего и неофициальный, но привилегии дает настоящие. «Недоэльф», в отличие от остальных, жил один. В огромной комнате, с отделкой и мебелью под стать королевской.

В момент моего появления «их величество» отдавал какие-то указания группе из пяти девушек, в числе которых была и его сестра.

Увидев Кэсси, я решила, что это инструктаж по безопасности, но быстро убедилась в том, что все не так. Этой пятерке предстояло найти брешь в защите башни Огня. Гм, странно: Кэсси-то, как и я, на первом курсе. Неужели она способна справиться с этой задачей?

Однако способности брата и сестры вылетели из головы буквально в следующую минуту, ибо девушки вышли, и я осталась один на один с рыжеволосым пижоном. Каст стоял у письменного стола, опираясь рукой о столешницу, и внимательно смотрел на меня.

И молчал.

Я тоже промолчать хотела, но в памяти снова всплыли слова из произнесенной Кастам речи: «Ты думаешь „синие“ настолько небрежливый, что могли подойти к Даше?» Опять стало обидно, на этот раз до слез.

Просто не понимаю, почему... нет, ну почему вот так?! Я что, не моюсь? Прилюдно рыгаю? В носу ковыряюсь? Что?!

— Что. Тебе. Нужно? — чеканя каждое слово, спросила я.

Каст не ответил. И это было очень плохо, потому что сдерживаться становилось трудней с каждой секундой.

— Что. Тебе. От меня. Нужно? — повторила я, силясь сдержать слезы обиды.

Голос задрожал. Услышав это, огневик удивленно поднял брови.

— Даш, ты чего?

Чего-чего? Да довели, сволочи, вот чего.

Я громко хлюпнула носом и зажмурилась, искренне радуясь тому, что не накрашена. Потом все-таки не выдержала и вытерла глаза рукавом мантии. А вот говорить уже не могла — слезы душили, а мне хотелось хоть какие-то остатки гордости сохранить.

— Даш... — Рыжий спешно пересек комнату и остановился в шаге от меня. — Дашка, ты... Почему ты плачешь? Что случилось?

И это стало последней каплей. Я сорвалась.

— Почему вы так со мной поступаете?! За что? Что я вам всем сделала?

— Даша...

— Что Даша? Я уже двадцать лет Даша! А вы... вы...

— Эй, успокойся...

А я успокоиться уже не могла. Я рыдала. Вот просто стояла, закрыв лицо руками, и редела. И было уже совершенно плевать, чем аукнется мне эта слабость. Нервное напряжение последних дней достигло пика. Плохо мне было. Не могла я больше!

Каст метнулся куда-то вглубь комнаты, а через минуту пихнул мне в руки накрахмаленный носовой платок. Я отказываться не стала — взяла, утерла слезы, потом высморкалась и разрыдалась опять.

— Даш... Ну прекращай, а? Ну пожалуйста! — под конец взмолился огневик.

Да, блин, я бы и сама рада, но... не-мо-гу!

Достали. Клянусь — достали! И ладно бы за дело ненавидели и прессовали, а они... они... брезгуют!

А в следующий миг произошло настоящее чудо. То есть то, чего вообще случиться не могло. Никак. Ни при каких обстоятельствах! Каст подошел ко мне вплотную, сцапал в охапку и прижал. Крепко-крепко. После чего приказал:

— Прекрати плакать. Немедленно.

И я прекратила. Но вовсе не потому, что послушалась рыжего. Просто шок у меня случился. Каст? Обнимает? Вернее так: он обнимает и не брезгует?

— Хватит, — повторил парень. А когда стало ясно, что нового приступа не будет, добавил с заметным раздражением: — Чего ты вообще разревелась?

Все это время я стояла, замерев, и даже вздохнуть лишний раз боялась. А вот теперь нашла в себе силы вывернуться из объятий огневика и отступить. Он тоже отступил, увеличивая разделившее нас расстояние, и повторил:

— Так по какому поводу слезы?

Я опять хлюпнула носом и подтерла нос выданным мне платком.

Честно? Врать не хотелось. Но как я могла рассказать о том, что присутствовала на собрании факультета? Ведь я не сама в эту дурацкую гостиную пробралась, а с помощью Зябы. То есть это вообще не мой секрет.

Но ведь ответить надо, иначе Каст допытываться будет, и не факт, что не сможет докопаться до истин, знать которые ему нельзя.

— По такому, — буркнула я. — Думаешь, приятно, когда тебя ловят двое амбалов и ведут к третьему? — Ну и что, что Каст на амбала не тянет, не в этом смысл. — А потом, здесь, у тебя в комнате... Я услышала

обрывки разговора и поняла, что что-то происходит. А мне хватило прошлого раза, чтобы убедиться, что я у вас самая крайняя.

На лице Каста отразилось недоумение, и я вдруг подумала — а какого черта я так стесняюсь ему соврать? Кто он мне? Брат-сват? Ну да, на общем собрании пижон не только гадости обо мне говорил, но и в какой-то степени защищал. Но сути дела это не меняет.

Каст — шантажист! Он хотел посадить в клетку моего твира! И, в конце концов, огневик один из тех, кто создал мне поистине адские условия жизни!

Поэтому я все-таки закончила:

— Я поняла, у вас что-то случилось. И ты собираешься повесить на меня всех собак, потому что я иномирянка. А я ничего не делала, Каст. Понимаешь? Понимаешь, как мне обидно?!

Совість заскулила и укусила очень больно, но я стерпела. А что еще делать? Жить-то хочется. Ну а то, что щеки заалели — так это от волнения. Не знали, что от волнения щеки краснеют? Ну вот теперь в курсе...

— Вообще-то, я тебя по другому поводу пригласил, — сказал рыжий тихо. — Я хотел предупредить, что в башню проникли «синие» и что тебе нужно быть осторожней.

Каст говорил тихо и уверенно, но я по глазам видела — парень лукавит. Так что хлюпнула носом снова и спросила:

— А если совсем честно?

Рыжий тяжело вздохнул, поджал губы, смерил долгим взглядом, но все-таки признался:

— Хотел прижать на предмет общения с водниками. Понимаю, что вряд ли бы кто-то из них решился бы подойти к тебе, но...

Я оборвала Каста жестом и вымученно улыбнулась. А совесть... совесть сдохла! Но честность рыжего я оценила.

— Теперь-то уйти можно? — спросила я тихо.

— Умойся сначала, — потупившись, ответил он и указал на дверь с левой стороны. — И да... будь готова к тому, что на ночь мы отключим воду.

Вот тут я едва не прокололась. Чуть не спросила — а как же преподы? Ведь если у преподав воды не будет, то они заинтересуются причинами ее отсутствия, и им придется рассказать все.

Но, к счастью, успела прикусить язык. Вопрос остался без ответа, но что поделать? Повторюсь: жизнь дороже. А за участие в диверсии против факультета мне точно темную устроят. Даже к гадалке не ходи.

Из «апартаментов» «его величества» я вышла с заплаканными глазами и распухшим носом. Однако никто из поджидающих за дверью не удивился. Более того, по губам одной из девиц — брюнетки с длинным носом — скользнула едкая улыбка, а амбалы-старшекурсники одобрительно хмыкнули.

Сволочи. Какие все-таки сволочи. Но ничего. Отряхнусь, расправлю плечи и пойду дальше. И справлюсь. Обязательно справлюсь. Не на зло, а просто потому, что иначе нельзя, иначе не выжить.

С этими мыслями я преодолела заполненный сокурсниками коридор, спустилась по лестнице, миновала огненных «стражей» и отправилась в столовую. Пришла, чтобы узнать — завтрак закончился, а все уже идут на занятия.

«Красные» среди покидавших столовую студюзов тоже были, и, приглядевшись, я опознала парочку сокурсников. За ними и поплелась.

В процессе разглядывания толпы, на глаза попался и Дорс. Водник тоже меня увидел и заметно напрягся, поэтому я постаралась скрыться побыстрее, чтобы подозрений у окружающих не вызвать. Тем более, говорить воднику о караульных и возможных препятствиях все равно бессмысленно — Дорс взрослый мальчик, он и сам прекрасно последствия своей диверсии понимает.

Желудок неприятно ныл, а настроение скатилось куда-то в земные недра. К тому же глаза после недавних слез немного, но болели. Так что в аудиторию я вошла не в лучшем состоянии, и невольно скривилась, обнаружив за кафедрой нашего куратора — профессора Глуна. Не иначе как по закону подлости он в этот момент на меня посмотрел. Так что реакцию заметил и одарил мимолетной презрительной улыбкой.

Чего стоило сдержаться и не разреветься опять? Без понятия. Усталость и осознание, что ничего не изменить, наверное. Обреченность. От настроения так вообще ничего не осталось.

Казалось бы, о какой учебе может идти речь, когда выть хочется? Но я стиснула зубы и заняла место в пустующем первом ряду — еще одной зоне отчуждения, кстати. С тех пор, как я выбрала себе место, никто на этот ряд не садился.

Едва сокурсники расселись и прозвенел звонок, фон Глун громким, хорошо поставленным голосом сообщил:

— Итак, господа студенты, сегодня у нас первое занятие по боевой магии. Надеюсь, все готовы?

По аудитории пронесся дружный одобрительный гул, отчего губы профессора дрогнули в улыбке. Кажется, боевая магия — его любимый

предмет, и столь бурную реакцию фон Глун оценил, хотя и понятия не имел об истинной причине всеобщей радости. Хотя я-то прекрасно понимала, что на самом деле она вызвана утренним происшествием, и огневики пылали жаждой мести.

— Прежде, чем мы перейдем к классификации боевых заклинаний, вы должны уяснить вот что: боевая магия — не игрушка, — напомнил профессор. — Вы должны усвоить, что чем сильнее маг, тем выше ответственность, которую он несет. А для того, чтобы вы лучше поняли степень этой ответственности, проведем небольшой экскурс в историю.

А вот это предложение аудитория не оценила, и ответом Эмилю фон Глуну стал дружный страдальческий стон. Кажется, я была единственной, кто промолчал. Впрочем, самоуверенного аристократа недовольство студентов не волновало совершенно.

— Итак, 3048 год, таверна в центре города Рувиз печально известного королевства Пирма, — приступил к повествованию он. — Два мага Воздуха встретились случайно, после нескольких лет разлуки. Во времена учебы они были друзьями, и, естественно, очень обрадовались друг другу. Чтобы отметить встречу они, разумеется, садятся за один стол и заказывают вина. Все хорошо, ничто не предвещает беды. Но ближе к ночи ситуация меняется. Выпито уже немало, и один из магов припоминает старую обиду. Второй, соответственно, отвечает тем же. Слово за слово, мужчины распаляются все сильнее и в результате затевают дуэль на площади. Изначально дуэль проходит по кодексу Браха — когда сходятся двое неравных по силе. И все бы хорошо, но только до того момента, как Ларс, слабейший из дуэлянтов, выкрикивает новое оскорбление.

Фон Глун замолчал. Он скользил по аудитории цепким взглядом, добиваясь полнейшего, тотального внимания. А потом заложил руки за спину, вышел из-за кафедры и продолжил уже другим, куда более жестким голосом:

— Итак, господа студенты, у нас два дуэлянта — один слабее, другой заведомо сильнее. Слабейший выкрикивает новое обвинение, вероятно веское. Как должен поступить более сильный маг?

Вот честно, сидя в аудитории, наполненной молодыми и горячими (во всех смыслах, ибо маги Огня все-таки) людьми, я ожидала криков из серии: «раздавить и растереть!» А что вместо этого?

— Он должен был сдержаться! — уверенно заявила какая-то девица.

Обернуться, чтобы увидеть, кто именно наделен столь миролюбивым характером, я не решилась. Тем более что совершенно неожиданно ее поддержали еще несколько студюозусов, а фон Глун горько улыбнулся и

одобрительно кивнул.

Мои брови произвольно поползли вверх, и профессор, который точно записал меня в «любимчики», реакцию заметил.

— Что вас удивляет, Дарья? — холодно спросил он. — По вашему мнению, сильнейшему магу не стоило сдерживаться?

В вопросе был какой-то подтекст, но я не поняла какой именно. Поэтому хотела отмолчаться, но мне не позволили.

— Дарья? — поторопил фон Глун.

Пришлось высказать очевидное:

— Конечно, ему следовало сдержаться, но тут налицо явная провокация. Возможно, маг впал в состояние аффекта и уже физически не смог этого сделать.

— То есть вы его оправдываете?

— Я никого не оправдываю, — отрезала я, все еще не понимая, к чему ведет профессор. — А вот вы говорите так, будто однозначно осуждаете второго мага. Ну, того, который все-таки не сдержался.

Глун ухмыльнулся и вновь вернулся к аудитории.

— Дарья — иномирянка, ей простительно это невежество, — сказал он. — А вы, без сомнения, поняли, о каких магах речь и к чему привела та дуэль. Но я повторю, и не только для Дарьи, потому что о таких моментах истории следует напоминать как можно чаще.

Если честно, из всей этой тирады, я выделила для себя только одно: «повторю, и не только для Дарьи».

Вау! Это ж сколько медведей в лесу передохло, если наш высокомерный куратор решил что-то мне объяснить?

Однако к пояснению, тем не менее, прислушалась. И, как оказалось, не зря.

— Итак, Ларс сказал, а Петр Новак не сдержался. Петр провел серию сверх быстрых атак, отразить которые Ларс, разумеется, не мог. Итог — Ларс погиб. А вместе с ним погибло и несколько жителей Рувиза из окрестных домов, которые окружали площадь и были разрушены в результате последней атаки Петра. — Фон Глун прошелся вдоль кафедры, сцепил пальцы, а потом продолжил: — Только после этого на место событий подоспел магический патруль, и Петр был схвачен. Но, увы, было поздно, эхо-волна уже прошла. Новак прекрасно знал, что Ларс приходится двоюродным племянником его величеству Бортонсу — королю Пирмы. Разумеется, узнав о смерти родственника, король потребовал от Совета Магов принять меры и наказать убийцу. Совет придерживался такого же мнения и даже вынес соответствующий приговор. Но приговор понравился

не всем, и в частности, другу Петра Василию Голубеву. Пойдя против решения Совета, он организовал побег Петра. Ну а дальше, как вам известно, события нарастали как снежный ком. Эти двое привлекли на свою сторону еще пару десятков мятежных магов, и вместе с ними захватили дворец Бортонса. Самого Бортонса убили и объявили себя новыми правителями Пирмы. Что было потом вы, опять-таки, знаете. Десять лет кровопролитных завоевательных войн, в результате которых с карты нашего мира исчезло три десятка королевств и появилась ныне известная всем Норрийская империя. За три века, которые прошли со смерти Петра и Василия, многое изменилось, и их потомки не так агрессивны и тщеславны. Однако до сих пор Норрийская империя остается бичом нашего мира, а кровь, пролитую в тех войнах, ничем не смыть. — Глун закончил на высокой, пафосной ноте, а я напряженно нахмурилась.

Василий Голубев, говорите? Уж больно фамилия земная, не полярская. Значит, он иномирец? Любопытно...

— У вас вопрос, Дарья? — обратился ко мне профессор.

А вопрос действительно был. И я его задала:

— Этот Петр, он тоже из наших?

Губы брюнета скривились в нехорошей улыбке.

— Из ваших, — подтвердил догадку фон Глун. — Его родное королевство называлось Польшей, кажется.

Я вздохнула и кивнула. Все понятно. Вот они, те двое, которым удалось освоить магию. И теперь совершенно ясно, за что нас, иномирцев, так не любят. Просто Петр и Василий всех сделали.

— Что, еще вопрос? — встрял в мои мысли профессор.

Аудитория подозрительно молчала, но мне было плевать. Вау-вау! Он по-прежнему готов что-то объяснить!

Поэтому упускать возможность не стала и уточнила:

— А если бы на месте Петра был уроженец Полара, какой бы приговор вынес Совет Магов?

Фон Глун замер, зло сверкнул глазами и шумно втянул ноздрями воздух.

— Это к делу не относится, — отчеканил он. — Но Совет всегда беспристрастен, если вы об этом.

Ага, понятно. Вот только о том, насколько беспристрастны полярцы к иномирцам я уже за эти дни на своей шкуре ощутила. Так что, уверена, будь Петер полярцем, его бы отмазали. Расисты, блин.

— И еще один вопрос, если позволите, — не удержалась я. — Если вы считаете иномирян настолько опасными, если думаете, что кто-то из нас

способен повторить поступок Василия и Петра, то зачем выдергиваете нас из наших миров?

— Мы не считаем вас опасными, — парировал Глун. Он выглядел очень спокойным, но я чувствовала — врет или недоговаривает. — А ваше появление здесь... Видите ли, Дарья, в нашем мире нехватка магов...

Я тихо фыркнула. Ага. Слышала я эту сказочку от ректора. Но, уж простите, больше в нее не верю. Тут что-то еще, что-то другое.

— Ничего смешного, — сказал брюнет холодно. — Если бы не приказ Совета Магов, вас бы здесь не было, Дарья.

Блин! Где мне взять такой приказ, который заставит этого надменного аристократа вернуть меня обратно?

— Так, продолжаем! — возвестил крайне недовольный моей улыбкой Глун. — Открываем тетради и записываем классификацию боевых заклинаний.

Да, обязательно, но сперва подведем итоги. Во-первых, поларцы — конченные расисты, и были расистами задолго до моего появления, еще во времена образования Норрийской империи. Во-вторых, несмотря на этот самый расизм и страх перед иномирцами, который внушили им Петр и Василий, местные маги продолжают рыскать по другим мирам в поисках одаренных людей и переносить их сюда.

И я не верю, что это делается только оттого, что тут нехватка магов. Ведь если бы поларцам был необходим маг в моем лице, меня бы не бросили в омут с головой. И уж точно не делали бы все, чтобы я, наоборот, как можно быстрее в обучении «провалилась». То есть кто-то темнит, причем жутко.

А что делать мне в этой ситуации? Выживать, что ж еще!

И вот теперь действительно открываем тетрадь и записываем. Тем более что боевая магия в моей ситуации не просто желательна — необходима!

После занятия у Глуна на меня косились в два раза больше обычного, но это уже воспринималось как должное. Куда больше волновал тот факт, что на первом курсе боевая магия, как и остальная, только в теории.

То есть получалось вот что: целый год студентам Академии Стихий предлагали зубрить учебники и медитировать. Кому удалось наладить контакт с огнем — молодцы, на втором курсе попробуют что-то настоящее. У кого не получилось... ну, тоже настоящее попробуют, но им придется медитировать в два раза больше.

А то, что я смогла сделать пульсар... в общем, складывалось

впечатление, будто все дружно решили притвориться, что ничего такого не было. Почему так? Да просто учить меня магии по-настоящему никто и не собирался.

И держат меня здесь, видимо, для того, чтобы в случае проверки предъявить высокому начальству.

Конечно, это было лишь предположением, но только до тех пор, пока я не пришла к самому осведомленному, и заметно подобревшему с некоторых пор существу — к Зябе.

Призрачный монстр выдавать секреты академии не хотел, но через полчаса уговоров и аргументов сдался и ворчливо признал мою теорию верной. По его словам я и впрямь являлась «девочкой для галочки». Отбросом общества, никому в действительности не нужным.

На резонный вопрос, почему Совет Магов позволяет себя обманывать, и неужели он не видит и не понимает, почему иномирцы не обретают магическую силу — Зяба не ответил, тяжело вздохнул и только. Зато когда я спросила, а не боятся ли мои учителя, что в случае встречи с Советом, выдам их маленький грязный секрет, монстр печально улыбнулся и сказал:

— Ничего ты не выдашь, Дашка. Один глоток проверенного веками зелья, и ты послушная, улыбчивая и глупая. — И добавил совсем печально: — Они всегда так делают. И всегда срabатывает.

Я поежилась и уточнила:

— А в других учебных заведениях с иномирцами поступают так же?

— А эта академия единственная, куда принимают таких, как ты.

Однако-о...

— Разве? Но ректор говорил о еще каком-то месте, гораздо худшем, — припомнила я.

— Врал, — сказал призрак. — Это всего лишь пугалка. Нет никакого другого места, Даша. Есть лечебница для душевнобольных.

После этого признания я совсем загрустила. К тому же вспомнился разговор с ректором, в котором тот распинался о том, что переход из Полара на Землю сложнее. Мол, если я не стану магом, то могу и не пережить процесс возвращения в свой мир. И что хотя бы поэтому мне следует стараться.

Теперь ясно — все ложь. По их расчетам, магом мне не стать, а, следовательно, я потенциальная смертница. Ну, или жительница психушки, что не многим лучше.

Вот такие дела. Вот такие перспективы.

Но что делать? Только одно: сжать зубы, собраться с силами и пойти дальше. Ибо девушки с Земли не сдаются!

По крайней мере, я точно не сдамся. В крайнем случае, ну если совсем припрет, попытаюсь прорваться в эту их Норрийскую империю. Правда, мою мысль о том, что в империи можно получить поддержку, — все-таки основатели этого государства мои соотечественники, — Зяба обсмеял. Но чем черт не шутит?

Глава седьмая

На ужин я опоздала по очень уважительной причине — занималась исследованием твира. Кузя менялся не по дням, а по часам, и это больше всего походило на какую-то ускоренную во много раз мутацию.

За те несколько часов, пока я грызла гранит науки, шарик превратился... в непропорциональный овал. Этаким огурец с узким носом и толстой попой. А из этой попы торчал хвост! Маленький и жутко смешной. Вдобавок, у моего Кузьмы лапки расти начали, а две тонкие ножки как-то вдруг взяли и пропали. Глаза твира при этом стали гораздо меньше, а меховая шкурка окончательно окрасилась в чистый бордовый цвет.

Короче, я настолько увлеклась разглядыванием своего домовенка, что в столовую попала последней. Зато едва вошла, в полной мере смогла насладиться невероятным зрелищем.

Мучного за стеклянной стенкой, где выставлялись предлагаемые студиям блюда, не было. Вот совсем. Зато подносы адептов академии оказались прямо-таки завалены пирожками и сдобами, а сами девушки сидели с настолько независимым видом, что я в какой-то момент почувствовала себя отсталой. Ну то есть, они крутышки и на мучной диете, а я — глупая иномирная, к основам цивилизации не приобщенная... Черт, зато я в мини!

В общем, пришлось закусить губу, чтобы не рассмеяться. Убитое Глуном и откровениями Зябы настроение решительно ползло вверх, а жизнь снова налаживалась.

После ужина и кормления Кузи, которому благодаря местным поклонницам диет досталось меньше хлеба и больше мяса, мы с Зябой просмотрели прямую трансляцию с очередного собрания факультета Огня. Ничего интересного, увы, не узнали, кроме одного — я вне подозрений.

Прозвучало, правда, еще кое-что: оказывается, меня считали жуткой уродкой и кривоногой истеричкой. Об этом шептались девчонки возле зеркала, через которое мы за собранием следили. Жаль, что эти трепушки спиной стояли... ой как жаль!

А потом были учебники и легкий приступ бешенства на прежнюю тему: какого черта меня, как котенка, в реку бросили? Вот почему я должна сидеть тут и ломать мозг над материалом, который всем нормальным магам разъясняли преподы? И очень жаль было, что Зяба в магии ни бум-бум.

— Я ведь не маг, — в ответ на все расспросы повторял он. — Зачем мне интересоваться этими вашими заклинаниями?

Ну да, ну да... Переходить от зеркала к зеркалу, подслушивать и подглядывать гораздо интереснее. Хотя, положи руку на сердце, придирается к призраку не стоило. В конце концов, Зяба и так очень много для меня сделал, и надеюсь, что на этом его помощь не закончится.

Спать я отправилась много позже обычного, по внутренним ощущениям — часа в два ночи. А что? Завтра выходной, вполне могу себе позволить. Но только прикрыла глаза, как один маленький твир принялся прыгать по мне и... рычать?

Я резко проснулась и села. Оказалось, что глаза прикрыла не секунду назад — за окнами уже серое предрассветное марево стояло. А твир тут же спрыгнул с кровати и продолжил суетливо скакать уже по полу. Ну и рычать заодно.

И хотя внешне он напоминал все тот же непропорциональный огурец в меховой шубке, а рык его мог испугать разве что блоху, сразу стало ясно — это не шутки, случилось нечто серьезное.

Вот только быстро оглядев чердак, я ничего пугающего так и не заметила. Щелкнула пальцами, заставив вспыхнуть тусклым светом люстру, и осмотрелась опять. Но снова ничего не увидела. А твир, убедившись, что я проснулась, сделал очередной кульбит и помчался к входной двери. Так вот, оказывается, откуда исходит опасность!

Я соскочила с кровати, сунула ноги в тапки и последовала за ним, шепнув на ходу зеркалу:

— Зяба, тревога!

Ну а когда добралась до двери, то в первое мгновение просто остолбенела от такой вопиющей, умопомрачительной... наглости.

Жгут воды, толщиной примерно с палец, проник в замочную скважину, вытолкнув из нее ключ, и теперь шарил по косяку в явной попытке найти и отодвинуть щеколду.

Нет, ну нормально, вообще?!

Я уже хотела вызвать огненный пульсар и долбануть им по охамевшему щупальцу, но здравый смысл все-таки взял верх над эмоциями. Поэтому я просто громко выкрикнула:

— Совсем офигел?!

Кузя, который все это время прыгал у моих ног, тоже рыкнул. Грозно, но не слишком убедительно.

Щупальце замерло на миг и почти тотчас ретировалось — втянулось

обратно в скважину. Я же услышала нетерпеливый шепот:

— Дашка, ну чего стоишь? Открывай уже!

Бли-ин... Дорс!

Отодвинув щеколду, я распахнула дверь и опять столбом застыла. И лишь когда парень в красной мантии шагнул навстречу, бесцеремонно оттолкнув меня от двери, и эту самую дверь захлопнув, до перепуганного мозга дошло — это все-таки водник, просто переодетый.

— Ну ты и...

— Тш-ш! — сказал блондин, прикладывая палец к губам.

Он повернулся, ловко задвинул щеколду, и только после этого выдохнул:

— Чуть не поймали.

Блин-блин-блин!

— Дорс, ты с головой дружишь или как? — возмущенно прошипела я.

Водник одарил меня широкой улыбкой и сообщил радостно:

— Иногда.

Блин! Почему я не удивлена?

— Дорс, ты... елки зеленые, ты зачем в башню сунулся?!

— А что не так? — прикинулся дурачком он.

Смолчать не смогла, просто потому что распирало от волнения и злости.

— Да все! Ты только вчера всех умыл! И ты лучше меня ваши нравы знаешь! Ты же прекрасно понимал, что здесь ждет засада! Так за каким чертом приперся?! — выпалила я на одном дыхании.

А в ответ услышала:

— Не ворчи, крошка, а то замуж не возьму.

Я онемела. Нет, Дорс не просто наглец, он... он еще и без тормозов. Совсем!

— Кстати, миленькая пижамка, — добил блондин. — Но я предпочитаю более откровенные наряды. В следующий раз, будь добра, надень что-нибудь шелковое и кружевное.

Не выдержав, я застонала и закатила глаза. А потом развернулась и пошла за халатом. В голове в этот момент крутились два вопроса: как можно быть таким наглым и чем может грозить этот внезапный визит?

Нет, я ни капли не жалела о том, что впустила водника — его бы обнаружили и на британский флаг порвали, если бы за дверью оставила. Но... твир, черт возьми! Если Дорс, как и Каст, наколдует клетку или намекнет на то, что я теперь на крючке...

В общем, я за себя не отвечаю. И плевать, что Дорс сильнее — уж что-

что, а глазюки его зеленющие я выцарапаю точно.

— А ты неплохо устроилась, — догнал меня оклик блондина. — Я думал...

Он почему-то замолчал. Я же подхватила висевший на спинке стула халат, надела и крепко завязала пояс. А когда повернулась, увидела потрясающую картину: Дорс уже сидел на диване, закинув ноги на чайный столик, и гладил прильнувшего к его бедру Кузю. Последний откровенно млеет, даже глазки прикрыл от удовольствия.

Здорово. Картина маслом просто. Только непонятно — мне сейчас рыдать от страха или от умиления?

— Дорс, а ты знаешь, кто это? — спросила я осторожно.

Парень в алой мантии радостно оскалился.

— Даш, не смейся, а? Что за глупый вопрос?

Угу. Значит, знает. И все равно гладит домовенка.

— И ты не боишься? — снова проявила любопытство я.

Парень картинно закатил глаза, но ответил терпеливо, как маленькой:

— Дашка, если твиря не злить и не обижать, то он ни за что не укусит.

Я мысленно вздохнула — слава богу! Слава богу, хоть один нормальный человек в этой дурацкой академии нашелся! Хотя нет. Пожалуй, с нормальностью я, конечно, перегнула. Нормальный бы не сунулся в стан врага так быстро, он бы отсиделся, дождался, когда страсти улягутся.

— Так зачем ты пришел? — складывая руки на груди и подходя ближе, спросила я. — И как тебе удалось улизнуть от патруля?

Честно говоря, не думала, что Дорс ответит. Но парень все-таки сказал.

— Рассвет, — он кивнул на окно. — Самое замечательное время для диверсий. Караул уже носом клюет, а то и вовсе спит.

И я вдруг поняла важное: в момент, когда впускала Дорса, никаких звуков тревоги не слышала. То есть его не обнаружили? Или просто побоялись соваться на этажи преподав?

Задать эти вопросы «синему» я не постеснялась, и ответ, как ни странно, получила:

— Не бойся, Дашка. Никто меня не видел, и никто за мной не гонится.

— Ладно, а зачем ты ко мне пришел?

Дорс снова улыбнулся и кивнул на дверь ванной комнаты.

— Понимаешь, у вашей башни отдельная ветка водопровода, и подобраться к ней можно только отсюда, в смысле из самой башни. Но в подвале точно охрана, поэтому я пришел к тебе. Мне нужен доступ к

трубам.

— Но у меня там просто ванная, а не водопроводный узел, — попыталась вразумить диверсанта-активиста я.

Но Дорс только отмахнулся:

— А-а, без разницы.

О нет, только не это...

— Вот только не говори, что собираешься мстить из моей комнаты, — протянула я.

— Собираюсь, — просиял невероятно довольный собой водник. — И, поверь, нашим красным «друзьям» будет весело.

Тихонечко взыв, я попыталась воззвать к его совести:

— Но если все так, как ты говоришь, а водопроводный узел под охраной, то они, вероятнее всего, начнут обыскивать комнаты! Потому что мысль о том, что диверсанта впустил кто-то из своих, еще витает в воздухе. Ты представляешь, что будет, если сюда придут?

— Не бойся, Дашка, я спрячусь так, что ни одна сволочь не найдет.

— Да причем тут ты! Я за твиря боюсь!

Водник окинул чердак придирчивым взглядом и поджал губы.

— М-да... Ты права. Присутствие твиря действительно слишком заметно. Знал бы, что ты с твиром, не вломился бы к тебе.

Дорс резко посерьезнел и погрузился, а я начала прикидывать, как незаметно вывести водника из башни. Он в алом балахоне — уже плюс, но только разворот плеч и лицо слишком узнаваемы. Может, нам попробовать слиться с потоком огневигов, идущих на завтрак? Это, конечно, дерзко, но... но черт! Сегодня же выходной! И я так понимаю, что в выходные народ мантии вообще не носит. Блин, а какого фига Дорс тогда в мантии приперся?

Сам водник тоже о чем-то размышлял и хмурился. И ломать нам мозг до второго пришествия, если б ни Кузя.

— Ка-а-ас, — пропищал твир. И повторил, громче и отчетливей: — Ка-а-ас...

— Каст? — переспросил «синий». — А причем тут он?

Блин... Ну конечно! Операцией по поимке диверсантов руководит рыжий, а ему прекрасно известно о том, что у меня живет твир. Более того, Каст пока не намерен выдавать мой секрет. Следовательно, если огневики и будут устраивать обыск, то ко мне припрется «их величество» и только он. Ведь Каст не так глуп, чтобы сливать информацию о твире до того, как она принесет ему хоть какую-нибудь пользу.

Вот только рассказывать Дорсу об этой ситуации не хотелось

совершенно. Во-первых, у меня все-таки нет причин доверять парню. Во-вторых, этот рассказ непременно вызовет ненужные вопросы. А с другой стороны, как объяснить «синему», откуда Кузя Каста знает? Ведь если твир назвал имя, значит, он мага видел. И совершенно понятно, что встретиться они могли только здесь.

Короче говоря, соврать не получится.

Я глубоко вздохнула и ответила:

— Кузя пытается сказать, что в случае обыска сюда только Каст явится.

Брови блондина медленно поползли вверх, глаза заметно округлились.

— Прыщ знает о твире?

Я развела руками — да, не без этого.

— Хм... Прыщ знает о твире, но преподам не стучит... — Выражение лица Дорса мне откровенно не понравилось — оно стало жестким, почти злым. И следующий вопрос тоже пугающе прозвучал: — Что Каст потребовал за свое молчание? Ты поэтому вчера плакала?

Признаться, я растерялась. Да, я прекрасно помнила вчерашнюю встречу на пороге столовой, но никак не думала, что Дорс заметит покрасневшие глаза и припухший нос. Тем более, не могла рассчитывать на то, что водник не выбросит этот момент из памяти.

— Почему ты спрашиваешь? — не скрывая настороженности, поинтересовалась я.

Парень передернул плечами, но последовавший ответ меня не удовлетворил.

— Любопытно, — буркнул «синий».

Ага. Конечно.

Отступив на шаг, я бросила сумрачный взгляд на млеющего под рукой водника Кузю и крепко задумалась.

То, что твир принял «синего» как родного, честно говоря, вне моего понимания. Но намек вполне прозрачен — Кузя посчитал водника неопасным. Но как быть со всем остальным? Прежде всего с тем, что Дорс — единственный из всех студентов академии, кто с первой встречи относился ко мне по-человечески. Да, смеялся, да, подкалывал, но не избегал как прокаженную. Более того, он позволил себе флирт и даже поцеловать... не побрезговал.

Неужели секрет всего лишь в одном бурном мысленном «Вау!», которым я одарила парня в дверях ректората?

Нет, не верится.

И еще совсем не верится, что я нравлюсь воднику как девушка. Да, мы

целовались, да, Дорс прикололся на тему шелка и кружев, но я ведь не дура. Я же вижу, что он ведет себя скорее как друг и смотрит на меня без всякого романтизма, и уж точно без похоти.

А может, он действительно хочет стать другом? Черт, если так, то... Дорс должен ответить.

— И все-таки, объясни, пожалуйста, — тихо повторила я просьбу.

Парень выдал сдержанную улыбку и явно хотел отмолчаться, но я была непреклонна. Нет, больше я ничего не говорила, не выпытывала, а просто стояла и смотрела. И Дорс все-таки сдался.

— Я на своей шкуре испытал, каково быть изгоем, поэтому не могу относиться к тебе плохо, Даша.

Если бы меня ударили кирпичом по голове, эффект был бы таким же. Дорс? Этот широкоплечий, симпатичный, невероятно сильный маг был изгоем? Черт, да невозможно!

Очень хотелось возразить вслух, но я прикусила язык. Вспомнились школьные годы, большую часть которых моя фигура напоминала... ну не шар, но нечто около того. А с девятого класса, когда я все-таки похудела... тогда многое изменилось.

Может быть, и с Дорсом так же? Это сейчас он сильный и симпатичный, а каким был раньше, я не знаю. Видимо, когда-то повод для травли действительно имелся, и в таком случае я очень рада, что теперь все по-другому.

Вот только так неудобно, когда на тебя подобные признания сваливаются. Они смущают, и ты не всегда знаешь, что с ними делать. Но я слова все-таки нашла и искренне поблагодарила:

— Спасибо, Дорс.

Водник тепло улыбнулся и подмигнул. Потом улыбнулся еще раз, уже иначе — весело и бесшабашно. Демонстративно потянулся и заявил:

— Спасибо в постель не положишь, и аванса с него не потребуешь!

Я шутку оценила и улыбнулась в ответ.

Не знаю, как местные девушки, а я дитя двадцать первого века и Интернета, и подобным стебом меня не смутить. Особенно когда абсолютно точно ясно — дальше слов дело не пойдет.

— Та-ак... И когда же у вас в общаге соизволят дать воду? — возвращая меня в реальность, полюбопытствовал Дорс.

— Не знаю. — Я пожала плечами и зевнула.

Потом подумала и зевнула еще раз. А что? Я, между прочим, легла поздно, а встала рано. Сказать, что не выспалась — не сказать ничего!

Заметив мое состояние, водник сперва предложил вернуться в постель

и досмотреть сны. Ну а когда я ожидаемо отказалась, отодвинул разомлевшего Кузю и отправился на осмотр чердачного жилища.

— А твир, как посмотрю, очень старался, — задумчиво произнес парень, разглядывая одну из старинных статуй. У статуи, кстати, нос был отбит, и мизинец на левой руке. — А еще он у тебя в бордовый окрасился... Знаешь, о чем это говорит?

Я в этот момент сидела в одном из кресел и страстно мечтала о кружке крепкого кофе, но не заинтересоваться не могла.

— Нет, не знаю. О чем?

— О том, Даш, что твир тебя принял, — пояснил парень. — Видишь ли, красный — цвет стихии огня, то есть и твой цвет тоже. Обычный, природный окрас меха твилов серый, но если зверек обретает хозяина, и если этот хозяин — маг, окрас меняется соответствующим образом.

— А если хозяин обычный человек? — спросила я. И тут же уточнила: — Ведь на Поларе есть обычные люди?

Водник неохотно оторвался от созерцания бюста мраморной девушки и подтвердил:

— Конечно, есть. Подавляющее большинство жителей нашего мира — обычные, лишенные магии, люди.

— И в какой цвет окрашивается шкурка?

— Если вдруг простой человек решил связаться с твилом, то мех зверя остается серым.

— А... — Я не удержалась и снова зевнула. Потом плюнула на приличия, забралась в кресло с ногами и, пользуясь случаем, продолжила расспросы. Правда, на данный момент меня интересовало не столько устройство мира, сколько дальнейшие планы водника: — Так что ты намерен сделать в этот раз? Опять дождь?

Дорс, который в этот момент разглядывал на стене крошечную картину, откопанную твилом среди хлама, повернулся и одарил очередной белозубой улыбкой.

Понятно, значит — секрет.

— А выбираться из башни как будешь? — не отставала я. — Сегодня ведь выходной. К тому же Каст велел большинству студентов, особенно старшекурсникам, никуда из общаги не выходить.

Эти слова водника не тронули. Он пожал плечами и ответил очень уверенно:

— Разберемся, Даш. Я предпочитаю решать проблемы по мере их поступления.

Я невольно насторожилась. Просто фраза ну явно из моего мира. Это у

нас, на Земле, так говорят.

— Дорс, а ты бывал в других мирах?

— Крошка, ты решила устроить мне допрос? — ухмыльнулся блондин. Но все-таки ответил: — Нет, не бывал. Я достаточно силен, чтобы совершить переход, только, видишь ли, несмотря на... — Дорс осекся. Это молчание было странным и мне показалось, что я вот-вот узнаю важный секрет, но водник мотнул головой, подарил еще одну широченную улыбку и продолжил, как ни в чем не бывало: — У меня нет доступа к информации по переходам. Но, веришь, не больно-то и хотелось.

Мои брови взлетели вверх — нет информации по переходам? Как это? Простите, а она что, секретная? Но «синий» понял мое удивление иначе и сказал совсем не о том, о чем хотелось услышать:

— Ну а что там делать? В последние лет пятьсот только два мира могут чем-то удивить или порадовать: Земля и Кшер. Но вы движетесь по пути технологий, а Кшер... в общем, у них там война на войне, и соваться туда просто опасно. Тем более таким, как мы.

— Каким «таким»? — не удержалась от уточнения я.

— Человекообразным.

Я поперхнулась и кашлянула, а потом уставилась на блондина во все глаза.

— На Кшере не люди живут? А кто тогда?

— Ящеры. — Дорс состроил недовольную мину. — Этакое... гхарн знает что. Вот, кстати, да, на гхарна и похоже: чешуя, зубы, глаза с вертикальными зрачками. Короче, твари те еще. Сильные, опасные. Злопамятные.

Взгляд невольно скользнул к зеркалу в тяжелой бронзовой раме. Кого-то мне этот образный портрет напоминает. Интересно, уж не потому ли Зяба не высовывается?

— А что в других мирах?

— Вообще ничего интересного, — заявил блондин уверенно. — Да и перегородки с теми мирами куда толще, чем с вашими, поэтому сил на переход требуется в разы больше. Это не слишком выгодно.

А если не выгодно, то и не нужно, угу. Интересно, опять влияние моего мира или просто общий закон? По мне, так второе.

Любопытство подзуживало спросить о заклинании перехода, но я сдержалась. Я вообще после слов о недоступности нервничать начала, даже остатки сна слетели и ладони вспотели. И хотя Дорс вел себя дружелюбно, рисковать не хотелось. Поэтому спросила о другом:

— Ты сказал, что Земля движется по пути технологии, и, согласна, все

именно так. Но я так поняла, вас наши технологии не впечатляют.

— Почему не впечатляют? — удивился парень. — Очень даже впечатляют, но тут такое дело: из вашего мира мы можем брать людей и ничего больше.

Ого. А вот это занятная новость.

— Почему?

Водник поджал губы и ответил не сразу.

— Видишь ли, — задумчиво произнес он. — Ваши технологии хороши, но они очень плохо влияют на магический баланс. Не знаю почему, но появление любой принципиально новой вещи из вашего мира, бьет по магическому полю. Оно расслаиваться начинает. Точных данных, почему так происходит, у нас нет, есть только гипотеза. Если коротко — технология убивает магию.

Ничего себе! Ай да мы, ай да Земля!

— Вот просто берет и убивает? — изумилась я.

— Не совсем. — Дорс отрицательно качнул головой. — Есть предположение, что технология обладает неким полем, которое, по сути, тоже является магическим. Оно образуется из всех тех эмоций, усилий, стараний и страданий, которые вкладывает создатель технологии в свой труд. И именно это поле вносит раздрай в наше.

Я прикрыла глаза и задумалась. Технология убивает магию. Черт, а ведь в этом что-то есть. Ведь когда-то люди Земли тоже поклонялись стихиям, и кто даст гарантию, что их вера в силу стихий была лишь суеверием? Вдруг у них тоже была магия? Ведь у меня, например, магический дар есть. И что если магия нашего мира разрушилась именно потому, что люди начали уделять больше внимания технологиям? Нет, я не возьмусь утверждать, но вдруг?

— Занятно, — грустно резюмировала я.

— Обычно, — пожал плечами Дорс и вернулся к осмотру комнаты, чтобы через миг воскликнуть: — Ну ничего себе!

Я тоже изумилась. Просто совсем не ожидала, что «синий» опознает шкаф. Причем вот так, с ходу, с одного взгляда.

— Даша, это отлично, но очень опасно, — обернувшись, серьезно сообщил парень. — Если шкаф найдут, тебе точно несдобровать.

— Что? Все кражи одежды за последние сто лет на меня повесят? — Мне тоже не до веселья стало, но впадать в панику очень не хотелось.

— Не все. Но от каждой телепортации остается след. Если уведешь платье у какой-нибудь крестьянки, никто и слова не скажет, но если платье будет принадлежать королеве...

«Уведешь». Черт, какой Дорс, оказывается, культурный.

А еще водник заботливым оказался, ибо с беспокойством спросил:

— Даш, ты ведь не успела надеть глупостей?

Я улыбнулась и отрицательно качнула головой.

— Даже не собиралась воровать у вашей королевы.

По правде, я немного лукавила. Ведь буквально вчера вечером скользнула-таки мыслишка — что если вообразить платье усыпанное бриллиантами, а потом срезать их и решить тем самым все свои материальные проблемы?

Но я бы все равно так не поступила. Стыдно признаться, но не столько из чувства порядочности, сколько из страха: я же понятия не имею, где здесь бриллианты сбывают. А если меня с этими бриллиантами поймают и по голове стукнут? Насмерть...

— Вот и правильно, — сказал Дорс. — И не надо.

Верно, не надо. Только знал бы ты, как тяжело согласиться с этим молодой девушке, которая из-за чужой прихоти стала нищенкой.

— К тому же, всем известно, что у меня нет вещей, — добавила я грустно. — Так что любая новая шмотка сразу вызовет вопросы. В общем, не переживай. Не буду я этот шкаф использовать. В конце концов, одежду и постирать можно.

Водник поджал губы и слегка прищурился, о чем-то задумавшись. Но продолжать неприятную для меня тему не стал. Просто вернулся к осмотру.

Кстати, на зеркало он вообще внимания не обратил, прошел мимо и все. Зато сильно заинтересовался книжными шкафами и, в частности, моей рабочей тетрадью.

Тут же вспомнилось о соперничестве факультетов, и я даже открыла рот, чтобы спросить, уж не собирается ли Дорс в наших, огненных, секретах покопаться. Но в этот момент парень повернулся, одарил меня хмурым взглядом и... нет, не спросил, скорее констатировал:

— У тебя всего одна тетрадь?

Я развела руками — ну да, одна.

Водник поморщился как от зубной боли и точно хотел что-то сказать, но наш маленький междусобойчик нарушил посторонний звук. Кран в ванной, который после прихода Дорса я намеренно открыла, зашипел.

Наученная реалиями родного мира, я этот звук опознала сразу. Блондин, впрочем, тоже сообразил быстро и разом оживился. Лицо парня озарила широченная улыбка, и эта улыбка не сулила моим соседям по общаге ничего хорошего.

— Дорс, подожди! — Я подскочила, торопливо выбралась из кресла и

одернула халат. — Дай я сначала хотя бы умоюсь.

— Умывайся, — милостиво разрешил парень. — Можешь даже душ принять. А можем принять душ вместе.

Блондин подмигнул, а я тоже развеселилась и покачала головой, сообщив:

— Нет, дорогой, вместе лучше принимать ванну.

— Мм-м, согласен, но на ванну времени сейчас нет. А вот в душ — точно успеем.

Я притворно вдохнула.

— Прости, но на душ я не согласна. Это слишком мало. Я из тех, кому нужно или все, или ничего.

— Крошка, ты разбиваешь мое сердце, — наигранно простонал парень.

Пожав плечами и с видом «вот такая я зараза», я отправилась в ванную. Интуиция шептала — все будет хорошо, и на этот раз нас с Дорсом точно не поймают.

Быстро совершив все жизненно важные утренние процедуры, я уступила ванную комнату напарнику. Запираться он не стал, поэтому я осталась стоять на пороге — интересно же посмотреть, что будет делать!

Честно говоря, мне казалось, что должно произойти нечто феерическое. Однако на практике все оказалось до жути банально: водник сел на пол, схватился за трубу, которая была подведена к раковине, и закрыл глаза. Все. О том, что Дорс что-то там делает, свидетельствовала лишь широкая зловещая улыбка на его физиономии.

Захотелось попросить, чтобы парень пояснил или прокомментировал, но потом я подумала и промолчала. Все-таки, не стоит мешать человеку своими вопросами. Особенно если этот человек занимается таким благородным делом, как месть.

Минут через пять Дорс окончательно ушел в себя, а я, отчаявшись увидеть хоть что-нибудь интересное, развернулась и отошла от двери. И тут же услышала:

— Тс! Тс! Даш-ш-ка...

Это меня Кракозябр звал.

Я воровато оглянулась на водника и поспешила к зеркалу. Оно стояло достаточно далеко и было повернуто так, что, стоя на пороге ванной комнаты, отражения точно не увидеть. Вот Зяба и проявился.

Монстр выглядел очень довольным, прямо-таки цвел и сиял!

— Что? — прошептала я.

Зяба тихо хихикнул, а поверхность зеркала подернулась рябью, чтобы через мгновение продемонстрировать мне одного из давешних амбалов, которые «проводили» к Касту.

Парень смотрел прямо на меня. В первый момент я испугалась и едва не вскрикнула, но потом облегченно выдохнула — все в порядке. Меня он не видел, просто таращился в зеркало, проверяя качество проведенной процедуры недавнего бритья. Вон, у него даже следы от пены (или что они тут для этого используют?) на щеках еще оставались.

Зеркало в ванной амбала было достаточно большим, чтобы я могла пронаблюдать, как парень открывает кран и подставляет ладони под струю воды. Потом старательно ополаскивает лицо и...

Вот именно в этот момент его и достал Дорс.

Я видела, а амбал — нет, как струя льющейся из крана воды, ожила, скрутилась в спираль и начала подниматься. А потом резким рывком опутала парня словно веревкой. Трансляция шла без звука — Зяба явно шифровался, не хотел, чтобы сидящий в ванной Дорс заметил — поэтому вскрик амбала я не услышала. Зато узрела, что едва парень открыл рот, ему впихнули водяной кляп!

И после этого началось настоящее шоу. Огневик рычал и бился в путах, но сделать ничего не мог. И было совершенно очевидно, что он не столько злится, сколько паникует.

Может быть, это низко, но я, глядя на мучения амбала, счастливо улыбалась и мысленно подзуживала Дорса скрутить противника посильнее. Так их всех! Так!

На следующей картинке, продемонстрированной Зябой, тоже оказался парень, но уже незнакомый, и точно из старшекурсников. Его, как и первого, в момент бритья повязали. Но тут путами и кляпом дело не ограничилось — водяная рука, которая «росла» из открытого крана, бодро хлестала мага Огня по щекам.

А третьего из продемонстрированных Зябой огневиков пытались спасти друзья. И у них даже что-то получалось, но не так хорошо, как бы того хотелось огневикам. А еще они дружно что-то орали, но так как звука не было, я расслышать эти крики не могла.

Вот тут на помощь пришел призрачный монстр.

— Каста зовут, — глумливо хихикнув, шепнул тот.

— А-а, — понятливо протянула я. — Кстати, а с самим Кастом что?

— Он не придет. Он о-очень занят. — Монстр откровенно ржал.

— Покажи! — шепотом потребовала я.

— А что мне за это будет?

— Зяба! Я же умру от любопытства, если не увижу!

Моей смерти призрак точно не желал. А может, ему просто не хотелось ржать в одиночестве. Как бы там ни было, поверхность зеркала дрогнула и картинка сменилась. И, да-да, я увидела Каста!

То, что король факультета Огня жил нескромно, я еще в момент визита в его апартаменты узнала. И то, что в его ванной не просто зеркало, а целая зеркальная стена, мне тоже было известно. Наблюдать за происходящим через эту стену оказалось очень удобно. Гораздо удобнее, чем смотреть в обычные, пусть и большие, зеркала.

И это был трэш! Теперь стало совершенно ясно: Дорс и Каст терпеть друг друга не могут!

Рыжему пижону досталось особенное наказание. Водные жгуты тянулись не из крана, а из сливной дыры унитаза. Их было три: один держал «эльфа» за шею, два других фиксировали руки. Впрочем, «фиксировали» — не совсем верное слово, они скорее блокировали магию. То есть эти два жгута держали запястья и обвивались вокруг ладоней, создавая нечто наподобие водных рукавиц.

Каст рычал. Каст рвался. Каст ужасно бесился! А жгуты упрямо тянули рыжее «величество» к унитазу в явном намерении макнуть головой. Вот он — мальчишеский юмор на практике.

Черт, я обожаю Дорса!

— А-а-а, Дорс не справляется, — прокомментировал Зяба шепотом.

— Почему? — удивилась я. — У него же, вон, вроде неплохо получается.

— С Кастом неплохо, но для этого ему пришлось отпустить остальных.

Фу! Подумаешь! Мелочь какая!

Кстати, а ведь девчонок «синий» не тронул. Или издевательства над девчонками мне просто не показали?

— Зяба, а Дорс только над парнями поглумился? — решила уточнить я.

— Угу, — отозвался монстр. — Девчонкам в этом плане повезло.

Я улыбнулась. Все-таки не ошиблась в блондине. И это здорово!

А через миг улыбка поугасла, потому что Касту удалось высвободить одну руку и создать пульсар. Огненный шарик шарахнул по центральному жгуту, и хотя освободиться полностью Касту не удалось, но парень смог отскочить от унитаза.

Второй удар рыжего оказался злее и эффективнее — центральное щупальце начало расслаиваться. А после третьей огненной атаки жгуты не

выдержали и обычной водой обрушились на кафельный пол.

Звука по-прежнему не было, но оказалось я неплохо читаю по губам.

— Убью! — возопил Каст взбешенно. — Порву к гхарну!

Еще мгновение, и в ванную вломилось двое всклокоченных парней. Видимо, из числа тех, кто звал, но не дозволялся своего короля и обоснованно решил, что того и самого спасать нужно.

И если за миг до этого я искренне жалела, что Дорс напал на несколько целей сразу, вместо того, чтобы сосредоточиться на самом гадком из огневиков, то теперь... честно говоря, я порадовалась, что «синему» все-таки не удалось макнуть Каста.

Ведь если бы «подданные» огненного «величества» застали пижона на карачках и с головой в унитазе... в общем, сейчас у нас с Дорсом шанс выжить все-таки оставался, даже несмотря на яростное «порву к гхарну!». А вот если бы шалость удалась — страшно представить, какое будущее нас бы ожидало. Не вообще, а в случае поимки, разумеется.

— Все, — шепнул Зяба. — Сматываемся!

Панорама «королевской» ванной комнаты исчезла, а в зеркале появилась я, собственной уже причесанной персоной. И вот именно в этот момент меня посетила очень неприятная догадка...

Зеркало! В моей ванной тоже есть зеркало! А так как я не имею склонности к эксгибиционизму и совершенно не желаю светить своими интимными местами перед Кузей и Зябой, то с первого дня переодеваюсь именно в ванной. Черт!

— Дашка, я закончил, — послышался голос Дорса.

Парень вывалился из ванной, и только это спасло Зябу от немедленной выволочки. Но как только водник уйдет — кто-то получит. Ой как получит! Извращенец, блин, чешуйчатый! Вуайерист зазеркальный! Гад!

Я стиснула зубы и сделала вид, что остановилась у зеркала, дабы поправить прическу. Потом повернулась к воднику и спросила, старательно разыгрывая любопытство:

— Ну и как все прошло?

Дорс радостно оскалился и отрапортовал:

— Отлично, крошка!

— А подробностями поделишься?

— Да с удовольствием!

Послушав вольный пересказ Дорса об утренней диверсии и вдоволь нахохотавшись, я отправилась в ванную переодеваться. Правда, прежде чем снять халат и пижаму, погрозила зеркалу для профилактики кулаком и

завесила оный предмет интерьера полотенцем. Просто никак не могла отделаться от чувства, что один призрачный прохиндей втихую за мной подглядывает. Будет возможность — устройю ему допрос. И если это окажется правдой, то звездац ему, полный и всеобъемлющий.

Натягивая колготки, юбку и майку, я размышляла о том, как вынести из столовой побольше еды и не вызвать при этом подозрений. В этот раз воровать собиралась не только для Кузи, но и для Дорса, которому предстояло сидеть у меня минимум до ночи, потому что днем выбраться из кишасей народом общаги точно невозможно.

Нет, сам водник о еде не заикнулся и, видимо, даже не надеялся на такую милость, но оставить сообщника голодным я не могла. Совесть и русский менталитет не позволяли.

В общем, из ванной я вышла с твердым намерением — накормлю во что бы то ни стало, и замерла, увидев совершенно потрясающую картину. Дорс и Кузя жрали! Да-да, именно жрали, а не кушали!

Дорс сидел на диване, твир прямо на чайном столике. Перед ними была расстелена бумага типа газеты, а на ней... Честно говоря, первым в глаза бросилось сало, нарезанное смачными такими, толстенными кусками. Еще там был черный хлеб, зеленый лук и приличный кусок мяса а-ля «грудинка».

— Откуда? — шокировано спросила я.

— Из столовки вчера упер, — даже не потрудившись прожевать, сообщил Дорс. А вот когда прожевал, добавил: — Я же знал, что я к тебе надолго.

Блин! Какой предусмотрительный мужчина.

— И где ты это добро прятал?

— Как где? Сверток в кармане мантии лежал. — Водник оторвался от трапезы и вывернул один из карманов балахона, а я тихо прыснула. Просто карман был совсем не таким, как в моей мантии, а гораздо глубже и больше. Короче, кое-кто основательно к этой вылазке готовился. И кстати, не поэтому ли твир так жался к бедру «синего», а?

От разговора нас отвлек Кузьма. Он как раз дожевал кусок черного хлеба, повел мордочкой и пропищал жалобно:

— Са-а-ал!

Дорс тут же подхватил белый ломтик и положил перед твиром. И сам к уничтожению бутерброда вернулся.

Пришлось закусить губу, чтобы не рассмеяться в голос. Сейчас эти двое выглядели так, что... ну, короче, для полноты картины только телека и двух пузатых кружек пива не хватало.

— Ладно, жуйте, — я махнула на парочку рукой. — А я на завтрак.

— Угу, — пробормотал Дорс.

— Угу, — вторя товарищу, пискнул Кузя.

В этот раз сдержаться не смогла — рассмеялась. А потом одернула юбку и поспешила к двери. Тоже есть хочу, прямо помираю.

С чердака я вышла, едва ли не пританцовывая. И, только заперев дверь на ключ, сообразила, что такая радость вообще-то весьма подозрительна. Я попыталась стереть с лица неуместную улыбку, но не вышло — уж слишком настроение хорошее было.

Пришлось вздохнуть, зажмуриться и постараться представить что-нибудь предельно мерзкое... бесполезно. Не вспоминалось ничего отвратного, и хоть убейся. Но я сдаваться не собиралась. Все так же, стоя на узкой чердачной лестнице, с закрытыми глазами, скорчила самую кислую гримасу в искренней надежде, что детские пугалки из серии «будешь кривляться — лицо таким и останется» не врут.

А они, заразы, ввали! Через пару секунд мои губы вновь растянулись в счастливой улыбке, и скорчить еще одну мерзкую рожу я просто не сумела.

И в этот момент меня не иначе как само Мироздание услышало. Услышало и помогло!

— Дарья? — раздался поблизости знакомый мужской голос с нотками презрения. — Вы чем сейчас занимаетесь?

Я распахнула глаза, и улыбка сама собой тут же растаяла. У основания узкой лестницы стоял наш препод-куратор-аристократ и главный гад Академии Стихий — Эмиль фон Глун. Сегодня мантии на нем не было. Вместо нее мужчина красовался в светлой рубашке с расстегнутым воротом и узких, заправленных в сапоги штанах. На его поясе болталась то ли шпага, то ли сабля, поэтому у меня появилось стойкое чувство, что Глун намылился в фехтовальный зал.

Профессор по-прежнему ждал ответа, поэтому пришлось потупитья и сообщить:

— Собираюсь идти на завтрак.

Фон Глун сложил руки на груди и окинул меня долгим взглядом, уделив, как и в прошлый раз, повышенное внимание ногам.

— У тебя отличное настроение, — уверенно констатировал он. — Но ты стоишь здесь и пытаешься сделать вид, что все не так. Зачем, Даша?

Поправочка: у меня было отличное настроение!

— Надеешься, что если будешь казаться несчастной, то тебя пожалеют?

Я криво улыбнулась в ответ. Вот чего-чего, а такого за мной никогда не водилось. И уж что-что, а жалость мне точно не нужна. Ненавижу, когда меня жалеют!

— Хм... А теперь ты злишься. То есть я не угадал, да?

О, черт! Ну что он ко мне прицепился-то? Лучше бы, глядя на мои голые ноги, вспомнил о том, что в Поларе несколько другой дресс-код, нежели на Земле, и сгонял за моими чемоданами.

— Так по какому поводу счастье, Даша? — не унимался брюнет. — Что тебя так развеселило?

— Выходной, — не моргнув и глазом, солгала я. — Отличная возможность посидеть за учебниками.

Их аристократическое лордство заломили бровь. И издевки в этом жесте было больше, нежели любопытства.

— Неужели ты, — это «ты» он подчеркнул, причем подчеркнул так, что мне послышался невысказанный крайне нелестный эпитет, — любишь учиться?

Я разозлилась еще сильнее.

Понимаю, у них тут предубеждение. У них тут два иномирца, обставившие местных магов и создавшие Норрийскую империю, которая всех бесит. Но разве это повод спускать всех собак на меня?

Я расправила плечи и вернула профессору презрительный взгляд. После чего сообщила:

— Видите ли, господин Глун, дело в том, что меня приняли в это учебное заведение без экзаменов и предварительной подготовки. Поэтому теперь я вынуждена самостоятельно наверстывать тот материал, который в теории должны были дать те, кто меня сюда принимал.

— Лорд, — холодно поправил фон Глун, пропустив остальную часть спича мимо ушей. — Если ты не в состоянии запомнить мой титул, то, боюсь, зря мучаешь учебники.

Черт! Этот его тон, этот его взгляд... бр-р! Вымораживает!

А еще сильнее вымораживает то, что от злости попросту не знаю, что ответить!

— Завтрак. — Вторгся в мои мысли голос Глуна, а сам препод сделал шаг назад и указал на лестницу.

Злость сменилась страхом.

Он что? Предлагает мне прямо сейчас идти? И он... собирается меня сопровождать?

Увы, по всему выходило, что все именно так, но воспротивиться требованию Глуна духа у меня не хватило. Да и смысл сопротивляться?

Разве что из вредности, ради поддержания чувства собственной важности.

Последним, в смысле раздутым «ЧСВ», я тоже никогда не страдала. Поэтому вздохнула, спустилась с лестницы, ведущей на чердак, и отправилась к другой, той, которая увлекала вниз, к выходу из башни.

А Глун двинулся следом. Я прямо-таки ощущала, как профессорский взгляд буравит мой затылок, и стоило огромных усилий держать спину прямо и не спотыкаться. Еще труднее было сдерживать желание развернуться и, обогнув Глуна, помчаться обратно на чердак. У меня даже аппетит пропал.

Правда, когда мы спустились к студенческим этажам, я свои взгляды на ситуацию поменяла. Просто на одной из лестничных площадок Каст встретился. Рыжий пижон был ужасно зол и, завидев меня, дернулся, будто хотел что-то обидное сказать, но... за моей спиной по-прежнему находился профессор. И более чем уверена: только его присутствие спасло меня от нежелательного разговора с Кастом. К тому же, когда я увидела рыжего, то не рассмеялась и даже не улыбнулась, хотя в памяти мгновенно всплыла роскошная ванная комната и три водных щупальца, желающих макнуть короля нашего факультета головой в унитаз.

Ну и самая главная приятность заключалась в том, что Глун от меня все-таки отстал. Когда мы вышли из общаги, профессор круто развернулся на каблуках и пошел в противоположную студенческой столовой сторону. А я смогла вздохнуть спокойно.

И только один момент вызывал сильное недоумение — почему куратора совсем не заинтересовал переполох, который творился на студенческих этажах?

Впрочем, наблюдая его отношение к одной подопечной иномирянке, такими вопросами можно и не задаваться. Все ясно. Профессор то ли отвратительный педагог, то ли законченный пофигист. И, как по мне, первое вероятнее второго.

Глава восьмая

Из столовой я возвращалась, мысленно хихикая. Ну а как не смеяться, если поголовно все огневики, которые пришли на завтрак, сидели и усиленно делали вид, будто ничего (то есть вообще-вообще ничего!) не случилось?

Студенты с факультета Воды, которых лично мне опознать было труднее, потому что раньше не приглядывалась, тоже пыжились и пытались держать лицо, но получалось плоховато — многих пробивало на смех. Из чего, кстати, следовал вывод: вылазка Дорса — не секрет.

И да, это было забавно! Настолько забавно, что я в какой-то момент забыла о конспирации и разулыбалась вместе с «синими», но этого, кажется, никто не видел.

Еще одним поводом к улучшению убитого Глуном настроения стал тот факт, что к моменту моего возвращения общага будто вымерла. Я понимала, что вероятнее всего, огневики собираются сейчас в общей гостиной, дабы прослушать очередной спич Каста. Но на то, что меня не пригласили, было плевать. Куда важнее, что позволили беспрепятственно добраться до ставшего почти родным убежища.

Взобравшись на самый верх башни, я одолела несколько ступеней узкой чердачной лестницы и отперла дверь. Я улыбалась и была почти счастлива, поэтому никак не ожидала услышать вместо приветствия хмурое:

— И как часто это происходит?

Дорс стоял в нескольких шагах, сложив руки на груди, и выражение его лица не предвещало ничего хорошего.

Что такое? Что опять случилось?

— Что случилось? — настороженно повторила я вслух.

А водник тяжело вздохнул и ответил невпопад:

— На дверь свою посмотри.

Я послушно обернулась и охнула.

Дверь изменилась. То есть снаружи она точно была прежней, а здесь, внутри, появились утяжеляющие металлические вставки и по контуру дверного полотна, и по косяку. И две дополнительные щеколды появились: одна сантиметров на тридцать выше, вторая — ниже той, прежней, самой первой.

Я поморгала, потому что подумалось — мерещится. А потом отошла

на полшага и еще раз на дверь посмотрела. Она выглядела не только более мощной, но и более новой, даже цвет древесины поменялся, посветлел.

— Что за фокусы? — ошарашенно спросила я.

— Это твир постарался, — пояснил блондин. И добавил как-то совсем хмуро: — По моей просьбе.

Я поискала взглядом Кузю и таки нашла. Малыш самозабвенно дрых на чайном столике, с которого уже исчезли все признаки недавнего пира. Причем спал Кузьма на спине, и его доверчиво выставленное пузико как будто намекало — Дорса бояться не нужно. Но я почему-то побаивалась. Час назад даже тени страха не было, а теперь...

— Я повторяю вопрос. — В голосе водника, как и минуту назад, зазвучали опасные нотки. — Как часто это происходит?

— Да что происходит? — не выдержала я. — В чем проблема?

Дорс прикрыл глаза, втянул ноздрями воздух и сказал уже спокойнее:

— Как часто Каст позволяет себе ломиться на этот чердак, как к себе домой?

Я искренне опешила и не сразу сообразила.

— Каст приходил? Сюда?

Вот теперь стало страшно по-настоящему! Если Касту удалось войти, то... Стоп. Если бы рыжий проник на чердак, я бы вряд ли сейчас разговаривала с Дорсом. Или...

Вот честно — понимала, что глупо, но начала оглядываться в поисках трупа. А сердце в этот миг заледенело и испуганно заколотилось.

— Приходил, — подтвердил мои худшие опасения Дорс. — И даже не постеснялся воспользоваться отмычкой. Хорошо, что твир предупредил, и я успел задвинуть щеколду.

С ума сойти.

— Но знаешь, этим дело не кончилось. Каст пытался снести дверь, к счастью, не магией. И вот я в третий раз спрашиваю, Даша, как часто этот прыщ позволяет себе подобные выходки?!

Прозвучало это с таким возмущением, что я только теперь распознала в интонациях и поведении водника беспокойство. То есть меня Дорс не обвинял, он злился на Каста, а я... ну просто «синий» так злился, что не мог, что называется, «сменить пластинку».

— Это было один раз, — со вздохом призналась я.

— И?.. — протянул блондин угрожающе.

— Что «и»?

— Чем кончилось! — рыкнул Дорс.

Да, он рычал, а я как-то успокоилась, даже расслабилась и пожалала

плечами.

— Ничем особенным. Я открыла дверь, он вошел, потом увидел твиря и намекнул, что за мной должок. Когда и как этот должок отдавать придется — не знаю.

— То есть прыщ тебя еще и шантажирует?!

Я не могла не улыбнуться: кому прыщ, а кому целое величество!

— Нет, Дорс. Но, вероятнее всего, будет.

И все. Водник отстал и отошел. Потом вообще развернулся и направился к одному из окон. Там, кстати, что-то шелестело. Да и вообще, на обычно залитом солнцем чердаке было как-то очень серо и пасмурно, и это несмотря на зажженную люстру.

Я поняла, что происходит, только тогда, когда блондин открыл окно и аккуратно выглянул наружу. На улице шел дождь. Но вот дальнейшее поведение Дорса выбило меня из колеи: парень опасно высунулся из окна почти наполовину, да еще и руки вперед вытянул!

— Дорс, что ты делаешь? — испуганно вырвалось у меня.

— Не волнуйся, крошка, все в порядке, — протянул парень. От прежней злости в нем и следа не осталось, голос звучал плавно и даже лениво.

И у меня сердце екнуло. Просто он вел себя так, будто...

Так. Ничего не понимаю. Вернее, не понимаю главного: как мои слова о Касте могли посеять в голове Дорса мысли о самоубийстве? И еще — что мне делать? Я не на психолога училась, а на экономиста! И даже не представляю, что говорить в таких случаях!

— Дорс, отойди от окна! — Мой голос прозвучал до отвратительного жалко.

Потенциальный самоубийца обернулся, одарил широкой веселой улыбкой и даже подмигнул. Но с места не сдвинулся.

— Дорс, там опасно. Отойди от окна, а? — взмолилась я. — Все хорошо. Все в порядке. Поверь, ничего страшного не случилось. Все поправимо.

«Синий» хлопнул глазами и... рассмеялся. Причем так весело и искренне, что обретенная было уверенность растаяла дымом.

— Ой, Даш, не могу! — сквозь смех простонал он. — Ну ты... Ну ты даешь!

Хм. То есть прыгать из окна никто не собирается? То есть мне показалось?

Я решительно приблизилась к парню и замерла в трех шагах. Что, черт возьми, происходит? Что за шутки?

— Конечно, все хорошо будет. — Дорс опять подмигнул. — Расслабься.

А через мгновение случился еще один этап моего знакомства с магией. Парень поднял руку, и струи проливного дождя послушно собрались в жгут, после чего обвили его руку до запястья.

— Я маг Воды, Даш, — напомнил блондин. — И я тебе клянусь — все будет хорошо.

А как только Дорс это произнес, водный жгут потащил его наружу, в окно. Я и пикнуть не успела, а водника на чердаке уже не было. Опрометью я бросилась к открытому окну, но... все. Ушел.

Блин.

Блин-блин-блин!

Приличных слов, чтобы выразить всю глубину моего шока, не находилось. Единственное, на что хватило сил — позвать монстра и жалобно уточнить:

— Зяб... Зяб, просто скажи мне — он разбился?

Призрак откликнулся мгновенно:

— Маг Воды? Разбился? В дождь? Даш, я тебя умоляю! — Зяба хихикнул. — Ты еще предположи, что он утонул.

— Ужас. Еще парочка таких фокусов, и я поседею, — бессильно констатировала я.

— Не-ет, — протянула ехидна из зеркала. — Ты поседеешь гораздо раньше!

Я не обиделась. Если честно, вообще не поняла, на что чешуйчатая зараза намекает. Просто впервые с момента своего перехода на Полар и зачисления в Академию Стихий я посмотрела в окно и увидела... Я увидела город.

По нашим меркам небольшой, а по здешним, должно быть, значительный. И выглядел он как в типичных книгах про попаданок или на исторических иллюстрациях о старой Европе. Низкие домики с черепичной крышей, узкие извилистые улочки, площади, скульптуры, скверы. Прикольно, если честно. Не так, что хочется все бросить и прогуляться, но здорово. По возможности, надо будет обязательно совершить вылазку в город. Правда, у меня одежды приличной нет...

На этом мечты о прогулке пришлось отставить, потому что я услышала уверенный стук в дверь. Без понятия, как магия Огня соотносится с телепатией, но в этот момент я реально ощутила себя телепатом. Потому что абсолютно точно знала, кто именно приперся в гости.

— Он очень зол, — сообщил Кракозябр доверительно, и я тихонечко взвыла.

Понятно, что после того, как твир усилил дверь, можно не открывать, но... а насколько хорошо твир ее усилил? В прошлый раз Каст намеревался применить магию, что если и сейчас до этого дойдет?

Да и смысл прятаться? Дорс-то ушел, а Каст — король, блин, факультета. Не сейчас, так через пару часов, когда я на обед пойду, достанет.

«Воодушевившись» этими мыслями, я закрыла окно, стерла ладонью капли воды с подоконника и отправилась открывать Касту.

Несмотря на то что на Дорса Кузя реагировал отлично и вообще с первой минуты принял как родного, к Касту у него было совершенно другое отношение. В присутствии пижона твир вел себя так, словно из всех сил сдерживался. То есть он явно хотел нарычать на наглого и рыжего, но держался. И пусть меня прибьет пульсаром, если причиной такого поведения было не что иное, как понимание: рыжего злить нельзя, иначе сдаст нас с потрохами.

Так что да, Кузя сдерживался. И храбро прятался за креслом.

А вот король всея факультета Огня расположился на диване, кстати, ровно на том месте, где час назад сидел Дорс, и сверлил меня взглядом.

— В последний раз спрашиваю... — А вот ласковый тон Каста с внешним видом не вязался настолько, что вызывал когнитивный диссонанс. — Где «синие»?

— Я тоже спрошу, — ровным голосом вторила я. — И тоже не в первый раз. С чего ты взял, что я прячу у себя диверсантов?

Я, кстати, тоже сидела, только в кресле напротив. Немного боялась — рыльце-то в пушку, — но виду не подавала. И вообще, напропалую пользовалась своим маленьким земным преимуществом — мини-юбкой.

Нет, ноги, как в неприличных фильмах, не перекидывала, но и не прятала. Декольте тоже не прятала, правда и выпячивать его не пыталась. Однако даже это, как понимаю, на рыжего все-таки действовало. По крайней мере, рычать он перестал практически сразу и перешел на эту вот идиотскую медово-ласковую интонацию.

— Дашка, не зли меня...

— Каст, ты уже обыскал чердак, — перебила я устало. — А теперь что? Ты вообще понимаешь, в чем меня обвиняешь? Ты пеняешь мне на то, что я не укрываю врагов.

Король недовольно зашипел, а по его волосам, на этот раз собранным в

хвост, как будто сполохи огненные побежали. Но признаваться я все равно не собиралась. Улик-то нет!

— Даш, мы проверили защиту башни — она в порядке. В подвале, у водопроводного узла, непрерывно дежурили охранники. То есть действовали водники из какой-то комнаты. И ты единственная, кто не любит нас настолько, чтобы пойти на сделку с «синими», — процедил он.

— Но отряда магов Воды у меня не было! — отрезала я. А что? Это даже правда.

Каст зарычал, но новой реплики не последовало.

Следующие минут пять сидели в тишине. Он и я. Друг напротив друга. Ну и Кузя за креслом.

Я не выдержала первой и решила пойти на мировую:

— Каст, ну хватит. Нет у меня «синих». И вообще... прекрати меня пугать.

Парень картинно заломил бровь, а потом насмешливо полюбопытствовал:

— Пугаю? Я — тебя?

— Не притворяйся. Ты прекрасно видишь, что да.

Губы рыжего растянулись в широкой, хищной улыбке, а я невольно поежилась. Блин, ну зачем он так делает? Я же признала, что боюсь — зачем пытаться добить врага, который и без того сдался? Это неспортивно, как минимум.

— И что же во мне такого ужасного?

Черт! Меня глючит или пижон действительно обрадовался смене темы? Правда, отвечать не хочется. Да и смысл давать ответ на риторический вопрос? Ведь «их величество» не хуже меня знает — все!

— Каст, прекрати.

— Нет, ты скажи, — продолжал настаивать он.

Я прикрыла глаза и шумно вздохнула. Может, лучше к разговору о «синих» вернуться?

И снова тишина. Долгая и не слишком приятная. Точнее, это мне неприятно, а Каст как будто расцвел весь, подобрел. И о ужас! Оказывается, в добродушном настроении он столь же страшен, как и в гневе!

Или это у меня паранойя проснулась? И нервы вконец расшалились?

— Так, вставай. — Рыжий неожиданно поднялся, подошел к креслу и протянул мне руку.

Ну точно паранойя. Иначе почему сердце сразу сжалось в комок, душа медленно стекла в пятки, а горло перехватило судорогой?

— Дашка, да не пугайся ты так, — протянул явно довольный моей реакцией пижон. — Не укушу. Не в этот раз.

Блин, последнее дополнение особенно ценно!

— Вставай! — почти приказ.

Вздыхнув вновь, я заставила себя засунуть страхи подальше. Да, я училась на экономиста, а не на психолога, но точно знаю — некоторые люди получают искреннее удовольствие от чужого страха. И, что паршиво, Каст, кажется, в их числе. А я не хочу делать ему приятное. И вообще, пусть идет лесом! Самым, блин, густым и дальним!

Я подала рыжему руку и не без помощи поднялась из кресла.

— Пойдем, — сказал Каст и потянул за собой.

Сопротивляться не стала, тем более что идти пришлось недалеко. Рыжий вывел меня на середину чердака, отпустил руку и отстранился, замерев напротив, шагах в трех.

Вот теперь страх действительно прошел, его место заняло недоумение.

— Каст? — попыталась прояснить ситуацию я.

А в ответ услышала:

— Давай, Дашка. Сделай пульсар.

Чего?!

Кажется, у меня глаза округлились, а Каст усмехнулся и повторил:

— Ну же. Сделай пульсар.

Так. Понятно. Раз разговор о «синих» не удался, будем говорить о магии. Вот только черта с два ты у меня выпытаешь все секреты разом.

— Прости, Каст, но не могу. — Я отрицательно покачала головой.

— Почему?

Потому что я успела прочитать ваш чертов учебник. И слишком хорошо помню, что без источника огня колдовать способны только очень сильные маги. А показывать тебе, что я из сильных, мне совершенно не хочется. Нет, когда-нибудь ты узнаешь, но... пусть это станет сюрпризом.

— Так в чем проблема? — переспросил рыжий.

— Мне нужен источник огня, а его нет, — сообщила я и развела руками.

— Не проблема.

Каст подарил еще одну хищную улыбку и шагнул навстречу. А еще через мгновение у меня был огонек. Этот огонек, мало отличимый от пламени свечи, горел на кончике указательного пальца пижона.

Вау! Тоже так хочу! Надо будет попробовать попозже...

А вот сейчас мне, похоже, не отвертеться. Ну и ладно. Сделаю ему пульсар.

Я закрыла глаза и попыталась представить, как подхватываю огонек с пальца Каста, а потом заставляю этот огонек принять форму шара и расшириться.

— Хм. Неплохо, — раздался одобрительный голос рыжего.

Я открыла глаза, чтобы увидеть — все получилось. В реальности картинка была точно такой, как в моем воображении. Огонька на пальце Каста уже не было, зато в воздухе висел небольшой, размером примерно с мой кулак, пульсар.

Уже не закрывая глаз, я мысленно потянула пульсар на себя. Шарик подчинился.

— Очень даже неплохо, — вновь прокомментировал эти действия Каст.

Но он врал. Для первокурсницы, да еще и без среднемагического образования, это было не «неплохо», а «вау-вау-вау как круто!». Спорим, что сестричка пижона так не может?

Внезапно пульсар начал уплывать. Я не сразу сообразила, что это его экспериментирующее величество, огонек из-под носа уводит. А когда поняла, то мысленно «дернула» пульсар на себя и тут же услышала:

— Эй, детка, полегче! — Каст, как ни странно, смеялся.

Какая я тебе, на фиг, детка? Для тебя, рыжий, я — Дарья, блин, Андреевна!

— А теперь попробуй поменять форму, — прервал мое возмущенное сопение пижон.

— В смысле?

— Заставь пульсар измениться, — пояснил Каст, — придай любую форму. Ведь пульсар — это та же энергия, а энергия пластична. Понимаешь?

Я понимала. Кажется. И, несмотря на требовательный тон рыжего, подчиняясь, закрыла глаза. Просто самой интересно стало — а действительно, смогу ли?

В голове сам собой возник образ скручивающейся огненной пружинки, но я резко себя одернула. Стоп! Даша, какие к чертовой бабушке спирали? Ты спирали только у Дорса видела, а вдруг это особая фишка магов Воды? Тебя ж запалят!

Пришлось еще раз выдохнуть и включить мозг. Какую форму можно предать шару? Превратить его в квадрат? Э, нет, глупость какая-то. Пульсар в виде квадрата — бред!

А что если...

Я вообразила, как огненный шар вытягивается и сужается,

превращаясь в сигару. И вот на этом можно было остановиться, но внезапно вспомнилось, что напротив меня стоит достаточно опасный и агрессивный тип, а воображение... В общем, образ небольшого кинжала всплыл в голове сам собой, и воображаемая «сигара» плавно приняла эту форму.

Когда я открыла глаза и вернулась в реальность, Каст изображал скульптуру «король в шоке». Стоял, смотрел на висящий в воздухе огненный кинжал и молчал. Это показалось таким забавным, что я не сдержалась и заставила кинжал несколько раз перевернуться в воздухе, после чего сделала шуточный выпад.

Пижон среагировал мгновенно: на пути кинжала тут же встал небольшой, но щит.

— Эй, детка! — воскликнул он. — Не надо так делать.

Каст улыбался, и эта улыбка была не такой как прежде. «Эльф» был доволен, как может быть доволен художник, узревший красивый пейзаж. Я улыбнулась в ответ, а рыжий сделал манящий жест рукой, и пара щит-кинжал, послушно приблизились. Еще через миг они оказались смяты в сгусток огня, который исчез в ладони Каста.

Это было круто. То есть действительно круто! Я о таком не читала, но чувствовала: вот это «сминание» магической энергии — высший пилотаж. И после нашего маленького практикума я, если по правде, ждала продолжения банкета. Думала — сейчас сядем и поговорим, но уже нормально, как белые люди. И не о «синих», а о магии. Но Каст рассудил иначе.

— Молодец, Даша, — сказал он. И уже с прежней раздражающей ухмылкой добавил: — До двери проводишь?

Бли-ин! Да ну и черт с тобой. Вали! Я у кого-нибудь другого поучусь! Рано или поздно учитель обязательно найдется! А ты... ты еще локти кусать будешь.

С этими мыслями я развернулась и, стараясь не выдавать своего разочарования, направилась к двери. Каст шагал следом — я очень хорошо стук подбитых металлом сапог слышала. Когда дошли, я решительно отодвинула щеколду и взялась за ручку, но...

— Не так быстро. — Парень уперся в доски рукой.

Это было как в дешевом кино. Я у двери, спиной к нему. Каст сзади, неприлично близко. И нотки в голосе такие, что впору звонить в полицию. Вот только на Поларе ни телефонов, ни полицейских участков нет.

Так! Сейчас главное не пугаться и не теряться!

— Что еще? — не оборачиваясь, раздраженно спросила я.

— Ну-у... — многозначительно протянули где-то над ухом.

Баранки, блин, гну!

— Каст, давай без глупостей, а?

— Согласен, — промурлыкал этот гад и, обвив рукой мою талию, резко развернул меня к себе.

Рыжий отлично понимал, что делает, и для него не было секретом, что я против. Именно поэтому он не дал, просто не позволил, опомниться!

Жесткие губы впились в мои, язык нагло скользнул в рот, а моя рука, занесенная для пощечины, была ловко перехвачена за запястье. Черт, да что там рука! Рыжий даже удар коленкой в пах предусмотрел! В результате я оказалась прижата к двери всем его пижонским телом, а сила у этого худощавого типа оказалась сумасшедшая!

Блин блинский!

— А вот целуешься ты не очень, — оторвавшись от моего рта, заявил Каст. И пояснил весело: — Огонька не хватает.

Черт!!!

Я и до этого была злая, а теперь вообще крышу снесло. А самое противное — я просто онемела от переполняющих эмоций. Зато рыжий молчать, кажется, просто не мог!

— Но ты не расстраивайся, Дашунь. Немного практики, и этот пробел в твоём образовании исчезнет. Уж это я тебе лично гарантирую.

С этими словами Каст отстранился, ловко отодвинул меня от двери и вышел.

А я... я осталась стоять, яростно потрясая кулаками, и... Да что он себе позволяет! Гад! Пижон! Сволочуга рыжая!!!

Я даже хотела броситься следом, чтобы высказать этому самоуверенному факультетскому корольку все, что о нём думаю, но, слава богу, меня отвлекли.

Кузьма. Мой маленький храбрый непропорциональный огурец в бордовой меховой шубке выскочил из-за кресла и начал носиться по чердаку, сотрясая тишину очень грозным:

— Р-р-р! Р-р-р! Сво-о-о-о! Подле-е-е! Зара-а-а!

Устами твира глаголет истина. Только в этих устах она звучит так... комично.

Злость не отступила, нет, но поутихла. И даже улыбка на лице проявилась. Вообще, всегда очень приятно, когда ты не одинока в своём мнении. Если знаешь, что не одна, уровень переживаний как-то сам собой снижается и ситуация начинает казаться чуть проще.

— Он не зараза, — справившись с удушающим всплеском эмоций,

сказала я. — Он хуже.

— Р-р-р! — отозвался твир. — Р-р-р!

Угу.

Я сделала пару глубоких вдохов, потом задвинула все три щеколды, вытерла губы тыльной стороной ладони и вернулась на то место, где мы с рыжим практиковались. И да, попыталась вызвать щит! Но...

Что за черт? Почему не получается?

Я закрыла глаза, подышала глубоко, заставляя себя успокоиться и избавиться от остатков злости, но — ничего.

Блин! Что не так? Почему?!

— Хм, Даш, а ты что делаешь? — прозвучал из глубин чердака голос Кракозябра.

— Пытаюсь повторить щит, который делал Каст, — сообщила я мрачно.

В ответом послышалось озадаченное:

— Э-э...

— Что? — вновь сорвалась я. — Ну что? С пульсаром-то получилось! Значит, и со щитом получиться должно. Я уже поняла — для того, чтобы освоить магию, мне нужно просто видеть заклинание!

— Даш, ты извини, но я не уверен, что твоя теория верна.

— Это еще почему?

— Ну просто... — Кракозябр выдержал небольшую паузу, явно слова подбирал. — Магия — это все-таки наука. Есть определенные заклинания, вызывающие, закрепляющие; есть активирующие пассы; внутренняя природа и философия, которую нужно понимать.

Может, оно и так, но...

— Пульсар-то у меня получился!

— Получился, — не стал спорить Зяба.

— И без всяких заклинаний и пассов!

— Угу.

Кто-то явно был осведомлен, что бывают ситуации, в которых с женщиной лучше не спорить. И меня эта осведомленность взбесила не хуже кастовского поцелуя.

— Зяба! — воскликнула я требовательно. — Или говори, или молчи! А глумиться надо мной в следующий раз будешь!

Он ответил. Но только после того, как я перестала пыхтеть на весь чердак.

— Даш, а может, дело в том, что новичкам, как и дуракам, везет? Ну и еще один момент: пульсар — простейшее заклинание в магии Огня. Как

первая буква алфавита. Обычный проявленный сгусток огненной стихии.

Мне такой расклад не понравился. Прежде всего потому, что он был слишком реален и рушил все мои планы на скорое обучение. Поэтому я не смогла не вставить шпильку:

— Зяба, а ты, помнится, говорил, что не разбираешься в магии.

— Но не до такой же степени, — спокойно парировал монстр.

Умом я понимала — Зяба не врет и Зяба прав. Но душою была против! Нет, меня не пугала перспектива корпеть над учебниками, но лишиться единственного магического преимущества... Это же несправедливо!

Расстроенная, но упрямая, я отправилась в ванную. Заткнула пробкой сливное отверстие, набрала воды сантиметров на десять и закрыла глаза. Пусть щит не получился, но это же не единственное заклинание, кроме пульсара, которое я видела.

Припомнив, как Каст превращал разлитую по жилому этажу воду в пар, я вскинула руку и... Черт. Ведь рыжий пижон тогда какой-то пасс использовал. А я этот пасс не знаю.

А если просто зажмуриться и представить, что вода превращается в пар?

Я попробовала. Старалась изо всех сил, но фокус не удался.

Так, а клетка для твира?

Я опять зажмурилась и, используя ту же технологию, которую применяла для создания пульсара, попыталась вызвать небольшую клетку.

Фигвам! Национальное, блин, индейское жилище.

Настроение вновь скатилось в пропасть. Дурацкий мир. Дурацкая академия. Дурацкая магия.

Я вытщила пробку и бросила хмурый взгляд на маленькое зеркало, которое висело над раковиной.

— Зяба, это свинство.

Отражение слегка всклокоченной, надувшей губы студентки исчезло и в зеркале появилась чешуйчатая морда призрака.

— Что именно? — спросил Кракозябр.

— Да все! Я тут никто и звать меня никак. Всеми презираемый изгой. У меня было единственное преимущество, а теперь — ничего.

— У тебя была иллюзия преимущества, Даш.

Черт. Ну да, иллюзия. Но сути это не меняет.

— И все равно — это свинство. Понимаешь?

— Хм...

Я развернулась в намерении покинуть ванную комнату, и тут меня советом благодетельствовали.

— Даш, знаешь что? — позвал призрак. — Сходи-ка ты в храм.
— Куда? — обернувшись, переспросила я.
— В храм, — повторил Зяба убежденно. — Знаешь, многие маги, когда у них возникают проблемы, просят помощи у управителя своей стихии. Говорят, некоторым даже помогает.

Мне после этого заявления анекдот вспомнился:

«— Что делать, если корень из дискриминанта не извлекается?

— Ну, я обычно грущу...»

Вот этот совет, по моему глубокому убеждению, из той же серии был.

Но, увы, молитвами тут не поможешь, тут действовать нужно. Садиться за учебники и... Черт! Почему все так сложно?

Остаток дня прошел в относительном спокойствии, но был очень насыщенным в плане получения новой информации. Расстроенная и вместе с тем ужасно разозленная я сидела и зубрила. Хотя, пожалуй, все-таки не зубрила, а учила: вдумчиво читала, анализировала, конспектировала и составляла список вопросов, ответы на которые позже придется искать в других источниках.

В этом занятии, к моему огромному сожалению, не было ничего занимательного — все равно, что заново изучать географию родной Земли или какое-нибудь обществоведение. То есть большую часть книг составляли теория и говорильня, говорильня и теория. И не всегда было понятно, зачем составители учебника дают ту или иную информацию и где она вообще пригодиться может.

В стопке пособий по среднемагической программе были книги двух направлений: общие, как те же «Основы теории стихий», и специальные — посвященные аспектам магии Огня. Но ко вторым мне только предстояло перейти. Ибо какой смысл читать о магии Огня, когда общую температуру по палате, ну, в смысле, основы основ, не понимаешь?

К ночи от всех этих буковок и определений звездочки перед глазами плясали. Так что до постели я не шла, а практически ползла.

Однако потом, несмотря на усталость, где-то час лежала и думала о жизни — не спалось мне, не иначе как от перенапряга мозга бессонница случилась. В мыслях была каша из образов минувшего дня. Разговоры с Дорсом, презрение Глуна, вопиющее хамство Каста.

Последнее вспоминалось чаще всего и злило страшно. Это я-то целоваться не умею? Я?! Вот его бы рыжее «величество» к стенке прижали, язык в рот насильно сунули и... я бы посмотрела, какой уровень мастерства он бы тогда показал!

А потом я наконец провалилась в благословенную тьму. Но, увы, ненадолго, потому что переизбыток впечатлений, смешанный со стрессом, сделал свое дело, и в итоге мне приснился потрясающий «коллаж».

Будто лежу не в своей кровати, а на широкой постели, застеленной алыми простынями, а рядом, в совершенно неприличной близости, профессор Глун. На нем белая широкая рубаша с расстегнутым воротом, в которой я видела его утром, узкие брюки и... ну, собственно, все. На мне же единственный комплект одежды, в котором меня на Поляр доставили — опостылевшая майка и джинсовая юбка.

Приподнявшийся на локте Глун смотрит задумчиво, но без злости. Как будто изучает мое лицо и пытается разгадать какую-то загадку. Я тоже на него смотрю и нисколько не боюсь, потому что отлично понимаю — это сон, а во сне куратор мне точно навредить не может.

И теперь, когда во взгляде его отсутствует холодное презрение, а на губах нет надменной усмешки, я могу по-настоящему оценить его внешность. И признать-таки: на деле Эмиль фон Глун очень симпатичный — благородное, действительно аристократическое лицо, высокие скулы, ровный нос и глаза синие-синие, как яркое летнее небо. И с распушенными волосами ему гораздо лучше, эта легкая небрежность делает черты лица чуть мягче и приятнее. К тому же он действительно молод: лет тридцать, ну тридцать два — максимум. Как ни странно для звания профессора.

В этот момент Глун сбросил рубашку, и мысли о каких-то там раньше времени положенных званиях разом улетели прочь. Их вытеснило одно сплошное «вау!» от вида открывшихся моему взору сильных рук и стройного, но тренированного тела.

«Глун точно дерется на шпагах», — заметив тонкий длинный шрам на его правом боку, отстраненно отметила я.

А потом стало и вовсе ни до чего, потому что мужчина медленно наклонился и осторожно прикоснулся губами к моим губам. По коже сразу побежали мурашки. Правда, не столько от прикосновения, сколько от осознания — я целуюсь с Глуном!

Второй поцелуй был не таким невесомым, как первый, а куда более долгим и требовательным.

А на третий... на третий я ответила!

Вернее, не совсем я, а та я, которая во сне. То есть настоящая я понимала, что сплю, но управлять своим телом в сновидении не могла. Не в этот раз.

В этот раз я только осознавала и, к собственному удивлению, ловила кайф. И чем настойчивее становился Глун, тем сильнее заводилась. Ну а

когда его ладонь скользнула по моей груди и проникла под майку, и вообще будто с ума сошла. Причем настолько, что мне совершенно расхотелось этот сон просто смотреть. Вместо этого, как ни стыдно признаться, возникло жгучее желание в нем поучаствовать.

Когда брюнет снимал с меня майку, я не противилась, а даже помогала. Чуть-чуть, самую малость. Когда избавил от бюстгалтера и припал к обнаженной груди губами — запустила пальцы в его распущенные волосы и застонала.

Мне было очень жарко, и очень хорошо. И чем жестче и требовательнее становились поцелуи и прикосновения, тем труднее становилось сдерживать стоны.

Но я так и не решилась назвать его по имени. Назвать «профессором» или «куратором» тоже не могла, потому что... ну пошло это. Я на постели топлесс, в его объятиях, его губы терзают грудь, и... и вот тут сказать «профессор»? Нет. Нет-нет! Так что стоны были громкими, тягучими, но безличностными. А напор Глуна...

Черт!

В итоге, проснулась я не отдохнувшей, а возбужденной. Причем не в переносном, а в самом что ни на есть прямом смысле слова. Взмокшая! С пылающими щеками! И чувством невероятного смущения!

Клянусь — я никогда в жизни смущения такой силы не испытывала, даже несмотря на то, что первая любовь у меня уже несколько лет назад как случилась. И это чувство не желало отступать, невзирая на то, что на деле ничего не было. Был просто сон. Игры подсознания, которые я контролировать не могу. То есть это... это даже не я!

Но черт, как же все-таки стыдно. Несмотря на все попытки самооправдания.

Я потратила минут пятнадцать на то, чтобы успокоиться и выровнять сердцебиение, и только потом поднялась с постели и отправилась умываться. А увидев в маленьком зеркальном отражении свое пылающее нездоровым румянцем лицо, опять психанула — сняла зеркало со стены и вынесла его из ванной.

Нет, ну приснится же такое!

И, главное, обиднее всего то, что это точно Каст виноват. Это он вчера с поцелуями лез.

ТЬфу! Каста тоже не вспоминать! Ну их всех к этому... к гхарну. Вот.

А самой — учиться!

Одеться, сходить на завтрак и бегом за учебники, потому что я не в том положении, чтобы расслабляться. Даже в выходные. Тем более что не за

поцелуями я в эту академию пришла. И вообще... не надо мне никаких парней. Не-на-до!

Глава девятая

За эту ночь Кузя заметно подрос. Правда, внешне не изменился, по-прежнему напоминая непропорциональный бордовый огурец с короткими лапками, глазками и маленьким, но чертовски лохматым хвостиком.

Виляя этим самым хвостиком, Кузьма проводил меня до двери, а когда я вышла, запер ее на все три щеколды. Понятия не имею как твиру, при его габаритах и строении тела, это удалось, но тем не менее.

Расслышав три щелчка и сосредоточенное, тихое «Фее!», я кивнула и со своей стороны закрыла дверь на ключ — уже не столько для защиты, а так, по приколу. На случай, если в мое отсутствие сюда какой-нибудь рыжий-бесстыжий с отмычкой явится. Чтоб он, зараза, как следует помучался, прежде чем понять, что дверь заперта изнутри.

И с чистой совестью отправилась на завтрак.

В башне факультета Огня было непривычно тихо. На лестнице никто не встретился, но это не напрягало, а наоборот, порадовало. Зато в столовой народу оказалось куда больше, чем ожидала. И, кстати, стало понятно, почему в общаге пусто — все «наши» находились тут. Да и вообще, все факультеты, похоже, не только завтракали, но и активно что-то обсуждали.

По обрывкам доносившихся со всех сторон разговоров, я поняла, что вскоре ожидается какой-то местный праздник, и практически все девушки обсуждали, какие наряды наденут. Вот только что за праздник — студенческий или общенародный, так и не разобрала.

Впрочем, какая разница? От местной культуры я далека, от местного студенчества тоже. Да и вообще, даже если я на этот праздник и попаду, наряд выбирать не из чего. Ну, у меня, конечно, есть чудо-шкаф, но использовать его нельзя — ибо палево.

В общем, отбросив неприятные мысли, я прогулялась с подносом вдоль стеклянного прилавка и привычно направилась за свой собственный, отдельный, можно сказать элитный столик. Села. Потом огляделась еще раз.

И вот какая странность... точнее, несколько странностей обнаружили. Во-первых, я не нашла Дорса, во-вторых, не увидела Каста. Ну а рыженькая «эльфийка» Кэсси, с которой случайно встретилась глазами, как-то виновато улыбнулась и сразу же потупилась.

Раньше я никогда не была склонна к паранойе, но эта ее реакция, да еще на фоне отсутствия королей враждующих факультетов, напрягла очень.

Поэтому завтраком я буквально давилась, чтобы побыстрее вернуться на чердак и задать несколько вопросов моему чешуйчатому справочнику.

Если что-то происходит или произошло — Зяба точно в курсе и информацией непременно поделится. Но что, черт возьми, могло случиться?

Или все-таки паранойя?

Или...

Кое-как заглотив завтрак и завернув в салфетку пирожок с повидлом, я отнесла поднос к столу для посуды и помчалась в общагу. От коридора, ведущего в башню Огня, отделял всего один зал, и... вот там-то меня и подловили.

Дорс!

Он появился, словно из ниоткуда, загородил дорогу и с широченной улыбкой зычно поприветствовал:

— Доброе утро, Дашка!

Я откровенно растерялась.

Блондин держал в руках большой и, судя по всему увесистый, бумажный пакет. То есть он не пришел на завтрак, потому что в город мотался? Хотя мне-то какая разница? Главное, какого черта он делает сейчас?

Понимая, чем грозит это публичное приветствие, я отвела глаза и попыталась обойти водника, чтобы в случае чего с умным видом заявить — «синий» просто обознался. И этот самый «синий» прекрасно понял мой порыв, но вместо того, чтобы помочь, дернулся в ту же сторону, вновь закрыв путь.

— Да не торопись ты!

В его голосе звучало веселье, вот только мне смешно не было. Ни капельки. Наоборот, страшно стало. Нас же... черт, нас даже не «увидят», а уже увидели.

— Дорс! — шикнула я. — Ты что творишь?!

Но вместо того, чтобы как-то сгладить ситуацию или хотя бы отойти в сторону, этот ненормальный тип торжественно заявил:

— А у меня для тебя подарок! — И пакет ладонью погладил.

Я мысленно взвыла. Все. Приехали.

Не нужно было оглядываться, чтобы понять — все, кто был в зале, побросали дела и смотрят на нас. А те, кого в зале до этого момента не было, уже в темпе подтягиваются к месту шоу. И если учесть, что в столовке находился весь факультет Огня... В общем, я труп.

Приличные слова кончились, остался только мат. Но я все-таки нашла

в себе силы ответить культурно.

— Дорс, ты издеваешься?

— Нет, Дашунь, не издеваюсь. Совсем наоборот — я тут с крайне важной и полезной для тебя миссией.

Водник улыбнулся шире прежнего и с последними словами буквально впихнул тяжелый пакет мне в руки. Я взяла, чисто рефлекторно, а потом поняла: это же гуманитарная помощь нищим иномирцам! Но... Дорс, черт его побери! Неужели он не понимает, как сейчас меня подставил?!

— Дашка, успокойся, — наклонившись, шепнул парень. — Никто тебе ничего не сделает. Все хорошо. Все в порядке.

Да?! А слабо объяснить это застывшему на пороге зала Касту?!

Высказать этот вопрос вслух я не успела. В зале стало очень-очень тихо, и Дорс, словно почувствовав, обернулся и тоже рыжего «эльфа» увидел. А «эльф» не просто злился, он был взбешен. И когда первая оторопь при виде нас с него спала, Каст медленно, но очень угрожающе начал приближаться к нам. При этом глаза его, к моему ужасу, натурально светились алым!

Мамочки! Я уже не просто труп, я пепел от трупа!

А вот Дорсу бояться было нечего. Видимо, поэтому он и бросил лениво:

— Чего тебе, Каст?

— Крови, — прошептала я и осеклась под убийственным взглядом пылающих огнем глаз.

Нет, я даже не пепел. Я молекулы и атомы, через адронный коллайдер пропущенные.

— Значит, это все-таки ты, — прошипел рыжий, приблизившись и глядя на меня в упор. — Ты впустила «синих». Так, и за что же ты продалась?

Он потянулся к пакету, который я, к слову, с огромным трудом удерживала, но был остановлен холодным:

— Каст! Руки!

Ух! Я и не знала, что добряк Дорс умеет вот так.

— Вот, значит, что, — прошипел рыжий.

Что, простите, «что»?

Я все-таки не выдержала, обернулась. И мои самые худшие опасения подтвердились — за спиной стояла толпа вывалившегося из столовой народа. Лиц я уже не различала, но понимала, там все: и огневики, и водники, и маги земли с магами воздуха в придачу. И если последние не факт, что в курсе недавних разборок (вернее, диверсий), то первые...

Короче, все. Допрыгалась.

— Успокойся.

Я вздрогнула и не сразу поняла, что реплика Дорса предназначается не мне.

— Я тебя... — начал было Каст. Эти слова, как ни странно, тоже не мне адресовались.

— Успокойся, — жестко повторил Дорс и кивнул в сторону. — Пойдем, отойдем. Обсудить кое-что нужно.

Пижон не ответил. Просто развернулся и молча потопал в указанном направлении. Массивный белокрысый водник последовал за ним.

А я осталась одна. С тяжеленным пакетом и осознанием того, что очень хочу жить. И я даже согласна остаться в этом мире и стать очень хорошим магом! И я даже вторую Норрийскую империю создавать не буду!

Черт. Кажется, это истерика.

Меня никто не тронул. Вообще. В академии вдруг такое спокойствие воцарилось удивительное. Невообразимое! После того, как Дорс переговорил с Кастам, меня просто отпустили к себе и даже сверток отбирать не стали!

При этом Каст хоть и по-прежнему выглядел злым, но теперь злился явно не на меня и обвинениями в пособничестве водникам больше не кидался. А когда кто-то из сокурсниц попытался на эту тему заикнуться, шикнул на девчонку так, что та аж побелела с перепуга.

И почему, спрашивается? Что, черт побери, Дорс ему наговорил?!

Стуча зубами от надвигающейся истерики, я буквально взлетела на чердак. Отперла замок, дождалась щелчков щеколд твира, зашла... и впала в натуральный ступор!

Потому что здесь новый сюрприз обнаружился, на этот раз убийственный: на чайном столике лежал пухлый букет алых роз.

Но ведь дверь была закрыта! На замок и три щеколды, черт их дери! Три!!!

На мой с трудом выдавленный писк-вопрос «откуда?», Кузя со вздохом ответил:

— Ка-а-ас...

И все. Я окончательно выпала в осадок.

Лишь через несколько минут, когда я немного пришла в себя и вновь обрела дар речи, удалось выяснить подробности. Оказывается, едва я ушла на завтрак, у двери нарисовался пижон. Как и в прошлый раз, он без зазрения совести воспользовался отмычкой, а потом, путем грубого

шантажа, заставил твира отпереть дверь и втащил сей цветочный презент.

А уходил Каст, по словам Зябы, безмерно довольный собой, даже песенку какую-то насвистывал. И вновь воспользовался отмычкой, но на этот раз для того, чтобы запереть дверь и не испортить хозяйке чердака сюрприз.

Вот такие дела.

И что теперь с этим чертовым букетом делать? Выбросить? Хотя... вообще-то розы красивые и все-таки не виноваты, что их прислал такой моральный урод...

Я подошла к столику и поставила рядом переданный Дорсом пакет. Потом растерянно подняла цветы и внезапно обнаружила под ними небольшую карточку с золотым обрезом. На ней небрежным, но сильным почерком было написано: *«Моей страстной крошке. Жду следующей встречи. Каст»*.

Злость в душе вспыхнула с дикой силой, а нервы окончательно сдали.

— С-с-скотина! — не сдержавшись, взвыла я. — Какая я тебе крошка?! И с какого черта я вообще — твоя?!

Рывок к окну — и букет улетел куда-то вниз. Еще рывок — и я с яростью разрываю чертову визитку на множество мельчайших кусочков.

— Да-аш! Ну, Даш, успокойся!

Только оклик призрака и запрыгавший в беспокойстве рядом твир позволили хоть как-то вновь взять себя в руки.

— Ненавижу. — Я скрипнула зубами. — Зяба, ну вот чего он ко мне пристал? Что вообще тут происходит, а?

На первый вопрос монстр отвечать не стал. Зато у него другая информация имелась, и весьма любопытная.

А точнее, Кракозябр вкратце пересказал разговор двух королей. Дорс и Каст умудрились устроить разборку неподалеку от зеркала, а любопытный монстр, разумеется, все услышал.

Оказалось, Дорс наехал на рыжего по полной программе. Выкатил ему претензию, мол, король ты или кто? Девчонку с твоего факультета на произвол судьбы бросили, на грязный чердак заселили, ни одеждой, ни личными вещами не обеспечили. А ты, вместо того чтобы помочь, больше всех над нею глумишься. Ну и что, что она иномирянка. Она, мол, девчонка, понимаешь?

В общем, по словам Дорса, после такого весь Огненный факультет полным дерьмом в глазах остальных выглядел.

Интонации и выражения у водника при этом, как рассказал Зяба, были такими, что даже у него, призрачного монстра, уши завяли и поджилки

затряслись. Хотя тот же Зяба признал — водник Касту не угрожал, просто раскладывал ситуацию по полочкам, а заодно пенял на какой-то их «королевский» устав. Причем обещался при его игнорировании выставить это нарушение на обсуждение королей всех четырех факультетов. А это, насколько я поняла из объяснений, могло грозить Касту снятием с должности даже не взирая на мнение народа с факультета Огня. Каст в этот момент молчал и даже не шипел, но выражение лица, по признанию Зябы, было жутким.

Кроме этого Дорс рассказал рыжему, как именно устраивались диверсии в башне Огня. И даже сообщил, в каком месте защиты у огневиков дыра.

Вот в этом месте я изумленно охнула. Что же это, получается, Дорсу моя помощь и не нужна была?

— Нужна, нужна, — проворчал призрак. — Насколько я понял, это та самая слабина, которую твой приятель еще в прошлом году нашел. Он ведь еще тогда Касту грозился пакостить начать. Вот только эту слабину вскрывать долго и сложно. Во-первых, не факт, что огневики не засекали бы, а во-вторых, сил после этого на диверсию осталось бы намного меньше. Так что в одиночку Дорс не справился бы точно. Но Каст в такие подробности вряд ли будет вдаваться, он сейчас совсем другим, полагаю, озабочен.

— Это чем же? — буркнула я.

— Так ведь Дорс-то прав оказался насчет соблюдения «королевского» устава, — Зяба хмыкнул. — Касту теперь разруливать положение придется и народу ситуацию разъяснить. Да при этом надо будет постараться не потерять лицо. В общем, проблем у него более чем достаточно.

Я фыркнула и скривилась. Даже тени сочувствия не испытала.

— Так ему и надо.

— Угу. Только знаешь, Дашка...

Зяба замолчал, а я не выдержала, поторопила:

— Что?

— Не хочу тебя расстраивать, но Каст все равно не отстанет, — выдал призрак. — Он на тебя запал. Причем сильно.

О! Ну да, разумеется. И я даже знаю, что именно пижону от меня нужно! Он мне это вчера, у двери, очень наглядно продемонстрировал. А записка, приложенная к букету, иллюзии развеяла окончательно.

Рыжему нужна постель. Рыжий решил, что я слабее и что мною можно воспользоваться. Парни его типа часто именно с этой позиции на девушек смотрят.

— Каст идет лесом, — вслух заключила я.

— Дашка, я понимаю, о чем ты подумала, но ты не права, — неожиданно не согласился Зяба. — Ты ему действительно нравишься. По-настоящему.

— С чего такие выводы?

— Ты первая, кому Каст цветы подарил. И единственная, за кем он пытается ухаживать.

Я поперхнулась.

— Вот это все ты называешь «ухаживаниями»?!

— Ага, — уверенно подтвердил призрак. — Просто у Каста опыта в этом деле нет. Он никогда прежде расположения девушек не искал, они всегда сами приходили.

— Дуры, — не удержалась от комментария я.

Зяба вздохнул, но спорить не стал.

Вот и поговорили.

В пакете, преподнесенном Дорсом, оказались тетради, ручки, карандаши и прочая необходимая мне как воздух канцелярская мелочевка. Это несказанно обрадовало, потому что единственная тетрадь, выданная Глорией, была почти исписана.

Но не скрою, кроме радости я испытывала и сильное смущение. Просто быть нищенкой само по себе стремно, а быть нищенкой на довольствии неприятно вдвойне. В общем, пусть я и знала, что не виновата во всей этой ситуации с вещами, но в данном случае это не особо успокаивало. Все равно краснела и чувствовала себя не только нищей, но и жалкой.

И это была основная причина, по которой я не пошла на обед. Просто не могла дать гарантии, что, оказавшись на людях, смогу удержать лицо, а увидев Дорса, или Кэсси, или кого-то еще, не засмуцаюсь.

Ведь на людях смущаться категорически нельзя, тем более сейчас. Я должна воспринимать ситуацию с гуманитарной помощью и заступничеством Дорса спокойно, будто так и надо. Иначе ерунда получится. Если не сдержусь и выдам себя, все поймут, что пофигизм, который я демонстрировала все это время, — фальшивка.

Ну а если пофигизм не настоящий, значит, у человека и другие слабые места имеются. Их можно вычислить, по ним можно ударить. А я не хочу, я просто не имею права становиться жертвой. Поэтому... сидим и обретаем душевное спокойствие. Да-да, именно так — сидим и обретаем.

Вторым поводом пропустить обед оказался легкий, но все-таки страх.

Умом я понимала, что все сказанное Кракозьябром правда, и огневики теперь меня не тронут, но... береженого бог бережет, верно? Нужно дать сокурсникам хотя бы пару часов на то, чтобы привыкнуть к мысли о том, что иномирянка к их злоключениям отношения не имеет. И что обижать ее не нужно.

Ну а третьим поводом остаться на чердаке был Каст.

На рыжего я злилась, причем чем дальше, тем сильнее. И дело было совсем не в букете с запиской — это уже прошло, и не в намерениях. Точнее, не только в них, ибо намерения к делу не пришьешь. Ну и не в гипотетической симпатии, конечно. Причина злости заключалась в том, что пижон посмел пробраться на чердак в мое отсутствие.

Это, простите, свинство. Чердак — моя территория. Мое личное, законное убежище. Он не имел права так поступать, даже из самых лучших побуждений!

Вот как мне после этой его выходки тут жить? Как ложиться спать, зная, что «величество» недобитое может взять и без спросу ввалиться «в гости»?

Нет, ну понятно, что если тут буду я, то Каст вряд ли сможет заставить Кузю открыть дверь, но прецедент-то уже был! И от него никуда не денешься!

И, кстати, о Кузе... Твир от своего поступка жутко расстроился. Сначала держался, а потом — все. Хвост поджал, ушки повесил и под диван забился. Полчаса его оттуда выковыривала, объясняя: уж кого-кого, а его я не виню. И знаю, что тот не мог поступить иначе. И вообще, когда Кузя вырастет, вернее, когда мы его откормим, твир эту рыжую гадость за все места покусают. А я потом пульсаром, ну или ножкой от стула добью.

В общем, твир я кое-как успокоила, а вот себя успокоить так и не смогла. Но, несмотря на переизбыток эмоций, слишком хорошо понимала — мне нельзя ссориться с Кастом. Только не сейчас.

Он — король, причем король, которому «подкрутили хвост». В данный момент Каст занимается тем, что строит «подданных» на предмет терпимого отношения к иномирянке. А что будет, если я не сдержусь и вылью на него все те слова, которые вертятся на языке? И, тем более, если у нашего разговора найдутся свидетели?

Убеждена на двести процентов — Каст не стерпит, и все усилия Дорса по налаживанию моей жизни пойдут прахом. Рыжий пижон меня по стенке размажет, и ему даже возразить не смогут, потому что это будет ситуация из серии «сама нарвалась».

Отсюда вывод: встречаться с Кастом сейчас нельзя, потому что на

данный момент я сдерживаться не способна. Следовательно, опять-таки... сидим и обретаем душевное спокойствие. Сидим, блин, и обретаем!!!

И уже совсем отдельно — стараемся не злиться на себя за то, что выходной потрачен самым бездарным образом. Да, он еще не закончился, но уже потрачен!

Изначально я собиралась посвятить его учебе, а в итоге — ноль. То есть, несмотря на взвинченное состояние, я все же честно попыталась сесть за учебники, но ничего не вышло. Буквы послушно складывались в слова, слова в предложения, но смысл этих предложений до мозга не доходил.

Хотя вру. Кое-что все-таки дошло. С горя я открыла учебник из серии «говорильня» с красноречивым названием «Философия магии Огня». И вот там, едва ли не через страницу, ограненным бриллиантом блистала мысль: раскройте свою душу и вот тогда обретете истинную силу.

Капец! Душу, блин, раскройте!

Некстати снова вспомнился Каст. Этот, как метко подметил Дорс, прыщ, самый сильный на факультете. Следовательно, если верить учебнику, душа у рыжего «эльфа» не то что открыта, а вообще проходной двор какой-то. Но на деле-то... черт, ну это же не так!

И где логика? Где вообще справедливость?! Почему какой-то рыжий, предельно бесстыжий тип круче всех?

Или я чего-то не понимаю? Или слово «душа» в этом мире обозначает нечто иное, нежели у нас, и фразу из учебника следует понимать, например, так: раздуйте свое эго до вселенских размеров!

Если так, то мне никогда крутым магом не стать. И, значит, я не смогу послать Полар к черту и вернуться домой. А если я не смогу вернуться домой, то зачем вообще мучиться? Проще пойти к ректору и попросить о переводе в то самое «куда менее приятное заведение». Потому что жизнь тут — не жизнь! А в психиатрических лечебницах хотя бы препараты от депрессии имеются...

Вот на этой мысли я не выдержала. Закрывает учебник и, плюнув на все, завалилась на кровать. После чего укрылась одеялом и вознамерилась «переспать» этот жуткий стресс. Но тут в дело вмешался Кракозябр.

— Даш, ну что такое? Тебе совсем плохо?

— Угу, — буркнула я, хотя понимала, что зеркало стоит слишком далеко, и Зяба вряд ли услышит.

Но он услышал.

— Чем помочь?

— Психолога мне вызови, — пробормотала я.

И снова не думала, что услышит. И уж тем более не надеялась, что поймет. Однако опять ошиблась.

— Прости, Даш, но в этом мире психологов не водится, — ответил призрак.

Почему я не удивлена?

— Тут все психологические проблемы решают путем посещения храма. И я тебе все-таки советую — сходи. Хоть выговоришься.

— Очень смешно.

— Даш, а я не шучу, я серьезно. — Голос Зябы и впрямь был серьезен. Кажется, призрак действительно за меня беспокоился. — К тому же там очень красиво.

— Угу. И зеркал там, наверняка, очень много. — Я скривилась. — И ты будешь сидеть невидимый, уши свои чешуйчатые греть.

— В главном зале зеркал вообще нет.

Фраза прозвучала с такой неприкрытой досадой, что я невольно улыбнулась. Вот ведь проныра, ну везде пролезть пытается.

— А еще сейчас время особенное, — продолжал призракный монстр. — Скоро большой праздник, и боги гораздо охотнее прислушиваются к молитвам. Ты можешь попросить помощи в учебе, например.

Кажется, это я уже слышала. Но в тот раз мне было немного плевать, а теперь... Нет, все-таки не верю. К тому же...

— Зяба, спасибо тебе, конечно, но я вообще-то христианка, — сообщила призраку я.

— И что?

Хм... ну как что? Не положено мне. Да и неправильно это — идти к другому богу. Даже с учетом того, что верующая из меня так себе. Нет, я, как большинство, с удовольствием ем кулич на Пасху и с радостью дарю подарки на Рождество. И, в принципе, на этом моя религиозность заканчивается, но...

— Дашка, прекращай, — встрял в размышления Зяба. — Во-первых, ты не на Земле, а на Поларе. Здесь, знаешь ли, свои порядки, а о христианстве и Святой Троице никто понятия не имеет. Во-вторых, поклоняться нашим богам тебя никто не заставляет. Но поскольку магия Огня в тебе все-таки есть, значит, связь с Огненным покровителем тоже имеется. И бог Огня действительно может помочь.

— Наделить меня невероятной силой?

Это была ирония, но кракозябровское чувство юмора, видимо, взяло отгул на сегодня. Монстр ответил на полном серьезе:

— Теоретически возможно и такое, но на практике — я не знаю аргументов, которые способны подвести Ваула к такому решению.

— Кого-кого?

— Бога, Даш. Главного покровителя твоей стихии зовут Ваул.

Вау. Надо же.

Не скажу, что аргументы призрака действительно показались убедительными. Но из-под одеяла я все же выбралась и направилась к шкафу одеваться. Нет, просить Ваула о немереной силе или чем-то другом я не собиралась. Я вообще, если честно, не особо верила в существование какого-то отдельного Огненного бога. Просто вот эта предпоследняя реплика Зябы...

Короче, мне просто жизненно необходимо прогуляться. Хотя бы и в храм. Иначе точно с ума сойду.

— Так, а в чем пойдешь-то? — вновь подал голос монстр.

— В мантии, разумеется. Я не настолько смелая, чтобы идти в храм, пусть и чужого бога, в мини.

Как добраться до обители главного огневика всея Полара, рассказал тот же Зяба. Призрак оказался довольно неплохим «навигатором», так что я умудрилась не только найти храм Огня, но и не заплутать по дороге. Хотя, признаться, плутать-то особо негде было: храм находился не так и далеко.

Это был мой первый выход за пределы академии, ну и первая прогулка на свежем воздухе за все то время, что я здесь училась.

В процессе этой прогулки выяснилось, что сам замок, в котором располагается Академия Стихий, не только большой, но и довольно устрашающего вида. Явно очень старый, сложенный из огромных, потемневших от времени камней. С окнами разных размеров, от больших до узких бойниц, и несколькими шпилями. А еще каждый из четырех углов замка заканчивался высоченной башней, увенчанной флагом цвета одной из стихий.

Кроме того я узнала, что наша академия окружена здоровущим забором. Учитывая прием, который мне тут оказали, вывод о причинах возникновения этой стены напрашивался только один — чтобы жертвы-студиозусы не сбежали.

Единственное, что по-настоящему мне понравилось — очень ухоженный парк, с невысокими деревьями, фигурными кустами и посыпанными мелким белым щебнем дорожками. Одна из таких дорожек — та, что брала начало у входа в башню Огня, и вела к Огненному храму.

Сам храм оказался невысоким, если по меркам моего мира судить.

Примерно с трехэтажное здание, внешне чем-то похожее на древнегреческий парфенон в миниатюре. По крайней мере, тут наличествовали точно такие же мраморные колонны и треугольная крыша. Да и внутри значительное сходство обнаружилось.

Войдя, я миновала небольшой «предбанник» и попала в огромный, залитый светом зал. По обеим его сторонам тянулись цепочки мраморных колонн, а на верхние этажи уводили две беломраморные лестницы. Вопреки ожиданиям, огня здесь было не очень много. Он присутствовал лишь на редких факелах, да на люстрах под потолком.

Несмотря на огромные размеры, зал был практически пуст. Главное и единственное его украшение располагалось в полукруглом алькове на противоположном конце от входа. Им являлась огромная мужская статуя из золота, восседающая на таком же огромном золотом троне. А подле него — огромные чаши с ярким пламенем.

Перед статуей тянулось несколько рядов со скамьями и, немного поразмыслив, к ним я и направилась.

Подойдя ближе, я смогла разглядеть Огненного бога получше. Ваул оказался красивым мужчиной с точеными чертами лица и красивой фигурой. И одет он был в балахон наподобие тех, которые носим мы, только у божественной хламиды по рукавам и подолу вился сложный красивый узор.

А еще Ваул выглядел открытым и дружелюбным. И я невольно ему улыбнулась.

Улыбка бога компенсировала некоторую холодность и величественность храма, так что стало уже не так неуютно находиться тут совершенно одной.

Молиться я по-прежнему не собиралась, но и возвращаться на чердак вот так, сразу, не хотелось. Прогулка по парку тоже как вариант не рассматривалась, ибо там точно кто-нибудь мог встретиться.

Поэтому я вновь огляделась и, убедившись, что по-прежнему одна, подошла к первой скамейке и села.

Все-таки интересно тут. И как-то даже уютно. Может, это потому, что я маг огня?

Я молчала довольно долго, потом все-таки не выдержала, и, повинувшись... ну даже не интуиции, а какой-то внутренней дури, наверное, сказала тихо:

— Привет.

Бог, к моему великому счастью, не ответил. Ибо все знают: когда ты говоришь с богом — это молитва, а когда бог говорит с тобой — это... ну,

короче, оно самое.

— Как поживаешь?

Ваул снова промолчал, а я улыбнулась. Все-таки не сумасшедшая, даже несмотря на то что внезапно потянуло поговорить со статуей.

— Ладно, — я перешла на едва различимый шепот. — Уверена, что у тебя все хорошо, ты же бог. А вот у меня, если честно, не очень. Ты не подумай, я вообще-то не люблю жаловаться, наоборот. Я самонадеянно отношу себя к числу тех людей, которые решают проблемы не слезами, а действием. Но ты же все равно меня не слышишь, правда? Так что я тут... сама с собой. Просто выговорюсь. Хорошо?

Против он, разумеется, не был. Поэтому я продолжила:

— Короче, понимаешь, дорогой Огненный бог, все фигово. Хуже просто не бывает. У меня есть одна очень большая проблема — я иномирянка. Что я тут делаю? Ну, так эти... — я поморщилась, вспомнив лицо Глуна, — козлы-колдуны по приказу какого-то там Магического Совета меня в ваш мир притащили. И наврали с три короба, мол, магов у вас тут не хватает, и все такое. Но я им не поверила и правильно сделала, потому что, как позже выяснилось, никому я тут на самом деле не нужна. Я — девочка для галочки. Девочка, которая требуется только для того, чтобы ее, в случае проверки, начальству показать. И учить меня никто не собирается. Знаешь, Ваул, это не просто неприятно, это реально обидно. Тем более что у меня получается. Представляешь, я ведь только неделю тут, а уже смогла создать пульсар. Причем сама, без всякой помощи.

При этих словах я невольно вспомнила о Касте и снова скривилась. Но потом мотнула головой и вздохнула.

— Но на пульсар этим магам тоже плевать. Они тут все циники законченные, особенно твои, огневики. С чердаком помог твир, за что ему огромное спасибо. Не знаю, что бы без него делала. А моим советчиком стал призрак из зеркала — вредничал поначалу, но сейчас вроде дружим. Ко мне тут только один человек хорошо отнесся, и он водник, представляешь?

Теперь я не морщилась, а улыбалась, но на глаза все равно навернулись жгучие слезы обиды. Не на Дорса обижалась, разумеется, а на весь остальной мир.

И да, я не люблю жаловаться! А тут, на Поларе, вообще в первый день жаловаться перестала, потому что поняла — бесполезно, не слышат. Вот и Ваул не слышал, но я все равно решила рассказать. В конце концов — он их самое главное начальство!

— Огневики вообще как последние сволочи себя со мной повели.

Заселили на грязный чердак, вещи из дома взять не позволили. Одна девушка, Кэсси, подарила мне расческу, зубную щетку и так, кое-что по мелочи. А остальные сокурсники надо мной только глумились. И больше всех издевался их так называемый король Каст. Он узнал о том, что я кормлю твира, и шантажировать начал. А потом... в общем, ладно, не важно, все его зверства меркнут на фоне вчерашнего и сегодняшнего. — Я утерла слезу. — Вчера Каст меня банально заловил и насильно поцеловал. Как вспомню его язык у себя во рту, так вздрогну — фу! А сегодня Каст и вовсе вломился ко мне на чердак в мое отсутствие. Как к себе домой! Представляешь, насколько паршиво я теперь себя чувствую? Совершенно беззащитной! И не представляю, что этому рыжему чудовищу завтра в голову взбредет. И глядя на все, что происходит вокруг...

Я сорвалась и некрасиво всхлипнула, ибо слезы в этот момент полились ручьем. Но выговориться до конца все равно было нужно. Просто иначе нервы уже не выдерживали.

Поэтому я попыталась взять себя в руки, утереть рукавом лицо и договорить.

— Ваул, я же не дура. Я прекрасно осознаю — случись что, за меня только Дорс вступится. Но не уверена, что влияния водника хватит. Тем более, где водник, а где наша башня Огня... В общем, если Каст опять начнет распускать руки, если доведет до... Короче я боюсь. Я ужасно злюсь и вместе с тем ужасно боюсь насилия. Да, я изо всех сил пытаюсь быть храброй и не сдаваться, но мне нечего противопоставить этому ушибленному головой магу. — Обхватив себя руками, я грустно посмотрела на золотую статую. — Нет, не подумай, что я прошу у тебя силу или что-то еще. Вообще ничего не прошу, мне ничего не надо, кроме возможности спокойно учиться магии Огня. Но если ты вдруг меня все-таки слышишь и тебе не безразлично... повлияй, пожалуйста, на адептов своего культа. Дай им немного ума. Можно не всем, можно только Касту. Ну и профессору Глуну чуть-чуть, а то он тоже головой ушибленный. Руки, конечно, не распускает, но таким волком смотрит, что я каждый раз вздрагиваю, когда его встречаю.

Все. Выговорила.

И даже слезы высохли.

Все-таки прав был Зяба, когда меня сюда послал. Конечно, от разговора с психологом посещение храма отличается, но тоже помогает.

Я глубоко вздохнула и уже хотела встать со скамьи, но вдруг поняла, что не могу. Тело охватила внезапная, непреодолимая слабость. Я вздохнула еще раз, сосредоточилась и попыталась подняться снова...

Бесполезно.

А в следующий миг я ощутила жар, словно вокруг огонь полыхнул. К горлу резко подкатил комок страха, сердце болезненно сжалось. Секундное предчувствие невероятной опасности, и лоб обожгло нестерпимой болью.

Еще мгновение, и все исчезло. Никакой боли, никакого жара, никакой слабости.

Я вскочила на ноги и... нет, не убежала. Замерла, гневно уставившись на золотую статую, восседающую на троне.

Огневик! Самый главный огневик! То есть один из них. Один из тех, кто сделал все, чтобы меня сломать. Черт, какой же я была душой! Ведь только полная дура могла прийти и говорить с тем, кто... Ах да пошли вы все лесом! Во главе с вашим Ваулом! Пугать он меня, видите ли, вздумал. Урод!

Вот теперь я развернулась и, гордо чеканя шаг, направилась к выходу из храма.

Больше я сюда ни ногой. Ни за какие коврижки.

Только на этом история не закончилась. Пакость всего произошедшего я в полной мере оценила, когда вышла из главного зала во второй, тот самый «предбанник». Дело в том, что на стене у входа таки обнаружилось узкое зеркало. И когда я увидела в нем свое отражение, остолбенела и едва не рухнула. На моем лбу, ровно посередине, красовалось алое пятно с пятак размером.

Когда вызванное этим зрелищем оцепенение спало и я нашла в себе силы подойти к зеркалу и приглядеться, выяснилось: это не просто пятно — это символ! Заключенный в круг не то иероглиф, не то какая-то руна.

Блин! Да это клеймо натуральное! Вот только его мне для полного счастья и не хватало!

Я судорожно лизнула палец и попыталась стереть знак со лба, но — увы. Тот даже и не думал поддаваться.

— Только не говорите, что это татуировка, — прошептала я. А потом сообразила, что стою у зеркала, и позвала шепотом: — Зяба!

Мой призрачный друг не ответил.

Я позвала еще раз, и еще, но ничего не случилось.

Может быть, в храмовых зеркалах какая-то особая магия, которая не пускает Зябу? Или проблема в том, что храм находится за пределами замка?

Черт, нет. Вряд ли. Ведь призрак сам сказал — в главном зале храма зеркал нет. То есть о зеркалах в малом зале монстр знает. То есть он тут бывал. Но почему тогда не приходит сейчас? Неужели не слышит? Или...

Блин! Только не говорите, что у нас снова что-то стряслось!

Глава десятая

Назад в академию я, конечно, не бежала, но шла очень быстро. И старательно прикрывала ладонью лоб, чтобы не пугать редких встречных адептов своим видом. На бег сорвалась лишь в последний момент, когда миновала студенческие этажи общаги.

Но опасения, к счастью, не оправдались. Ничего ужасного, по крайней мере на первый взгляд, не случилось. На чердаке царили тишина и покой. Ну и порядок, за которым присматривал маленький, похожий на непропорциональный огурец, твир.

— Зяба, я звала тебя из храма, — подлетев к напольному зеркалу, выдохнула я. — Ты почему не пришел? Почему не ответил?

— Я занят, — буркнули откуда-то из глубины, даже не изволив показаться.

— Ах, за-анят...

Честно говоря, хотелось спустить на Зябу всех собак, потому что переволновалась зазря и вообще. Но потом плюнула на молчание монстра и, пользуясь тем, что призрак до сих пор так и не проявился, вновь взгляделась в собственное отражение. Точнее, на алый символ, который украшал теперь мой лоб.

Нет. Все-таки это катастрофа.

Я снова лизнула палец и опять попыталась оттереть «божественное клеймо», но символ держался как влитой. Можно было, конечно, рвануть в ванную и попробовать умыться с мылом, но я как-то очень ясно поняла — не поможет. А после недолгого изучения и вовсе стало ясно, что это даже не краска, а сама кожа пигментацию на ярко-алый изменила.

И что теперь делать? К кому с этой бедой идти?

Кстати об «идти»...

— Зяба, ты куда меня послал, а? — В моем голосе против воли прозвучала обида. — Зяба! Ты только посмотри, что они со мной сделали.

— Я занят! — повторил призрак нервно.

— А у меня катастрофа, — печально вздохнула я.

— Да что... — начал было монстр, но осекся и тут же проявился в зеркале. — Ого! Дашка, а это...

Кракозябр снова осекся и как будто нахмурился. Увы, по его морде мимику определить было сложно, по голосу куда легче.

— Зяб, я не буду тебя ругать, — пообещала я. — Просто объясни —

как свести эту гадость.

— Гх-м... — призрак кашлянул, а потом буквально убил ответом: — Никак.

— Что?!

— Так, спокойно, не волнуйся.

— Что значит «не волнуйся»?! — воскликнула я в панике. — Зяба, ты что, не видишь? Я уродка!

— Успокойся, — выдохнул тот. — Все хорошо. Оно само пройдет.

— Когда?!

— Ну-у, — Зяба запнулся. — Кажется, такие следы держатся недели по две. Прости, я точно не помню.

Две недели?! Все. Финиш.

Я взвыла и закрыла руками лицо.

— Ну чего ты опять расстроилась, Даш? Ну чего ты...

— Чего?! — перебила я. В глазах стояли злые слезы. — И ты еще спрашиваешь? Раньше я была презренным изгоем, а теперь еще и уродкой стала! Ты только посмотри на эту штуку, ее же никак не спрятать. Разве что челку отрезать, но и тут засада — у меня ножниц нет! Хотя...

Резко обернувшись, я бросила взгляд на рабочий стол. Среди подаренной Дорсом канцелярки ножницы, кажется, были. Правда, маленькие, для бумаги, но если очень постараться, то и ими, наверное, справиться можно.

— Даша, хватит паниковать! — рыкнул явно раздраженный моим поведением призрак. — Никакой ты не урод. На это вообще никто внимания не обратит.

— То есть? — Я недоверчиво посмотрела на Кракозябра.

— Такой символ получает каждый, кто приходит в храм в первый раз. Это нормально. Ничего особенного, понимаешь?

Честно? У меня появилось четкое ощущение, что Зяба врет. Но причин не верить монстру вроде как не было. Просто с той поры, когда он... даже не врал, а кое-что недоговаривал, столько воды утекло. И сейчас зачем бы призраку это делать?

Поэтому я поджала губы и кивнула. Мол, понимаю, осознаю.

— Кстати, если ты хочешь успеть на ужин, то поторопись, — добавил призрак.

Тут же вспомнилось, что я не обедала. А мохнатый огурец, слышав слово «ужин», встрепенулся, спрыгнул с кресла, на котором все это время сидел, и подлетев ко мне, пропищал:

— Бу-те-р-бро-о-о!..

Ах ты моя маленькая голодная прелесть.

Я присела на корточки и пощекотала пушистую мордашку. Потом встала, тяжело вздохнула и отправилась на ужин. И даже мантию снимать не стала, потому что когда у тебя «звезда во лбу горит», сверкать ногами совершенно не хочется. Наоборот — есть желание забиться в дальний угол и не высовываться до тех пор, пока все не наладится.

В столовую я, несмотря ни на что, все же очень спешила. Но не только из-за того, что проголодалась — нужно было успеть разжиться хотя бы одним бутербродом или булочкой. Потому что, по официальной версии, я именно на мучной, а не на мясной диете. А то что мяса с собой прихватчу, так это к хлебу! Да-да, к хлебу, а никак не к твиру.

Поэтому я спешила, по сторонам не смотрела, и никак не ожидала встреч. Но одна встреча все-таки случилась, и избежать ее не то что не удалось, а...

В общем, все случилось по закону подлости. Я не просто его встретила, я на него еще и налетела — просто очень уж неожиданно он в дверях появился. Высокий, надменный и в белой рубашке, сильно похожей на ту, в какой он был в моем сне.

— Эй, полегче! — воскликнул фон Глун, придерживая меня за плечи.

А я тут же отскочила и... смутилась. Да, смутилась, причем жутко! Потому что, несмотря на раздраженные нотки в его голосе и откровенно недовольное выражение лица, сегодняшней сон вспомнила.

Его губы, его властные, не слишком ласковые прикосновения, и страсть, которая была между нами, но которой... черт! Да не было ничего, кроме обычной игры больного воображения!

Но даже понимание собственной глупости не помешало сердцу застучать сильнее, а щеки опалило жаром, словно все было наяву. Черт, почему я опять об этом сне вспомнила? Неужели он так меня задел?

— Простите, профессор, — пробормотала я. Прозвучало откровенно жалко.

— Проща... — начал было фон Глун, но осекся и застыл, неотрывно глядя на мое лицо.

У-у, похоже, «красоту» на лбу увидел.

— Ты ходила в храм? — спросил брюнет тихо, как будто не мог в это поверить.

Так, не нервничай, Даша. В конце концов, между тобой и этим надменным профессором ничего не было. А переживать насчет знака и вовсе не стоит. Ведь Зяба объяснил, что это такое, и стыдиться тут нечего.

— Да, — подтвердила я, кое-как взяв себя в руки.

После чего сделала маленький шагок в сторону, намекая, что кое-кому неплохо бы выйти из дверного проема и освободить проход. Но Глун плевать хотел на мои намеки.

— Ты ходила в храм, и?..

Что «и»? Его волнует тот факт, что символ стоит на лбу иномирянки? Что, эту красную гадость только местным ставят? Тогда я тоже готова возмущаться, потому что мне алый иероглиф очень не нравится. Я не фанат татуировок, тем более в таких местах.

— Профессор, вы имеете что-то против? — ровно спросила я.

Куратор заломил бровь, но не ответил.

А желудок уже крутило от голода, поэтому я вздохнула поглубже и сказала как есть:

— Лорд Глун, простите, но я опаздываю на ужин. Вы могли бы...

Он ухмыльнулся. Но как-то не так, как обычно, и отошел в сторону, освободив проем.

— Ну ладно, иди.

Тон брюнета мне не понравился. Вот вообще. И это его «ну ладно» тоже очень не понравилось. Но стоять в коридоре рядом с Глуном было куда неуютнее, поэтому я бочком проскользнула мимо профессора и быстро побежала вниз по лестнице.

В самую столовую влетела вихрем. Смущаться своего внешнего вида и блямбы на лбу уже не могла — кажется, встреча с куратором остатки нервов убила, и переживать стало просто нечем.

Под пристальными взглядами раздетых в нарядную одежду студиозусов я прошла к столу, где стояли чистые подносы, и отправилась добывать себе ужин.

А на меня косились, причем очень дружно и откровенно. Такого внимания, пожалуй, я даже в первое появление здесь не удостоивалась. Я буквально спиной и затылком чувствовала множество чужих взглядов. И чем дольше дородная женщина в сером платье ловила щипцами последнюю отбивную, тем ощутимее они становились. И одновременно повышался уровень моего пофигизма.

Да, я пришла на ужин в мантии, и что? Да, была в вашем храме и общалась с вашим огненным Ваулом, и опять-таки кому какое дело? И да, я теперь красивая дальше некуда! У меня на лбу красная фигня, которая издали похожа на гигантский фурункул, и что дальше?!

Не буду переживать. Какая есть, такая есть. Нравится — берите, не нравится — идите лесом.

К моменту, когда поднос был полон, и на нем, кстати, целых три бутерброда лежало, что очень-очень радовало, мой пофигизм вознесся до небес. Все. Можете ржать и даже пальцами на меня показывать. Мне плевать, я в танке!

С этой мыслью я развернулась к своему элитнейшему из столиков... и едва не споткнулась. Потому что за столиком сидел король нашего факультета собственной персоной и смотрел на меня огромными круглыми глазами. Будто самое чудное из чудес увидел.

Блин. Не позволю! Никому не позволю сбить меня с пути истинного! Мне плевать на всех, а на Каста в особенности.

Я гордо вздернула подбородок, подошла к столику, поставила поднос и сказала тихо:

— Это мое место, Каст. Будь любезен, освободи.

Рыжий, все такой же офигевший и неадекватный, отрицательно качнул головой.

Ну и ладно. На нет и суда нет. Подхватив поднос, я направилась к другому столику, туда, где сидел Дорс с друзьями. Конечно, при этом я понимала, что рискую быть посланной, но надежда оказалась сильнее страха и здравого смысла.

— Можно мне поужинать с вами? — подойдя к столику водников, спросила я.

Дорс, почему-то такой же офигевший, как и Каст, кивнул и подвинулся.

Ура! Я спасена.

Поставив поднос, я осторожно опустилась на скамью и улыбнулась сотрапезникам «синего» — девушке с вечно-томным взглядом и хиловатому парню. Потом повернулась к Дорсу и шепнула:

— Спасибо. Ты меня очень выручил. И за тетради спасибо, я...

— Дашка, ты попала, — перебил Дорс. — Причем сильно.

Попала? Куда?

А в следующий миг у нашего столика возник Каст. Рыжий уже справился с шоком и вернулся в обычное рычаще-шипящее состояние. Он уперся ладонями в стол, наклонился ко мне и... ну, собственно, прошипел:

— Как это понимать?!

О, черт. Как же достал этот пижон.

— Каст, я голодная. — Тихо, но твердо сообщила я.

Выслушивать его очередные упреки и участвовать в сомнительных разборках я не собиралась.

— Каст, дай девушке поесть, — поддержал Дорс. — Тем более что на

обед она не ходила.

Рыжий на этот призыв отреагировал странно: выпрямился, развернулся и помчался прочь из столовой. И, глядя Касту вслед, я искренне недоумевала, с чего он так завелся? А еще где-то в глубине души радовалась — вот! Оказывается, не только этот пижон меня доставать может, но и я тем же ответить могу.

А вот профессору Глуну сегодня точно не везло с дверьми. Потому что именно на входе в него врезался вылетающий из столовой Каст. И рыжий, в отличие от меня, перед Глуном не извинился, так что я решила считать это добрым знаком. Не все же аристократу хамить иномирным студенткам, пусть и ему достанется.

Удовлетворенно хмыкнув, я отвернулась и придвинула поближе тарелку с отбивной. Но едва успела отрезать первый кусочек, как за спиной прозвучало холодное:

— Дарья, пройди в деканат.

Глун! Чтоб ему пусто было!

— Профессор, — пока я давилась отбивной, ответил Дорс, — дайте Даше хотя бы поужинать. Вам ведь не нужен голодный обморок, правда?

— Полегче, студент, — процедил фон Глун.

Я в этот момент ни на водника, ни на куратора не смотрела, но Дорс, кажется, слегка смутился. Ну и ладно. А я смущаться не буду. Я буду молчать, игнорировать и есть!

— Дарья, ты слышишь? После того, как поужинаешь, жду в деканате.

То есть у кого-то все-таки существуют хоть какие-то зачатки совести.

— Да, профессор, — прожевав кусочек, кивнула я. — Как скажете.

И только теперь заметила, что в многолюдной, вообще-то, столовой стоит абсолютная, гробовая тишина. Черт. Кто-нибудь объяснит, что происходит?

Едва фон Глун отошел, я бросила молящий взгляд на Дорса, но водник пояснений не дал.

— Огонь — не моя стихия, — наклонившись ближе, шепнул он. — Так что подробностей я не знаю, Даш. Но мне хорошо известны знаки этого типа, и если это то, о чем я думаю, то ты попала.

— Мне сказали, что этот знак ставят всем, кто впервые посещает храм, — тем же шепотом откликнулась я.

Дорс улыбнулся, как улыбаются несмышленным детям. А потом отрицательно покачал головой и добил:

— Тебя обманули, крошка. Все совсем не так.

Все. Зяба, готовься, ты труп! Вот только выясню что к чему и... нет,

еще не знаю, что я с тобой сделаю, но сделаю обязательно!

Я пожалела о своей покладистости едва вошла в деканат — в просторном, рассчитанном на добрую дюжину преподавателей помещении, не было никого, кроме профессора фон Глуна. Брюнет сидел в своем кресле и хмуро выстукивал кончиком карандаша по мраморной столешнице какой-то рваный ритм.

Завидев меня, профессор даже позы не сменил, просто с неудовольствием поджал губы и кивнул на стоящий подле стола стул. А я... а мне... мне опять его губы вспомнились. Чертов сон! Так, все, надо забыть. Выбросить эти пошлые образы из головы и даже не думать перед ним краснеть!

Расправив плечи, я подошла к столу и уверенно села. После чего не без опаски уставилась на куратора.

— Значит, ты ходила в храм, — задумчиво протянул фон Глун.

Я промолчала, потому что на этот вопрос уже отвечала, причем дважды. А вот следующая реплика была из числа новинок:

— Но как это случилось? — указав кончиком карандаша на мой лоб, спросил брюнет. — Как тебе удалось?

Как удалось? Занятная формулировка, и я даже знала на нее ответ. Но объясняться и рассказывать о своей маленькой истерике перед статуей Ваула не хотелось. И вообще, меня в данный момент интересовало только одно — чем аукнется мне этот дурацкий «фурункул». Поэтому ограничилась минимумом:

— Профессор, я просто пришла в храм, посидела на скамейке, а когда попыталась встать, на меня накатила ужасная слабость. Потом лоб будто огнем обожгло, и вот результат.

— Просто сидела и все?

Примечательно, что, несмотря на довольно кислую мину, фон Глун не обвинял. И даже язвительных ноток в его голосе не звучало. Наверное, именно поэтому я вздохнула и все-таки призналась:

— Ну, кроме этого я немного рассказала Ваулу о себе.

— Что именно ты сказала? — Брюнет подался вперед.

Теперь он напоминал увидавшего добычу ястреба. Жесткого, хищного, стремительного.

Но я не смутилась и не растерялась. И, отрицательно качнув головой, с достоинством произнесла:

— Простите, лорд Глун, но вас это не касается.

Декан демонстративно изогнул бровь, в мгновение ока вновь

преобразившись из хищника в надменного аристократа, а я не смогла сдержать улыбки. Сама не знаю, отчего смешно стало. Может, от того, что чувствовала — вот теперь мне точно ничего плохого не сделают. Никто, даже Глун.

— То, о чем я рассказала Ваулу, касается только нас двоих, — пояснила я. — Тайна исповеди. Понимаете?

Фон Глун неприятно скривился, но настаивать не стал.

— Что ж, пусть так. Жаль только последствия этой исповеди не одной тебе расхлебывать.

Ну наконец-то! Хоть одно обвинение! А то я уже расслабилась и начала подумывать, что в нашем кураторе есть что-то человеческое.

— Я готова, профессор, — спокойно сообщила я и выпрямилась на стуле, демонстрируя внимание. Даже руки на коленях сложила, как примерная девочка.

Куратор опять бровь заломил, но я этот его взгляд выдержала, ибо если берешься блефовать, то блефуй до конца. А Глун откинулся на спинку кресла, устало вздохнул и огорошил совершенно нелогичным в данной ситуации вопросом:

— Даша, ты танцевать умеешь?

— Э-э? — Я вытаращилась на него. — Простите?

— Ясно. Так и думал. Что ж, значит, будем учить. Завтра ты свободна, а послезавтра, после занятий, я за тобой зайду.

Зайду? Мне не послышалось? Какого черта?

— Времени на подготовку немного, всего две недели, — продолжал брюнет, — поэтому заниматься будешь каждый день после занятий. И, кстати, твоё окно по медитациям мы, пожалуй, тоже используем. Жриц большого городского храма я уже предупредил, они не в восторге, но деваться некуда.

— Подождите! — опомнившись, наконец, выпалила я. — Какие жрицы? Какие танцы? Вы можете объяснить нормально?

От этой просьбы на лице фон Глуна вновь промелькнуло раздражение, но ответом меня все-таки удостоили.

— Этот символ, — профессор снова указал карандашом на мой лоб, — наносят жрице храма, избранной для танца на праздник Дня Всех Стихий. Ваул хочет, чтобы ты станцевала для него вместо жрицы. Вот и все.

Что? Танцевать?

У меня аж дар речи на несколько секунд пропал. В голове мгновенно промелькнули когда-то давно увиденные по телевизору ритуальные танцы голых папуасов. И чтобы я — вот так же? Да ни за что!

— Я не хочу танцевать! Я...

— А тебя никто не спрашивает, — отрезал фон Глун.

— Ну знаете! — выпалила я возмущенно.

— Я-то знаю, а вот ты, похоже, не понимаешь, — вновь перебил куратор. — Это желание бога. Бога, Дарья! От таких предложений не отказываются.

Фига се предложение! Да это ультиматум!

Но от окончательного впадения в истерику я все-таки себя удержала. Ругаться тоже не стала, ибо понимала, что ругаться с магом практически бесполезно. Поэтому собралась с мыслями и просто перешла к нормальным, адекватным, понятным любому здравомыслящему человеку аргументам.

— Профессор, я не могу танцевать. Мало того, что не умею, так мне даже некогда разучивать танец.

— Время после занятий, — парировал Глун спокойно. — Научишься.

Вот гад! Он же знает, чем я занимаюсь по вечерам. Но все равно старательно делает вид, будто не в курсе.

— Профессор, я уже говорила, но если вы не помните, повторю. После занятий я тоже учусь, самостоятельно, чтобы нагнать программу. Я не могу тратить время на какие-то танцы.

— Не какие-то, — поправил брюнет, — а очень важные.

Я с сомнением прищурилась.

— Танец важнее магии?

— В данном случае — да, — припечатал он.

Вот и прислушался к аргументам, называется.

— Лорд Глун, я не согласна.

— А нечего было ходить в храм! — рыкнул Глун, и глазищами своими синими сверкнул так, что мне на миг дурно стало. — А раз сходил, вымолила себе привилегию — то теперь будь добра, отработывай.

— Привилегию?

Нет, все-таки это ненормальный мир. Если у них такие привилегии, то какие же у них наказания?

— И вообще, будешь возмущаться — я не стану настаивать на том, чтобы ты танцевала в храме при Академии Стихий. И тогда тебе придется танцевать в центральном городском храме, а он больше в десять раз, и количество зрителей там будет несравнимо с одним маленьким факультетом Огня. То есть позориться будешь не только при наших, а при всех.

Что?! Опозорюсь? То есть он уже думает, что я обязательно

опозорюсь?!

Нет, я никогда не танцевала и никакие кружки не посещала. Поэтому, вообще-то, в этом деле действительно могу опозориться. Но какого черта Глун-то так считает?

И тут я поняла — меня просто берут «на слабо». Поэтому вздохнула, успокаиваясь, широко улыбнулась и сказала:

— Нет, профессор, в случае чего опозорюсь не я, а прежде всего вы. Вы же мой куратор. И в академию именно вы меня притащили.

Глун скривился, как от зубной боли, и процедил:

— Не я принимал решение о твоём зачислении на курс.

— А на суть дела это не влияет.

Кажется, мой пофигизм кого-то взбесил. Профессор наклонился вперед и прошипел:

— Ты будешь танцевать для Ваула, и это не обсуждается, — потом снова отодвинулся и добавил насмешливо: — И если будешь стараться, то я, возможно, сам тебя по программе подтяну.

Вот это новость! Чтобы их аристократическая светлость решили снизить до иномирянки? Невероятно, но... Если Глун согласен учить меня в обмен на послушание и занятие какими-то танцами, то я лучше любой Волочковой станцую!

— И еще вы меня на сессии валить не будете, — поспешно добавила я.

А что? Гулять так гулять! Торговаться так торговаться!

— Ты сначала доживи до этой сессии, — «обрадовал» куратор. А потом пренебрежительно махнул рукой: — Свободна.

Ну я и ушла.

Не слишком довольная, но все-таки воодушевленная. Ведь фон Глун, несмотря на всю мерзость характера, слово наверняка сдержит. И это значит, шансы вернуться домой увеличиваются.

А Ваул-то, зараза... или не зараза? Милость оказал или?.. Нет, не понятно. С одной стороны, сомнительная милость выглядела не очень приятно, вроде как эй ты, да-да, ты! Ну-ка, станцуй!

Но с другой... Ваул захотел, чтобы станцевала для него именно я, и даже штампик на лоб поставил, чтобы все знали. То есть я теперь как бы особенная, отмеченная богом. А дальше рассуждения подчинялись элементарной логике: то, что одобрил самый главный, называть дерьмом уже нельзя. Ибо это все равно, что заявить — у самого главного дурной вкус, самый главный — дурак. То есть наезжать на меня, как понимаю, теперь вряд ли кто посмеет.

Ну а если так, то Ваул все-таки помог. Верно?

Вытянувшийся до размеров не самого маленького кабачка Кузьма, как обычно, расположился на чайном столике и со вкусом трескал принесенные бутерброды. А я сидела рядом на диване и увлеченно наблюдала за этим процессом. Нет, твир точно хищник. У него такие зубки острые, и ест так, что... ну, короче, точно-точно хищник.

Нам с Кузей было прикольно и здорово. У него еда, у меня — хоть какое, но зрелище, а вот Зяба... Зяба ныл.

— Дашка, ну хватит. Ну не дуйся! Что я должен был тебе сказать?

Мм-м, ну не знаю. Правду, например.

Вслух я этого, разумеется, не произнесла, но догадаться, о чем подумала, было несложно. Вот и зараза из зеркала догадалась.

— Даш, сама посуди, что бы было, скажи я правду? Ты бы опять разнервничалась, распереживалась раньше времени. Аппетит бы потеряла.

Ну-ну. Так он о моей нервной системе и моем желудке заботился. Вау! Зяба у нас, оказывается, благородный. Почти рыцарь, блин!

— И потом, узнай ты правду на полчаса раньше — ничего бы не изменилось. Символ с твоего лба сойдет только через две недели, после праздника. Спрятать его ты бы в любом случае не смогла, так что все равно бы все узнали. Так какая разница?

С одной стороны, и впрямь, разницы никакой. Получасом раньше или позже — совершенно не важно. Но есть еще такая штука, как доверие. А Зяба мне соврал! Ну и что, что действовал из лучших побуждений, это не мешало мне чувствовать себя обманутой.

И да, я обиделась! Конкретно.

— Дашка, ну перестань... Ну не молчи.

Твир с тихим рычанием вгрызся в очередной кусок колбасы, которую в моем мире назвали бы докторской, а я невольно улыбнулась. Кузя — классный! И вот чувствую — не такой вредный, как некоторые. Только пожрать любит.

— Даша! — возопил Зяба. — Даша, ну хватит! Поговори со мной!

Ага. Не нравится, значит, в игноре быть. Это хорошо.

Хотя, честно говоря, изначально я думала, что монстр по-другому себя вести станет. К примеру, ехидничать и ухохатываться над тем, как круто меня развел. Но если Зяба переживает, наказание будет помягче. Раз ему и впрямь не все равно, я не стану просить Кузю запихнуть зеркало в пространственный карман на ночь.

Да, планировала! Да, я тоже умею быть вредной!

— Ну и ладно, — не выдержал моего игнора монстр. — Ну и седи. На обиженных, как говорят в твоём мире, воду возят.

Я не выдержала — повернулась и показала зеркалу язык.

Зяба тут же заткнулся, но уже через минуту вновь не выдержал.

— Да-аш, ну Да-аш...

Нет, дорогой, до завтра я нема как рыба. Перевоспитывайся. Пусть тебя совесть, а она у тебя, похоже, есть, как следует покусает. Ибо не фиг!

Покормив твиря и убрав за малышом крошки, я потянулась и зевнула. Бросив короткий взгляд на письменный стол, с разложенными на нем учебниками, поняла — нет, на сегодня я пас. День слишком тяжелый выдался. Лучше как следует выспаться, чтобы завтра отправиться за новыми знаниями со свежей головой.

Ну, это по логике. А у организма оказалось другое мнение.

Несмотря на усталость, взбудораженное сознание уплывать в мир сновидений категорически отказывалось. Просто очень трудно взять и уснуть, когда с тобой случилось нечто поистине невероятное.

Только теперь, в спокойной обстановке, я полностью осознала всю грандиозность произошедшего. Блин. Я говорила с богом, и он меня услышал. Услышал! Меня! Это же... это же просто офигеть, что такое!

Понятно, что я нахожусь в мире, наполненном магией. Понятно, что тут многое не так, как у нас. Но прикосновение бога — это слишком. Скорее, я бы поверила в то, что действительно могу оказаться в одной постели с ненавистником иномирцев Глуном.

Однако прикосновение было, и свидетельство сего факта у меня в прямом смысле слова на лбу написано. Н-да.

Вспомнив здоровую красную блямбу, я слегка поморщилась. Нет, это невероятно круто, наверное, но... вот не мог Ваул этот символ в каком-нибудь другом, менее вызывающем месте нарисовать? Например, на ладони. Чтобы я не чувствовала себя ходячей мишенью для снайпера.

Все-таки хорошо, что через пару недель знак сойдет. Мне и пары недель в роли «избранной» выше крыши хватит. Вот только, что, если он не исчезнет? Что, если я навсегда останусь с этой «звездой»?

У-у! Нет, не буду себя накручивать раньше времени. И без этого паршиво.

А еще праздник этот. Может, и не дурацкий, конечно, но непонятный. «День Всех Стихий» — что это вообще? И зачем оно нужно?

В общем, примерно через полчаса я не выдержала. Перевернулась на другой бок, подтянула одеяло к подбородку и позвала тихо:

— Зяб, а Зяб. А что там с этим праздником? В чем соль?

Призрак откликнулся мгновенно:

— Соль? — В голосе Кракозябра прозвучало недоумение. — Какая

соль?

— Ну, смысл, — прежним шепотом пояснила я.

— Ах, это. Ну смысл-то простой.

Монстр глубоко вздохнул и... в общем, мне сказку рассказали. Вернее, легенду.

Оказывается, давным-давно, на заре времен, когда люди еще были дикими и не знали магии, случилась одна история. Бог Огня Ваул, устав сидеть в огненных чертогах, решил прогуляться по земле. Чтобы не пугать людей, он и сам принял облик человека — высокого статного юноши.

Бог ходил, смотрел, что творится вокруг, пока наконец не увидел собирающую яблоки девушку. И она была так прекрасна, что Ваул не смог перед ней устоять. А когда девушка, после ночи любви, вернулась в свое племя и подошла к очагу, выяснилось, что она способна управлять пламенем.

Когда люди племени поняли, что теперь им можно не бояться огня, то возрадовались и устроили грандиозный праздник. А избранница бога танцевала в центре огненного действия. Люди возносили хвалы Ваулу, но...

В общем, они благодарили Ваула слишком громко. Так громко, что на праздник обратил внимание не только Огненный бог, но и его жена. И, понятное дело, законной супруге похождения мужа не понравились. Спасаясь от ее гнева, Ваул умчался в чертоги лучшего друга — Савеула, бога Воздуха.

Там, за чашей божественного нектара, Ваул поведал Савеулу обо всем, что случилось, и тот, дабы помочь другу, ну и... не только из этих побуждений, спустился на землю и нашел другую красивую девушку. А на следующее утро в другом племени диких людей громко славили бога Воздуха.

Покровительницы Воды и Земли, глядя на это дело, осерчали. Им стало обидно, что люди славят только огонь и воздух, и...

На этом месте я не выдержала и хихикнула.

— Что? — тут же откликнулся Зяба.

— Ничего-ничего. Продолжай.

Монстр недовольно крякнул.

— Даша, это первобытное общество, там царили другие порядки. И вообще, это легенда, и не самая, кстати, распространенная.

— Почему? — любопытствовала я.

— Ну-у, сами боги все отрицают.

— А-а... — Я снова не выдержала и фыркнула. — Ну, я бы на их месте тоже отрицала. После такого-то.

Зато теперь понятно: магия пришла в этот мир половым путем. Прикольно, если вдуматься. Потому что, к примеру, в нашем мире таким образом ничего хорошего не подцепишь, а тут... Полар, что еще сказать.

— В общем, с тех пор люди празднуют День Всех Стихий, — завершил тем временем призрак. — Ну а посвящен этот праздник, как понимаешь, обретению магии.

О да. Теперь понимаю.

— Зяб, а что за танцы-то? Я надеюсь...

— Ничего такого, о чем ты могла бы подумать, — ворчливо опроверг неприличные мысли Зяба. — Это очень красиво. И, кстати, кому попало, танцевать ритуальный танец не позволено. Среди жриц очень строгий отбор идет, так что в большом городском храме Ваула очень удивлены произошедшим событием.

— Удивлены?

— Конечно, — подтвердил призрак. — Сама подумай. Бог и так очень редко знаками внимания одаривает, а чтобы выбор к тому же на иномирянку пал — и вовсе событие.

То есть тут не только у магов, а вообще у всех предубеждение против чужаков? Что ж, ожидаемо. Ну да ладно, прорвемся. Тем более что за танец Глун обещал помощь. А он, хоть и сволочь, но явно не из тех, кто от своих слов отказывается.

Я зевнула и напоследок уточнила:

— Зяб, а я правильно понимаю, что у магов Воды и Земли ритуальный танец мужчины исполняют?

Призрак тихо рассмеялся и тут же вернулся к своей обычной язвительной манере:

— Что, хочешь пробраться в храм Воды или Земли и посмотреть?

Не удержавшись, я снова хихикнула.

— Нет, не хочу. Но если бы пригласили, не отказалась бы.

Засыпала я с легкой улыбкой на губах. Забавная все-таки у поларцев мифология. А бог Огня... провокатор он, что еще сказать?

Понедельник — день тяжелый, это я давно, еще по своему миру, знала. И что-то подсказывало, что на Поларе расклад не лучше. Однако благодаря божественному заступничеству была надежда, что этот день пройдет спокойно.

Тем более, проснулась я сама и на удивление бодрая. Потом просмотрела расписание и лишний раз убедилась: на первом курсе в Академии Стихий только теория и медитации.

Благодаря Дорсу и водникам я теперь могла позволить себе вести записи по каждому предмету в отдельной тетради. Поэтому, взяв парочку, я мысленно посетовала на отсутствие сумки и отправилась будить Кузьму, который дрых в кресле, выставив напоказ мохнатое пузико.

За эту ночь твир еще немного подрос и вытянулся: лапки длиннее стали и уши больше. Интересно, в кого же он превратится? Я замерла над ним, приглядываясь и выискивая какие-нибудь узнаваемые особенности, но так и не обнаружила. Выглядел зверек по-прежнему странновато.

Жаль, времени на полномасштабное исследование анатомии твира не было, поэтому я прикоснулась к домовенку и попросила:

— Кузь, дверь за мной закрой?

Твир открыл глазки, сонно зевнул и перевернулся на живот. Встал, и все так же зевая, отправился провожать меня на пары. Вернее, в данный момент на завтрак, но вообще, конечно, на учебу.

Спускаться с чердака, несмотря ни на что, было страшновато. Но я запретила себе бояться — сбежала по ступенькам чердачной лестницы и, уверенно вздернув подбородок, направилась к лестнице основной.

На этот раз я не опаздывала, так что из общаги выходила не одна, а в компании. Вернее, в хвосте двух компаний, которые, как и я, шли на завтрак.

Какой-то парень обернулся и, заметив меня, споткнулся. Потом выдал робкую улыбку, однако я не отреагировала. Но когда студиозус дернул за рукав товарища, заставляя того тоже обернуться, и мне подарили еще одну улыбку...

Короче, я этим улыбкам не обрадовалась. И на приветствие обогнавшей меня девчонки не ответила. Да и вообще так вдруг противно стало, вот просто до тошноты. Наверное, я какая-то мнительная, неблагодарная или неправильная. Или, наоборот, слишком правильная?

На первый взгляд все вроде бы логично. Ведь Каст, по итогам разговора с Дорсом, должен был принять меры и провести воспитательную беседу среди огневиков. Беседа эта, вероятнее всего, уже состоялась. Но она ли является причиной столь резкого потепления? Или дело в божественной отметине на моем лбу?

Первый вариант — это терпимо, это приемлемо, а вот второй, честно говоря, очень-очень противно. И, главное, я не знаю, как реагировать на происходящее.

С одной стороны, если все сложится, то учиться мне в этой академии пять лет. Причем в следующем году Каста уже не будет, и факультет выберет нового короля. Как будет относиться ко мне новый лидер

огневики? Что он скажет своим «подданным»? Вполне возможно, меня снова начнут гнобить. Следовательно, чтобы выжить в этой проклятой академии, нужно подружиться с сокурсниками и начинать необходимо сейчас.

Но есть ведь и другая сторона.

Дружба, это как брак — и в горе, и в радости. А в горе их со мной не было. Более того, во многом именно огневики стали причиной этого самого горя. А теперь, когда на меня вроде бы свалился успех, они вдруг решили проявить симпатии. Или дело не в успехе, а в страхе перед Ваулом? Хотя подноготная не важна, потому что ни тот ни другой вариант обретения друзей меня не устраивает.

Я не умею дружить по расчету. Наверное, я дура, но считаю, что лучше быть одной, чем с кем попало. И я не то что не хочу — просто не могу улыбаться этим людям.

Пожалуй, Кэсси единственная, к кому мое отношение было более-менее нормальным. Она, пусть и скрытно, но помогла. Да, она не пошла против большинства в открытую, но я не могла винить девушку за это. Более того, решилась она на такой шаг, я бы стала первой, кто сказал ей: «Кэсси, опомнись!».

Выводы? Для меня ничего не изменилось. Все так, как было вчера.

Нет, предъявлять претензии за прошлые обиды или выказывать пренебрежение я не буду, но улыбаться и делать вид, что конфликт исчерпан — тоже не стану. Пусть все идет так, как идет. Время покажет и рассудит.

Именно с этими мыслями я вошла в наполненную ароматом сдобных булочек столовую, взяла поднос и отправилась добывать себе завтрак. Ну а когда взяла еду и развернулась, чтобы проследовать к столику... ощутила дежавю. Только на сей раз за столиком сидел не Каст, а три огневички.

Одну из них я, кстати, очень хорошо помнила — брюнетка с длинным носом, Эстер. Именно она пыталась обвинить меня во время собрания в помощи диверсантам-водникам, и она же радостно улыбалась, когда я вышла из комнаты «нашего величества» в слезах.

Сейчас она тоже улыбалась, но приветливо. И, увидев мое замешательство, махнула рукой, приглашая за столик.

Нормально?

Она что, действительно думает, будто я возьму и подойду? Что сяду рядом с ними, как будто ничего не было?

Ну уж нет, дудки! Кушайте сами. И постарайтесь не отравиться собственным ядом, а то гробы нынче дороги.

Сделав вид, что не поняла жеста Эстер, я принялась высматривать свободный столик. Вот только в студенческой столовой пустых столиков отродясь не водилось. И с осознанием этого факта меня начала накрывать паника.

В мой первый визит в столовую, когда все воротили носы, мне было глубоко плевать за какой столик подсесть, а теперь... Нет. Не могу. Просто не могу. Хоть бросай поднос и уходи на лекции голодной.

А потом я заметила Дорса и вздохнула с облегчением, потому что водник подмигнул и мотнул головой — мол, иди к нам. Ну я и пошла. И улыбалась в этот момент широко и искренне. Потому что, может, Вода с Огнем и являлись конфликтной парой, но нас с Дорсом этот конфликт точно не касался.

Когда я поставила поднос и опустилась на лавку, блондин, кивнув на товарищey, представил:

— В прошлый раз я забыл вас познакомить. Это Луир и Тауза.

— Очень приятно, — вежливо отозвалась я.

Парень приветливо кивнул, а Тауза... Тауза скривилась. Но, несмотря на это, ее реакция мне понравилась. Просто я еще в прошлые разы заметила, как девушка бросала на Дорса томные взгляды, а интерес блондина ко мне ее явно задевал. И то, что Тауза не стала делать вид, будто ужасно мне рада, по крайней мере, было честно. Девушка не лицемерила.

Эх, жаль все-таки, что я не попала на факультет Воды. Тут и король адекватный, и на празднике в честь Дня Всех Стихий весело. У них-то парни ритуальный танец танцуют...

Я представила полуголого Дорса, который извивается перед статуей суровой богини на манер стриптизера, и хихикнула.

— Над чем веселишься? — встрял в мои мысли блондин.

— Так, мелочь, — отмахнулась я. Не признаваться же в хулиганских фантазиях?

Зато вкратце пересказала ситуацию с алым символом. Честно говоря, поначалу и этого делать не хотела, но водник уж очень настаивал. Потом выслушала серию подколов насчет ритуальных танцев — то есть кое-кто мыслил в том же направлении, что и я, и тоже про неприличное подумал. Ну а под конец завтрака, когда Луир и Тауза ушли относить свои подносы, Дорс наклонился и спросил предельно серьезно:

— Даш, ну ты как?

— Нормально, — выдохнула я. И добавила с улыбкой: — Спасибо тебе огромное.

— Не за что.

Парень подмигнул, и мы тоже отправились относить подносы.

Глава одиннадцатая

Первый учебный день в новом статусе прошел ни шатко ни валко. После наглядной демонстрации в столовой студенты «родного» факультета все-таки осознали, что общаться с ними я не жажду, и больше не навязывались. Хотя повышенное внимание все равно проявляли. По мне то и дело скользили любопытные, изучающие взгляды, а в перешептываниях окружающих постоянно слышалось мое имя.

Реакция профессоров была более сдержанной, но я, тем не менее, нет-нет да и удостаивалась их пристального внимания. Это не злило, я понимала их интерес... в отличие от предметов.

Да, с обучением по-прежнему были сложности. Причем даже несмотря на то, что после прочтения нескольких учебников какие-то вещи в моей голове все-таки отложились.

В общем, до обеда я продержалась практически на одной мантре «спокойствие, только спокойствие». А зайдя в столовую, поняла, что не выдержу, если ко мне кто-нибудь опять решит подкатить.

Так что обедала я вновь в компании Дорса и его друзей. Тот факт, что снова сижу за одним столиком с магами Воды, огневикам точно не понравился, однако вызывал не неприязнь, а скорее досаду — я видела это по их лицам.

Но, по большому счету, все было как обычно, как всегда. И только одна деталь не вписывалась в обыденный ритм и вызывала беспокойство — Кэсси. На лекциях я несколько раз ловила на себе странные взгляды рыжей «эльфийки». Не любопытствующие, как у остальных, а задумчивые. В ее глазах словно застыл какой-то вопрос. Я даже решила, что Кэсси хочет пообщаться — ведь это раньше было нельзя, а теперь можно и никто не осудит. Поэтому нарочно задержалась после последней лекции, но девушка прошла мимо, даже не притормозив.

Ну и ладно. Нет, так нет.

Убедившись, что заговаривать со мной сокурсница не намерена, я собрала тетради и отправилась в башню Огня. Раз Глун сказал, что сегодня вечер свободен, необходимо потратить время с пользой и переписать в отдельные тетради лекции прошлой недели. Ну и в учебниках покопаться, если успею.

Однако с намерением немедленно взяться за дело пришлось попрощаться, потому что возле лесенки, ведущей на мой чердак,

обнаружилось рыжее-бесстыжее «величество». Каст, собственной персоной, стоял, облокотившись на стену, и хмуро наблюдал за моим приближением.

Блин! Что ему на этот-то раз понадобилось?

Да, не ожидала. Да, видеть не хотела. И была по-прежнему ужасно зла за последнюю выходку рыжего. Тем не менее, я нашла в себе силы сдержанно улыбнуться и сказать:

— Привет, Каст.

«Величество» ответом не удостоило. Зато мне достался колкий взгляд черных глаз и недовольно поджатые губы.

Ох ты ж, блин, какие мы сердитые. Ну не хочешь со мной общаться, и не надо. Мне же проще.

Я подобрала подол балахона, гордо одолела пять ступенек и вставила ключ в замочную скважину. И только теперь услышала:

— Даша, нам надо поговорить.

Ага. Запоздалая реакция — тоже реакция.

Желание послать рыжего подальше я опять-таки сдержала. Какая-то я сегодня слишком культурная. Лишь коротко кивнула, вынула ключ из замка и вновь спустилась к нему.

— Слушаю тебя, Каст.

Парень скривился и с неудовольствием отметил:

— Ну не здесь же.

— Почему? — парировала я наигранно. — По-моему, отличное место.

Рыжий нехотя отлепился от стены и подарил еще один неприязненно-суровый взгляд. Только теперь я заметила, что Каст сегодня какой-то странный, какой-то не такой как всегда. Менее наглый, что ли, или более серьезный?

— Дарья Андреевна, не окажете ли мне милость? Не пригласите ли меня в свою замечательную уютную комнату?

Ого! Дарья Андреевна? И на вы? Интере-есно. Но не настолько, чтобы рискнуть и остаться с Кастом один на один в замкнутом пространстве.

— Думаю, мы вполне можем поговорить прямо здесь, — произнесла я и осеклась, потому что в этот момент одна из дверей открылась и в коридор вышел пузатый старичок в алой мантии. Прежде я его не видела, но гадать не приходилось — наверняка один из преподав.

Увидав нас, старик замер на мгновение, потом сдержанно улыбнулся и поприветствовал:

— Господа студенты.

— Добрый день, профессор Сарин, — откликнулся Каст нервно и

вновь повернулся ко мне.

Я же ограничилась вежливым кивком, на который препод внимания уже не обратил. Заперев дверь, он неторопливо направился в сторону лестницы. А я смотрела ему вслед и понимала, что, как ни неприятно признавать, но общаться с Кастом в коридоре — плохая идея. Сейчас вот этот появился, потом и вовсе какой-нибудь Глун заявится. А если Каст в этот момент снова меня выведет и я не сдержусь и начну ругаться матом, например?

Нет, лучше не рисковать.

Так что, едва пузатый профессор скрылся из виду, я тяжело вздохнула и сообщила:

— Хорошо. Приглашаю. Но только давай без глупостей, ладно?

Каст на реплику никак не отреагировал, но я и не надеялась на такую роскошь.

Поднявшись по лестнице, я отперла дверь. Потом прозвучало три щелчка, свидетельствующих о том, что Кузя отодвинул щеколды, после чего дверь открылась и мы вошли на чердак.

Пушистик, завидев Каста, смело зарычал, но король факультета угрозу проигнорировал. Он дождался, когда я запру дверь, после чего спокойно прошел дальше и развалился в одном из кресел.

Так. Уже неплохо. Кажется, действительно именно поговорить пришел.

Наклонившись, я подхватила Кузю на руки и последовала за Кастом.

— Успокойся, — шепнула я твиру. — Если что, мы этого рыжего пульсаром прибьем.

Разумеется, это была шутка, но Каст, который тихие слова каким-то образом расслышал, ее не оценил. Рыжий картинно закатил глаза, а едва я уселась в соседнее кресло и водрузила твира рядышком, сразу перешел к делу.

— Даша, для начала я хочу извиниться за себя и за факультет.

Ого. Надо же.

— Мы были неправы, — продолжал он. — Мы вели себя недостойно.

Ого-ого! Продолжай, пожалуйста.

— Да, ты иномирянка, но ты, прежде всего, девушка, и вся эта ситуация с твоим заселением и положением — неправильна.

Где-то я подобные слова уже слышала...

В этот момент ужасно захотелось по-детски скорчить Касту рожу и показать язык. Но я держалась спокойно и благожелательно. Правда, ровно до того момента, как «их величество» достал из кармана блокнот с

карандашом и сообщил:

— Понимая твою ситуацию, мы, то есть факультет, хотим помочь. С вещами и прочим. Так что давай, рассказывай, что тебе нужно.

Здорово. Нет, с одной стороны, очень приятно, а с другой...

— Ты что, серьезно? — не удержавшись, с подозрением уточнила я.

— Более чем. Даш, у меня не так много времени, — бросил Каст хмуро. — Давай быстро составим список вещей, и я пойду.

Быстро составим? Гм. Нет, я, конечно, абсолютно точно знаю, что мне необходимо в первую очередь. Но диктовать все это пижону?

Нет. Не буду хамить в ответ. Скажу мягко.

— Каст, я, как ты правильно заметил, девушка. Мне не очень удобно обсуждать с тобой, парнем, свои потребности.

Подчеркиваю — я была сдержанна и вежлива. Но кому-то моя вежливость встала поперек горла, и этот кто-то все-таки сорвался.

— Слушай, хватит выпендриваться. Просто скажи, что тебе купить! — рявкнул Каст.

После чего закинул ногу на ногу, положил блокнот на колено и приготовился записывать.

Ладно. Если тебя разница полов и, следовательно, потребностей, не смущает, начну с главного. С того, что через неделю точно понадобится.

— Хорошо. Пиши. Первое: женские гигиенические средства. Лучше прокладки — мне так удобнее, но, если что, тампоны тоже подойдут.

Каста передернуло. Отбросив блокнот с карандашом на чайный столик, рыжий резко откинулся на спинку кресла и уставился в потолок. Выражение на его лице стало раздраженно-страдальческим.

Но, блин, он сам хотел! А еще нарычал на меня. Опять! И это несмотря на то, что я со своей стороны разговаривала максимально вежливо и корректно.

Именно поэтому я задушила в себе стеснение и продолжила:

— Дальше, мне нужны восковые полоски для депиляции. Если у вас такого нет, то, в принципе, подойдет бритва, но неопасная — с опасными я обращаться не умею. Потом — прокладки ежедневные, хотя... — я задумалась на миг, — нет, их не надо. Обойдусь. Тем более они плохо влияют на бактериальный баланс вла...

— Да понял я! — заорал Каст, вскакивая. — Понял!

Рыжий подхватил блокнот и, нервно запихав его в карман, ринулся к выходу. Но не ушел. Вернулся с полпути, чтобы буквально ткнуть в меня небольшим прямоугольным футляром.

— Держи.

Ну ничего себе. То есть, это что же получается? Зяба не ошибся, и Каст действительно пытается за мной ухаживать?

— Спасибо, Каст, — вежливо поблагодарила я и аккуратно отодвинула его руку с предлагаемой коробочкой. — Я тронута твоим вниманием, но это не возьму.

— Да не от меня! — вконец выверился парень.

Твир такого хамства не выдержал — вскочил и оскалился. Но Каста перспектива быть покусанным непропорциональным меховым огурцом не испугала. Он бросил футляр на столик, в ответ рыкнул на Кузю и зашипел, но уже не твиру, разумеется, а мне:

— Это не от меня, крошка. Я в данном случае скромный посыльный. Ты, говорят, была так эмоциональна и так несчастна. А я, оказывается, последняя сволочь! Шантажист и чудовище, без совести и... Гхарн! Да что я перед тобой распинаюсь?!

Круто развернувшись на каблуках, Каст помчался прочь, а прежде чем хлопнуть дверью, припечатал:

— Слезливая истеричная дура!

Шок. Вот это действительно — самый объемный и настоящий шок. От такого заявления не только я, даже Кузя растерялся — плюхнулся на попу и вытаращил глазки.

Я потянулась, осторожно погладила твира по крошечной мохнатой голове и застыла, потому что снова паникой накрыло.

Что там Каст о шантаже, чудовищах и слезах кричал?

Вчера. Да, именно вчера я была очень эмоциональна, редела и открыто называла рыжего чудовищем и шантажистом. Но я в этот момент находилась в храме Огня! И голову на отсечение даю, там никого, кроме меня, не было. То есть слышать мои слова не мог никто, кроме...

О, черт.

Я дотронулась до своего лба, и картинка тут же сложилась. Каст очень сильный маг, я бы даже сказала, слишком. А такая сила из ниоткуда не появляется. То есть он любимчик Ваула. Ну а если Ваул способен наделить силой, то, видимо, и многое другое может. Например, сделать втык за отвратительное поведение, и... — Я перевела взгляд на футляр, оставленный Кастом на столе, — сделать подарок расстроенной поведением любимчика девушке.

Кузя наконец-то опомнился и помчался запирать дверь. Я же, как замороженная, потянулась к футляру. А когда открыла, обнаружила в нем золотой медальон с крупным прозрачным красным камнем. Это был не рубин, нет. Нечто совершенно другое, подобного чему я прежде никогда не

видела. Камень больше всего походил на огонь, заключенный в нерушимую оболочку. Живое, теплое пламя.

Я встала и на негнущихся ногах подошла к зеркалу. Зяба если и был, то не высовывался, так что из зеркала на меня смотрела девушка с пшеничного цвета волосами, в красной мантии студентки Академии Стихий и с алым иероглифом на лбу.

Аккуратно расстегнув цепочку, я повесила медальон на шею. Ну а когда снова застегнула замочек, кожу овеяло мгновенным теплом. Это было почти так же, как вчера, в храме. То есть подарок действительно прислал Ваул.

С ума сойти.

Бог подарил мне украшение.

Так не бывает!

Или?..

Остаток дня прошел спокойно и никаких событий не принес, за исключением визита Кэсси. «Эльфийку» ко мне, разумеется, Каст прислал.

Я без опаски впустила девушку на чердак, и ничуть не удивилась тому, что ее реакция на преобразование моего убежища была слабой. Отправляя сестру к иномирянке, Каст не мог не предупредить о твири.

Правда, едва мы составили список необходимых вещей, Кэсси тут же удалилась. То есть общения, как такового, не вышло.

Причины? Ну, утверждать не возьмусь, но похоже, дело было в Вауле — уж очень часто рыженькая на мой медальон косилась. Причем смотрела с явной опаской.

А я, глядя на нее, пришла к однозначному, хоть и не обоснованному ничем, кроме интуиции, выводу: магическая сила Кэсси с силой Каста несравнима. Кэсси — обычная, то есть маг средней руки максимум.

И, судя по всему, заступничество Огненного бога за меня ее очень озадачило. Девушка явно не ожидала, что ее брату может прилететь пара тумачков от самого высшего начальства, причем не абы за что, а из-за какой-то иномирянки.

Поэтому, когда «эльфийка» покинула чердак, я решительно спрятала медальон под майкой. Если даже Кэсси так на него отреагировала, то реакцию остальных я даже проверять не хочу. Хватит с них и знака на лбу.

Ну а потом я занялась тем, чем и собиралась с самого начала: села переписывать лекции. Прервалась лишь для того, чтобы сбегать на ужин и за едой твиру. И там окончательно прописаться за столиком водников во главе с Дорсом.

А после ужина вновь вернулась к лекциям и учебникам.

В результате, уснула я не в пример быстрее вчерашнего. Даже воспоминание о том, что с завтрашнего дня начинаются занятия... мм... ритуальными танцами и что присматривать за моей успеваемостью по этому «предмету» будет ядовитый Глун, не помешало.

А вот утром...

— Офигеть! — выдохнула я, когда открыла глаза и увидела нависающую надо мной остроносу мордочку.

— Приве-е-е! — сообщило это чудо бордовое тонким голосом.

Я осторожно отодвинулась, не менее осторожно села на постели и вот теперь во все глаза уставилась на небольшого, размером все с тот же крупный кабачок, ушастого лиса.

— Кузя, это ты? Правда?

Да, не верилось.

Однако лис тотчас довольно оскалился, подтверждая — мол, да, именно я. После чего вскочил и покрутился на месте, топча одеяло тонкими лапками и демонстрируя себя красивого. Ну точно, лис. Только хвост еще не дорос — коротковат, примерно как у бобтейла.

— Я котии-и... — протяжно заявило это чудо.

— Кто?

— Котии-и! — не без гордости повторил Кузьма и плюхнулся на попу.

Не сразу, но я все-таки сообразила и ошарашенно переспросила:

— Кто? Котик?

Твир радостно кивнул и вновь оскалился, демонстрируя маленькие белоснежные зубки и очень даже внушительные клыки. Клыков было четыре, точь-в-точь как у настоящей лисицы — два сверху, два снизу.

— Э-э... — Честно говоря, заявление твира меня озадачило. Поэтому сообщила ему очевидное: — Кузь, прости, но ты не котик. Ты — лис.

Глаза лисенка слегка округлились, потом на мордочке проявилось недоумение, и мне вновь сообщили:

— Я котии-и!

— Он считает себя котом, — слышался ворчливый голос Зябы. — В смысле, он выбрал форму, трансформировался и теперь абсолютно уверен, что он — твир в форме кота.

Однако. Звучит как ребус, но ладно. Допустим, почти все я поняла, за исключением одной детали:

— Зяб, а как Кузя эту форму выбрал-то? И почему уверен, что это котик? Он что, котиков раньше вообще не видел? Или у вас на Поларе...

— На Поларе котов не водится, — перебил монстр. — А форму твир

из твоих воспоминаний вытащил. И, я так понимаю, трансформировался как смог.

Стоп. Кузя еще и мысли читать умеет?

— Ты читаешь мысли? — изумленно спросила я домовенка вслух. — Ты телепат?

Твир отрицательно замотал ушастой головой, а ответил за него Зяба:

— Нет, Даш. Но твир может считать из воспоминаний человека, которого признал своим хозяином, наиболее приятный тому образ. Это такая инстинктивная защитная реакция, чтобы хозяин точно доволен остался. Как я понимаю, ты любишь котиков. Вот он и... попытался.

— Все любят котиков, — на автомате откликнулась я. Сама же по-прежнему таращилась на Кузю.

— Я котии-и! — вновь заявил тот. Радостный до неприличия.

— Даш, ну не молчи, — вновь встрял в разговор Зяба. — Скажи ему, что тебе нравится.

— Мне очень нравится! — искренне сообщила я твиру. — Но ты все-таки не котик. Ты лис! Ушастый лис бордового... хм... бордовой масти. Вот!

Твир надулся и даже уши-локаторы опустил.

— Я котии-и, — упрямо сказал он. — Котии-и!

Черт! Не могу!

Не выдержав, я рассмеялась.

— Хорошо, котик так котик. Но поверь — лис круче! Котики в моем мире есть у всех, а ушастых лисов — раз-два и обчелся.

Увы, на мою маленькую уловку, твир не поддался. Вскочил на лапы, растопырил уши, и я вновь услышала убийственно-прекрасное:

— Я котии-и!

О боже! Кузя!

Все. Я выпала из реальности минут на десять, и это была самая лучшая истерика в моей жизни. Я хохотала до слез и не могла остановиться. А Кузя, сам того не понимая, подливал масла в огонь — сидел на краешке постели и откровенно дулся. И даже сопел! Как маленький обиженный ребенок.

— Ну, прости. — Кое-как успокоившись, наконец, я протянула руку, в намерении схватить лиса и затискать. Еще жутко хотелось потрогать уши, они казались не совсем настоящими, плюшевыми. — Иди-ка сю...

Я осеклась, потому что Кузьма отскочил. Потом гордо повернулся попой, прыгнул с кровати и пошел... дуться на диван.

— Ну, Кузь!

Следующие минут десять я потратила на извинения. И так горячо убеждала твиря в том, что никакой ошибки нет и что он действительно очень-очень похож на котика и только чуточку на лиса, что сама почти поверила.

А Зяба, взирая на это дело из зеркала, закатывал глаза и тяжело вздыхал. И бормотал в процессе:

— Ох уж эти женщины... Ох уж эти сопли... Да-да, покажи вам котика и вы... Тьфу. И этот туда же... угодить он хотел! Нет бы, рационально помыслил и в кого приличного трансформировался. В боевого паука, например. А он... котик!

В итоге, после всех этих событий, в столовую я вошла не просто радостная, а счастливая до неприличия. Я чувствовала себя солнышком и едва сдерживала желание покрутиться на пятке и прокричать о своем счастье на весь мир.

И ничто, вот клянусь — ничто вообще! — не могло испортить моего радостного настроения. Ни косые взгляды студиозусов, ни откровенный игнор со стороны Каста, ни недовольное бурчание женщины, которая стояла на раздаче. Ни-че-го! А уж маленький допрос, устроенный Дорсом, и подавно.

Впрочем, насчет допроса я погорячилась — это было, скорее, просто очень настырное любопытство. Вот только удовлетворить его я сейчас не могла. Конечно, рассказать Дорсу о преобразении твиря очень хотелось, но рядом находились Луир и томная Тауза. Поэтому пришлось отшучиваться и отмалчиваться. Но водник оказался настолько приставучим, что, в конце концов, я не выдержала.

— У меня сегодня танцы, — громким шепотом, чтобы не быть невежливой по отношению к Луиру и Таузе, сообщила я.

— Танцы? — Недоуменно переспросил Дорс. — Так ты ж вроде не хотела. В смысле, вчера ты восторгов по этому поводу не испытывала.

— Просто вчера я еще не знала, что там... — я выдержала шаловливую паузу и выбила пальцами незамысловатый ритм, — будет профессор Глун.

Дорс закашлялся, Луир резко перестал жевать, а Тауза вообще вилку выронила.

Но повторю — ничто! Ничто не могло испортить моего отличного настроения. Поэтому я загадочно улыбнулась и продолжила жевать завтрак.

— Только не говори, что он тебе нравится, — делая страшные глаза, прошептала Тауза.

Гм. Тупиковый вопрос, если честно. Но выкручиваться-то надо.

Поэтому я нейтрально уточнила:

— А что? С ним что-то не так?

— Ну, во-первых, он препод, — включился в разговор Луир. — Не знаю, как в вашем мире, а у нас подобные вещи крайне не приветствуются.

Что парень подразумевает под «подобными вещами», я, разумеется, сообразила — отношения студентов и преподавов.

— А во-вторых, — продолжил парень, — Даш, ты просто тут недавно и не знаешь, но Глун — весьма странный тип. Мало того, что он связан с Советом Магов. Говорят, звание свое профессор получил за какие-то темные делишки. И в академию пришел не от большого желания преподавателем стать. Ходят слухи, что Глуна сюда едва ли не сослали. Так что от нас, студентов, он не в восторге. И, к тому же, он из тех, кто иномирцев вообще на дух не переносит. Короче, извини, Даш, но тут у тебя без шансов.

Ха. И впрямь, неприятный тип. Что ж, тем лучше, что в действительности я никаких романтических чувств к Глуну не питаю.

— К тому же, — подхватил тему Дорс, — у тебя есть неоплаченные долги.

Это было сказано шутливым тоном и с улыбкой, а вот следующую реплику водник произнес предельно серьезным шепотом:

— А еще у тебя есть Каст.

Настала моя очередь ронять челюсти, вилки и прочие бесполезные предметы, но... да-да, я опять о настроении. Не испортите!

— Каст идет лесом, — с очаровательной улыбкой сообщила я. — Самым-самым дальним.

Дорс не ответил — вместо этого бросил взгляд поверх моей головы, а я инстинктивно повернулась и посмотрела в ту же сторону. Оказалось, водник глядел на рыжего, который сидел не так и далеко, всего через три столика от нас. Ну а его огненное «величество» на меня таранился. Суровый, надутый, хмурый. Под взглядом Каста я почувствовала себя не то чтобы неудобно, но... в общем, я ощутила себя самой вредной ябедой.

— Если я что-то понимаю в этой жизни, — наклонившись к самому уху, прошептал Дорс, — наш рыжий прыщ на тебя запал.

Тот самый «прыщ», конечно, понял, что разговор о нем, и презрительно прищурил глаза. А я не выдержала и рассмеялась. Вот как, скажите, идти на занятия в таком настроении? Мне же после такого палец покажи — ржать буду!

Зато когда настало время встречи с профессором фон Глуном и жрицей

храма Огня, смеяться уже не хотелось. За день я ужасно вымоталась и действительно устала от бесконечного потока новой информации, которую впитывал мой далекий от магии мозг.

Еще одним моментом, убивающим всякую радость, оказалось ожидание неприятностей. Пусть на Поларе я провела лишь одну неделю, но за эту неделю достаточно хорошо успела изучить глуновский характер. И была абсолютно уверена — он обязательно будет шипеть и брызгать ядом, что бы я ни сделала. А я, как и любой нормальный человек, жутко не любила, когда на меня кричат.

Куратор ожидал под дверью аудитории, где у нас проходила последняя лекция. И, едва я вышла, подхватил за локоть и немедленно потянул в сторону одной из дальних аудиторий.

Где-то там, если верить моей памяти, располагался зал для практикумов по медитации, и я уж было решила, что мы туда и идем, но нет. Конечная аудитория оказалась другой.

Маты на полу тут отсутствовали, зато имелось несколько больших медных чаш и зеркало во всю стену, как в танцевальной студии. А перед зеркалом, спиной к нам, стояла высокая, прямая, как палка, женщина. Брюнетка, со скрученными в тугий пучок на затылке волосами. Одежда незнакомки, если смотреть с позиции этого мира, оказалась странной: на ней было что-то вроде бриджей и короткой туники.

Увидев нас в зеркале, женщина обернулась, и я смогла разглядеть ее лицо — длинный нос, крупные губы, черные, как смоль, глаза и крупная родинка на правой щеке. Ну и алый символ по центру лба, указывающий на то, что она тоже избранная.

Издавека жрица выглядела настоящей красавицей, но когда приблизилась, я заметила морщины, проступающие сквозь толстый слой пудры. Теперь я бы дала ей лет пятьдесят, ну, в крайнем случае, сорок восемь.

Быстро оглядев меня, женщина мягко улыбнулась и сказала:

— Позволь прикоснуться к тебе, дитя.

После чего, не дожидаясь ответа, сделала плавный шаг навстречу и аккуратно взяла меня за подбородок, чтобы взглядеться... не в лицо, конечно. Мое лицо жрицу не интересовало. Ей был нужен символ.

— Удивительно, — произнесла жрица певуче.

Мне хотелось сказать то же самое, но я вовремя прикусила язык. Дело в том, что я тоже символ разглядывала, но не свой, разумеется, а жрицы. И он разительно отличался от моего. То есть форма оказалась той же самой, но исполнение... Мой иероглиф выглядел натуральной татуировкой, а у нее

эта штучка была попросту нарисована, даже следы-бороздки от кисти виднелись.

Но почему? Что все это означает?

Ответ, вернее его часть, я узнала через мгновение.

— Я, конечно, читала в летописях, что подобное случается, но видеть метку Ваула воочию... — Жрица глубоко вздохнула и повторила: — Удивительно.

— Простите? — вслух удивилась я. — А как же тогда вы выбираете девушку для танца?

Жрица вновь улыбнулась и, отпустив мой подбородок, ответила:

— Среди лучших. По жребию.

Вот как? То есть иероглиф на лбу у тетки свидетельствует о том, что она одна из лучших и самых удачливых жриц большого городского храма? Да-да, удачливых, ибо жребий правильный вытянула.

— Понятно, — пробормотала я.

И натянуто улыбнулась в ответ, несмотря на то что отчетливо увидела промелькнувшую в глазах женщины зависть.

— Меня зовут Шанарин, — запоздало представилась собеседница.

— А я — Даша.

— Знаю. — Она огляделась, потом дошла до скамейки, где лежал какой-то сверток, и протянула его мне со словами: — Переодевайся, и начнем.

Удивительно, но на время моего переодевания Глун вышел из аудитории. Мне выдали такие же бриджи, как те, что были на жрице, короткую тунику и ленту для волос. Только справиться с волосами самостоятельно все же не получилось, так что Шанарин пришлось мне помочь. Жрица ловко собрала мои волосы в пучок, такой же плотный и тугой, как тот, что был у нее.

— Работая с огнем нужно быть аккуратнее с волосами, — с очередной улыбкой пояснила жрица. — Только истинное пламя бога не опасно.

Я понятливо кивнула: соблюдение правил пожарной безопасности — это хорошо. Ибо вспыхнуть, как спичка, совсем не хочется.

А потом жрица подошла к двери и впустила в аудиторию, которую все-таки уместнее было назвать студией, Глуна. Тот окинул меня придирчивым взглядом и хмыкнул. Одобрительно или скептически — толком не поняла, но вдумываться не стала, его мнение меня не волновало. Больше заинтересовало то, что, войдя, куратор сделал какой-то хитроумный пасс рукой, и в установленных в аудитории чашах вспыхнул огонь.

Ого! А Глун, кажется, сильнее, чем я думала. Или...

Сосредоточиться на этих мыслях мне не дали. Шанарин стремительно прошла к центру комнаты и хлопнула в ладоши.

— Итак, о том, что касается танца, — торжественно произнесла она. — Тут все довольно просто, Даша. Необходимо лишь раскрыть свою душу.

Я чуть не застонала, вспомнив учебник по «Философии магии огня». И здесь душа понадобилась? Сговорились они все, что ли?

— Иди сюда, — поманила меня в центр жрица, а сама, наоборот, отступила к лавке, где обнаружился незамеченный ранее бубен.

Только не говорите, что это должна быть импровизация!

— Сейчас попробуй почувствовать ритм, Даша. Расслабься, закрой глаза, и вперед.

Нет! Только не это, пожалуйста! Я ведь не танцовщица, ритмы улавливать! Единственное, что могу — это подергаться в клубе вместе с толпой. Танцы — это не мое. Вот совершенно.

Однако Шанарин уже подхватила бубен и подарила новую улыбку, которая лично мне показалась жестокой. А после начала настукивать тот самый ритм, который следовало почувствовать. Обычное бум-бум-бум, медленное и совершенно не вдохновляющее.

Черт.

Я обернулась, чтобы взглянуть на куратора. Фон Глун стоял возле двери, привалившись к стене и сцепив руки на груди. В его ответном взгляде читалось абсолютное равнодушие.

— Ну же, Даша, — позвала жрица. — Давай. Не стой столбом.

Так. Без паники. Я глубоко вздохнула и сообщила:

— Шанарин, простите, но мне казалось, все будет происходить несколько иначе.

Женщина перестала терзать бубен и вопросительно приподняла бровь. Я же продолжила:

— Понимаете, я думала, что мы будем разучивать движения. Что вы покажете, а я повторяю.

Жрица слегка прищурилась, и в ее взгляде мне вдруг почудилось промелькнувшее коварство. То ли в очередной раз разыгралась паранойя, то ли Шанарин я в действительности очень не нравилась. Почему? Ну, например, потому что у меня на лбу настоящий символ Ваула, а у нее — просто краска.

— Нет, Даша, — голос жрицы, впрочем, оставался ровным. — Огонь, как и воздух, стихия очень пластичная. Она не терпит шаблонов. А тот тип

танцев, о котором ты говоришь, это шаблон. Совершенно определенная, выверенная форма. Но поскольку придать форму огню невозможно, танец в честь Ваула должен быть... — Шанарин на миг замолчала, подбирая слова. — Он должен быть выражением души, внутреннего огня.

Вот далась им моя душа.

— А если я не хочу показывать свою душу?

Брови жрицы взлетели на середину лба, глаза округлились. Шанарин повернулась к фон Глуну, и во всем ее виде читалось: «Эта иномирянка сумасшедшая?».

— Дарья, прекращай, — сказал куратор хмуро. — Просто сделай то, что просят.

Хотелось огрызнуться, но я сдержалась.

— Господин куратор...

— Лорд! — рявкнул он.

Я потупилась, потому что — да, лорд. Но я реально все время об этом забываю, как-то не общалась никогда с лордами, непривычно мне.

— Лорд куратор, простите, но я так не могу.

— А в чем проблема?

Ну, видите ли... может быть, в том, что я понятия не имею, каким образом душу раскрывать? И как чувствовать огонь, отплясывая импровизированный танец под удары бубна? Я не танцовщица, понимаете?

Но сказать этого вслух я не могла. Хотя бы потому, что кое-кто уставился на меня таким взглядом, под которым на откровенность не тянуло совершенно. Именно поэтому я покорно кивнула и ответила:

— Простите, профессор. Вы совершенно правы. — И уже жрице: — Шанарин, будьте так любезны...

Желание картинно улыбнуться, щелкнуть пальцами и воскликнуть «Маэстро, музыку!» я сдержала.

Жрица стукнула в бубен. Потом еще раз и еще. Я же закрыла глаза и попыталась-таки поймать ритм. А еще воскресила в памяти образ одного увиденного не так давно выступления. Около месяца назад мы с подругой ходили отмечать ее день рождения в восточный ресторан и попали на бесплатное представление, где три девушки в восточных костюмах исполняли танец живота.

Где-то я слышала, что в этом танце главное все-таки живот — не зря ведь он носит такое название? Однако когда смотрела, видела, честно говоря, только бедра. То есть животом девушки тоже «играли», но бедра точно были эффектнее.

Я вздохнула поглубже и... да-да, попыталась повторить! Не вальс ведь

под бубен изображать? А мои познания в танцах только им и ограничивались.

Бум-бум-бум! — пел бубен. Я же, подняв руки, активно двигала попой в такт. Получалось... ну, честно говоря, понятия не имею, как, ибо глаза зажмурила. Но я старалась! Честно!

Вот только, увы, не помогло. Потому что не прошло и нескольких минут, как раздалось злобное фонглуновское:

— Даша, хватит! Оставь свои нереализованные эротические фантазии! Ваул хочет видеть танец Огня! Он хочет видеть душу, а не виляние твоей... задницы!

Я остановилась и открыла глаза, чтобы тотчас столкнуться с гневным взглядом куратора. Нет, нормально, вообще?

— Лорд Глун, простите за откровенность, но это отвратительно, — подала голос жрица.

Она перестала терзать бубен ровно в тот момент, когда Глун сказал «хватит», и теперь в аудитории царил гулкая тишина.

Профессор и жрица сверлили меня одинаково пристальными взорами, а я... Честно? Я очень хотела послать обоих к черту. Я ведь, все-таки, реально старалась. Ну да, не вкладывала в танец душу, поскольку понятия не имею, каким образом это делать, но пыталась. Поэтому услышать пренебрежительный ответ Глуна было особенно неприятно:

— Согласен, — сказал куратор. И уже не ей, а мне: — Даша, это не подходит.

Пришлось прикусить язык, причем в прямом смысле слова. Иначе я бы послала Глуна куда подальше, а этого делать было нельзя. Тем более сейчас. Ведь в ответ на хорошее поведение и старания куратор обещал помощь в учебе. А мне эта помощь необходима как воздух.

Она даже нужнее, чем покровительство Ваула, если совсем честно.

— Что вы предлагаете, профессор? — из последних сил сохраняя спокойствие, спросила я.

И обнаружила, что мой танец, хоть и был, по словам фон Глуна, совершенно бездарным, но какой-то эффект все-таки произвел. Иначе почему, окидывая меня задумчивым взглядом, брюнет, пусть и на мгновение, но все-таки задержался на бедрах?

— Для начала, нужно поработать не с телом, а с душой, — наконец произнес он. — Твоя душа не готова раскрыться, вот в чем проблема.

В который раз вспомнился учебник по «Философии магии огня», и я невольно скривилась.

— Шанарин! — Имя жрицы Глун произнес со вздохом. — Думаю, на

сегодня вы свободны. И, видимо, на ближайшую пару дней тоже, потому что Даша пока не способна перенять ваш опыт.

У меня от возмущения даже рот приоткрылся. Опыт? А он тут вообще был? Да эта тетка ни одного показательного па передо мной не исполнила!

Но жрица, похоже, была полностью с ним согласна. Кивнув, Шанарин решительно направилась к выходу. Ну а когда дверь за ней закрылась, я услышала вполне ожидаемое, но чертовски обидное:

— Даша, во время танца ты походила на портовую куртизанку. Я в курсе, что в вашем мире нравы более распущенные. — Глун поморщился. — Но подобное поведение здесь, в приличном обществе, неприемлемо.

Я хотела сдержаться, но не смогла и сердито выдохнула:

— Тогда покажите как надо. Покажите как правильно. Раскройте душу, профессор!

Тот ухмыльнулся, но, конечно, не повелся.

— Два дня на медитацию, — вместо этого сказал Глун. — Потом попробуем еще раз. Без эротических танцев.

После чего небрежно указал на пол, развернулся и вышел. И этот его жест даже не намекал, а приказывал — сядь и займись медитацией.

Фанатом восточных практик я никогда не являлась, но, тем не менее, опустила на пол. Вот только в астрал, или куда там еще положено, не ушла. Просто задумалась.

Для начала, о Шанарин. Жрица, несмотря на все улыбки, с самого начала относилась ко мне с неприязнью. Теперь я в этом была абсолютно убеждена.

Зависть ли это или боязнь конкуренции, а, может, и то и другое вместе — не знаю. Но это и не важно. Главное — Шанарин мне не помощник. Наоборот, по возможности эта тетка, уверена, сделает все, чтобы я «провалилась».

Глун... вот насчет него не знаю. Конечно, профессору не особо понравится, если я потерплю фиаско. Но он все-таки подстраховался — устроил так, что танцевать буду только для студюзусов и преподавательского состава. То есть, если даже у меня ничего не получится, максимум, что грозит Глуну — приватный выговор от ректора. А то, что я при этом опозорюсь перед толпой адептов, ему без разницы.

Короче, по-любому, хуже всех придется мне. А раз так, нужно искать выход, ибо я не готова доставить им такую радость.

Но раскрывать душу... черт, неужели этого действительно можно добиться простой медитацией?

Повинуясь внутреннему порыву, я достала кулон, который прежде прятала под туникой, и пересела так, чтобы оказаться лицом к зеркальной стене. А потом закрыла глаза и вообразила статую Ваула — ту, которую видела в храме.

В этот раз я даже не пыталась что-либо просить. Просто сидела, «смотрела» и пыталась понять, что Огненному богу вообще надо.

Подрядив на танец, Ваул выделил меня из толпы и заставил сокурсников изменить свое отношение от брезгливого на диаметрально противоположное. Плюс он как-то повлиял на Каста и передал мне подарок. То есть по всему выходило, что Ваул услышал мои молитвы и решил помочь, или же...

Нет! Я решительно отбросила неприличные мысли. Кто я такая, чтобы меня, пардон, бог Огня возжелал?

Излишней самонадеянностью я никогда не страдала, поэтому прекрасно понимала: до неотразимой красавицы недотягиваю. Да, я симпатичная, но не более того. И даже тот факт, что Ваул, по легенде, не всегда верен своей жене, меня в собственной привлекательности для бога не убедил.

Куда более реалистичным выглядело предположение о том, что Огненный бог предоставил мне шанс. Но при этом Ваул явно не из тех, кто привык нянькаться с людьми. Следовательно, профукать этот шанс я права не имела, потому что другого не будет. А раз так... нужно понять специфику этого танца.

Еще не знаю как, но я справлюсь. Обязательно. И когда станцую, тот же Глун трижды пожалеет о том, что этот танец для Ваула, а не для него.

Черт, а причем вообще тут куратор?

Так. Даша, прекрати. Хватит вспоминать тот дурацкий сон. Ты же знаешь, что сны — это обычные фантазии, а Глун — обычная ядовитая сволочь, которая желает тебе провала. И ничего общего с тем мужчиной, который лежал рядом с тобой на алых простынях и дарил умопомрачительные поцелуи, этот аристократический расист не имеет.

Лучше сосредоточься и ищи выход. Ты не имеешь права на провал хотя бы потому, что поларцы недостойны такого счастья.

Глава двенадцатая

Я не знаю, как так получилось — вроде просидела в зеркальном зале не больше получаса, но ужин все-таки пропустила. И ладно, я! Я привычная, но из-за этого теперь мог остаться голодным еще и твир. А ему кушать надо, чтобы сил набраться. Он и так ел слишком мало, на мой взгляд. Всего пара-тройка бутербродов в сутки — разве это серьезно?

А столовая уже закрыта, и никаких ночных обедов для особо замученных жизнью студентов у нас не предусмотрено. Что там, в здешнем парке даже яблони не растут!

Черт. Я сказала «у нас»? Дожила, уже рассуждаю так, будто одна из них, не чужая, а своя. Но истина-то в том, что мы по разные стороны баррикад и ситуация вряд ли изменится. Я — иномирянка, они — коренные жители Полара. Они не любят нас... по официальной версии, за многое, но я-то вижу, что настоящая причина в силе.

Я единственная первокурсница, которой удалось создать пульсар. И я единственная за сколько-то там веков, кого отметил Ваул. Хотя к подобной известности я не стремилась. И вместо этого с удовольствием постояла бы в сторонке и понаблюдала за кем-то более успешным. Даже если в роли этого «кого-то» выступал бы один пижонистый рыжий тип.

Кстати, а какого дьявола я топчусь у двери в его комнату? И кажется, уже не минуту, и даже не две. В дурацкой жреческой одежде и со свертком из вещей и тетрадей.

Ах, точно! Твир. И до ужаса дурацкая ситуация. На факультете я, фактически, не знакома ни с кем, кроме Каста и Кэсси, но где комната Кэсси я понятия не имею. Да даже если бы и знала, не решилась бы подойти, особенно после нашего последнего «общения» и ее холодности.

А вот к Касту, как ни смешно это звучит, обратиться не страшно. Каст, он...

Постучаться я все же не успела, рыжий распахнул дверь сам. Но сильно сомневаюсь, что он почувствовал мое присутствие. Просто «король факультета» собирался куда-то идти, и, обнаружив меня перед дверью, искренне изумился.

— Даша?

Я робко улыбнулась в ответ и, пересилив смущение, спросила:

— Каст, не пойми меня неправильно, но... у тебя еда есть?

Пижон поджал губы и отступил вглубь своих «покоев».

— Входи, — сухо сказал он. — Я не привык держать гостей на пороге. Да я как бы не гость... Но вслух этот факт уточнять не стала. И даже приняла приглашение «короля» — переступила порог его хором.

Но Каста такой вариант не устроил. Он решительно оттеснил меня в комнату, закрыл дверь и только потом спросил:

— Для себя спрашиваешь или для твиря?

— Для твиря, разумеется, — подтвердила я.

И растерянно моргнула от следующего вопроса:

— А сама ужинала?

Черт! Что там Зяба и Дорс говорили о симпатиях этого рыжего пижона?

— Каст, это не ва...

Прежде чем я успела договорить, их рыжее «высочество» процедили «ясно» и потащили меня вглубь комнаты. Почему я не воспротивилась? Да по самой банальной причине: растерялась!

Я позволила усадить себя на низкий диван и, стараясь сохранить нейтральное выражение лица, выслушала следующее заявление:

— Прости, еды в комнате не держу, только закуски.

С этими словами Каст направился к невысокому шкафчику в противоположном от дивана углу.

Я умею, но очень не люблю врать. А врать себе я не люблю в двойне. Просто смысла в этом занятии не вижу.

Так вот, когда я смотрела, как напыщенный пижон достает из шкафчика тарелки с сыром и мясом, а следом вынимает бокалы и бутылку вина и тащит все это дело к низкому столику, который стоит перед диваном... то с великим неудовольствием признала — Каст мне нравится.

Нравится, несмотря на все его выходки и пафос. Несмотря на то что решил оказать помощь лишь после выволочки, которую устроил Дорс. Несмотря на попытки шантажа и нарушение моей личной территории.

— Ешь, — сказал Каст хмуро.

Передо мной уже стояли те самые тарелки с закусками.

— Хлеба, прости, нет. — Рыжий не извинялся, он констатировал. — Я на мучной диете не сижу, поэтому мне не досталось.

Я не могла не улыбнуться. И еще не могла не сказать:

— Шепни Кэсси, чтобы не вздумала сидеть на этой диете.

— Уже, — сообщил рыжий недовольно. — Но она не слушается.

А потом, к моему окончательному удивлению, ушел за стулом, чтобы не садиться рядом со мной. И я точно поняла — причина не в брезгливости, просто пижон по какой-то неведомой причине не хочет меня спугнуть.

Эх, как иногда противно быть здравомыслящей! Как неприятно осознавать, что именно происходит. Лучше бы все было иначе — наивность, самообман, романтика...

Впрочем, о романтике с Кастом, это я, пожалуй, слегка перегнула. Видимо, жреческие танцы с медитациями виноваты.

— Как прошло занятие со жрицей? — словно угадав мои мысли, в это же время поинтересовался Каст.

Я вообще-то не собиралась говорить на эту тему, а уж жаловаться тем более. Но все-таки сказала:

— Ужасно. Они хотят, чтобы я импровизировала.

Огневик откупорил бутылку и принялся наполнять бокалы, уточнив:

— А ты?

— А я не из тех, кто начинает пританцовывать, едва услышит любимую мелодию. Я вообще это дело не люблю.

Каст улыбнулся, но не высокомерно, не ехидно, а понимающе. И протянул бокал с рубиновой жидкостью. Прежде чем делать выводы о его содержимом, я принюхалась. Бокал пах виноградом — то есть это и впрямь вино.

— Тогда попробуй раскрыть свою душу, — подхватывая свой бокал, сказал Каст.

Это прозвучало настолько буднично, что я... нет, я бы все равно не взбесилась. Я слишком устала за сегодня, да и медитация (хотя назвать мое сидение в зеркальном зале медитацией способен только полный профан) уровень раздражительности все же снизила.

— Каст, ну хотя бы ты объясни — чего вы все так привязались к моей душе?

Парень поджал губы в неудовольствии.

— Лично я не привязываюсь. А в том, что касается всего остального... просто огненная магия — это магия именно души. Подчинить стихию помогает внутренний огонь, понимаешь?

Я понимала, но...

— Ваулу, по большому счету, плевать на мастерство магов, — добавил Каст. — Ваул ценит именно внутренний огонь, а вовсе не способность творить заклинания.

Я подхватила кусочек сыра, и только прожевав его, пригубила вино. Оно оказалось вкусным и совсем не крепким.

— Не уверена, что смогу справиться с этой задачей. — Это признание вырвалось против воли, как-то само собой.

Каст улыбнулся. Потом улыбка огневика стала широкой, и в ней

появились оттенки самодовольства.

— Ну, не сможешь, так не сможешь. Ваул на тебя точно не обидится.

Я вопросительно изогнула бровь, но пояснять сказанное рыжий не стал. Он сказал о другом:

— Зато в следующий раз умнее будешь. И прежде чем жаловаться на меня...

— Каст, — перебила я возмущенно. Вот кто блин о чем! — Я не на тебя жаловалась.

Точнее, не на тебя конкретно. Я жаловалась на всех, а на тебя чуть больше других, но ты это заслужил. Правда, говорить вот это вслух я не стала. Ну его.

Тем более ситуация та еще. Вот кто бы мне хотя бы месяц назад сказал, что я буду на полном серьезе обсуждать божественные дары и наказания...

Я украдкой потрогала спрятанный под тканью туники кулон. Н-да, на Земле такое невозможно, но тут Полар. И теперь я уже не удивляюсь легенде о том, что здешние боги действительно разгуливали среди людей.

Кстати...

— А ваши боги... где они живут? — любопытствовала я.

Рыжий закатил глаза.

— Даш, давай как-нибудь в следующий раз об этом поговорим, а? В данный момент я не горю желанием обсуждать своего покровителя. Слишком свежи воспоминания о нашем последнем, гм, разговоре.

В ответ на страдальческую гримасу Каста я улыбнулась, но настроение все равно стало улетучиваться, и даже вино не помогало. Поэтому я съела еще кусочек сыра, отставила бокал и недвусмысленно покосилась на тарелку с мясом. Кузе это точно понравится.

— Бери, — разрешил Каст. — Но тарелку вернешь.

О! А рыжий-то, оказывается, парень домовитый!

— Обязательно, — заверила я. — И даже помою, прежде чем возвращать.

Ну да, я его немного подкалывала.

А Каст снова губы поджал. Но, несмотря на это, вежливо проводил до двери и даже придержал для меня эту самую дверь. Похоже, разговор у него с Ваулом и впрямь был серьезный.

От этой мысли я невольно улыбнулась, но в голову тут же пришла другая, менее приятная: а надолго ли его хватит?

Хотя лучше в пессимизм все-таки пока не впадать. Нужно верить в то, что все будет хорошо. Или даже еще лучше!

И все-таки, соглашаясь на церемониальный танец Огня, я не понимала, на что подписывалась. Вернее, не осознавала, в какую огромную проблему может вылиться эта вроде бы маленькая авантюра. А проблема оказалась поистине внушительной. Прямо-таки гигантской!

Потому что у меня не получалось. Вообще. Никак.

Два дня медитации, к которой я отнеслась очень серьезно, даже серьезнее чем к лекциям, ничего не дали. Ну, если не считать многочисленных пульсаров, которые вовремя ловил и гасил профессор Глун, присматривавший за сидящей в позе лотоса мной. И хотя куратор утверждал, что находится рядом исключительно ради моей безопасности, складывалось ощущение, что это далеко не единственная причина. В основном Глун следил, чтобы я не халтурила.

Причем тут пульсары? А они выходили совершенно непроизвольно. Просто в момент медитации я визуализировала огонь, пыталась прочувствовать его, чтобы понять, как нужно двигаться в танце. И вот итог — передо мной то и дело вспыхивали огненные шарики. Причем некоторые из них, после появления, начинали хаотически носиться по залу, ибо я, да-да, думала не только об огне, но и о танце.

Я пыталась представить, вообразить, как танцую перед статуей Ваула. В воображении все получалось довольно любопытно, но только до того момента, как в голову вновь не приходили движения, которые я делала на первом «занятии». Те, которые Глун назвал пошлыми. Наверное, он был прав, но... Черт! Почему все так сложно?

А потом случилась новая встреча с Шанарин. Жрица опять принесла с собой бубен и улыбалась. Ну а куратор, который тоже на занятии присутствовал, глядел со скепсисом. И как, простите, под таким взглядом танцевать?

Однако когда жрица взяла свой примитивный музыкальный инструмент, а зал наполнился гулким «бом-бом-бом», я стиснула зубы. И, выбросив из головы все неприятные мысли, попыталась сделать то, что два дня подряд делала в своем воображении — то есть станцевать. И станцевать красиво.

Вот только и эту мою попытку никто не оценил.

Минут через пять, сквозь пение бубна прорвался шумный страдальческий вздох Глуна, и я сбилась. И вмиг растеряла с трудом приобретенное душевное спокойствие. Крупицы вдохновения, которые вели меня в танце, тоже исчезли.

— Даша, это никуда не годится, — сказал куратор сурово.

А Шанарин подарила жалостливую улыбку, в которой мне снова виделась фальшь.

И так обидно стало!

Понимаю — ей неприятно, что Ваул удостоил личным вниманием какую-то иномирянку, но ведь никакой трагедии тут нет. По большому счету, нам с Шанарин и делить-то нечего. Я станцую один раз и все, свободна. Снова студентка, снова вне их жреческих интриг. Так зачем надо мной издеваться? Нет, правда, зачем?

— Даша, ты действительно не понимаешь, — сказала Шанарин со вздохом. — Лорд Глун уже указывал тебе на эту ошибку, но ты не услышала.

Я прекрасно помнила, на какие именно «ошибки» указывал куратор, так что сразу напряглась и выпрямилась.

— Я тоже была молодой девушкой, — продолжала жрица. — И я прекрасно понимаю твои желания. Ваул будоражит, его образ вызывает совершенно определенные эмоции. Но твоя задача показать душу, а не соблазнить бога.

Мат. Только могучий русский мат зазвучал в эти мгновения в моей голове. Но я сдержалась. И даже не огрызнулась. Я вообще после первой же медитации какой-то сверх вежливой стала и покладистой. Так что ответила максимально корректно:

— Шанарин, я никого не соблазняю. Я танцую, как умею.

Улыбка жрицы в ответ на это будто говорила: «Очень слабая отмазка, девочка».

Не выдержав, я скрипнула зубами. Эти поларцы какие-то ограниченные! Может, у них тут и принято видеть в своих эротических фантазиях богов, но я — человек другой культуры. Да и не нужно мне этого. Я скорее Каста или Дорса соблазнить попытаюсь, нежели огромную золотую статую.

Но делиться этой правдой я не стала. Не видела смысла. Да и какая разница, что думает обо мне Шанарин? Заблуждения Глуна, если честно, тоже не слишком волновали.

Мне просто нужно сделать танец для Ваула. Потому что после этого я смогу стребовать с куратора помощь в учебе.

— Ладно, — сказала я ровно. — Давайте попробуем еще раз.

И мы попробовали. Потом еще раз. И в третий, и в десятый.

Под конец «занятия» Шанарин, не стесняясь, закатывала глаза, а Глун смотрел внимательно, но с таким снисхождением, что я понимала: он окончательно поставил на мне крест и теперь попросту ловит кайф от моих

мучений.

— Профессор, это безнадежно. Я не смогу ее научить, — наконец, заявила Шанарин.

— И, тем не менее, придется продолжать. У нас нет другого выхода, — ответил куратор. — Вы ведь понимаете, что, учитывая интерес Ваула к Даше, он может поинтересоваться, почему избранница не была готова к танцу.

Не поняла? Меня что, защищают?

Хотя нет. Вряд ли. Скорее, Глун выгораживает себя и Шанарин, дабы не получить претензий за то, что проигнорировали желание бога и не помогли «тупой» иномирянке сделать все как надо. А если они будут возиться со мной, то им ничего не выскажут, даже если я провалюсь. Они же, вроде как, пытались, время тратили.

В общем, пытка продолжилась.

Отдельным неприятным моментом стало то, что благодаря «занятиям» с Шанарин и медитациям под присмотром Глуна, я совсем выпала из жизни.

Я и раньше-то «вне струи» была, а теперь и вовсе где-то в районе космоса оказалась. Причин тому было две: откровенная нехватка времени и безумная усталость.

Вот кажется, что такого в танцах и медитации? Но нечто особенное в занятиях все-таки имелось, потому что силы после них действительно таяли, и каждый раз, выходя из зеркального зала, я чувствовала себя опустошенной. Восстановиться не удавалось даже за всю ночь, и это притом, что спать я стала ложиться сразу после ужина.

Водники, с которыми я делила стол, смотрели с сочувствием, особенно Дорс. Огневики, и в частности огневички, с настороженностью, а некоторые так с откровенной завистью. Остальным студиозусам было, в общем-то, наплевать, хотя временами чудилось, что они надо мной посмеиваются и просто не верят, что у меня получится.

Несколько раз за неделю со мной пыталась пообщаться поближе Эстер — та самая брюнетка длинноносая. Она даже умудрилась напроситься к Кэсси в помощницы для покупки мне необходимых вещей из списка.

Хорошо хоть пакеты девушки решили вручить в коридоре. Не пришлось придумывать причин для отказа пускать назойливую огневичку на чердак.

Зато теперь у меня появилось хоть немного, но собственных вещей, включая одежду. Правда, три презентованных факультетом однообразных длинных платья выглядели не слишком впечатляюще, но тут уж, как

говорится, «бери, что дают».

Тем более, меня успокоили известием о том, что в конце месяца всем студентам положена стипендия. Так что я уже с предвкушением поглядывала в сторону шкафа. А что? Деньги мне и в будущем могут пригодиться. Мало ли? А одежду я могу и из шкафа достать. Если сильно не наглеть, то все будут считать, что я просто ее купила.

В общем, большинство проблем постепенно сходило на «нет». Оставалась лишь одна, главная — танец Огня.

Я искренне пыталась понять, что делаю не так. Я думала об этом дурацком выступлении каждую свободную минуту, и часами пропадала в тренировочной аудитории под надзором Глуна. Под конец дошло до того, что я перед ним уже не только в зале, а даже во снах танцевала.

Хотя, утрирую, подобный сон был всего один, но зато какой!

Мое подсознание уложило брюнета на кровать, на знакомое алое постельное белье и впихнуло ему в руку бокал вина. Фон Глун пребывал в образе эдакого восточного тирана, наделенного повышенной сексуальностью. Без рубашки, в одних штанах он небрежно раскинулся на подушках. Темные, слегка влажные волосы мужчины струились по плечам, а на бронзовой коже блестели капельки воды, будто он недавно из душа вышел.

И вот, лениво попивая это самое вино, фон Глун наблюдал за моим танцем. А я делала именно то, что ему особенно не понравилось в реале — вертела попой на манер восточной танцовщицы. Но во сне брюнет не злился. Наоборот, он смотрел на мои бедра с какой-то особенной, предвкушающей улыбкой.

А потом Глун отставил бокал на прикроватную тумбочку и властно поманил меня пальцем.

Вот только я не подошла. Просто не успела, потому что проснулась... от грохота.

Это Кузя, то ли сам по себе, то ли с моей легкой подачи, свалился с кровати.

— Бли-и-и! — сообщило откуда-то снизу это чудо.

Я сперва испугалась, ведь упал же. А потом закусила одеяло, чтобы не захотеть в голос, когда с пола уточнили:

— Бли-и-и блински-и-и!

Кузя, кстати, страдал от моих занятий танцами больше всех — твиру не хватало общения и внимания. В четверг он дорастил себе хвост до нормальных размеров, а я и не заметила, пока этот... котик, не начал прыгать вокруг меня с воплем:

— Хвос-с-с! Хвос-с-с!

Зато Кракозьябр, наоборот, процессом этих тренировок наслаждался. Ведь в его распоряжении было огромное зеркало аудитории, где надо мной издевались Шанарин с Глуном, и бесплатный цирк в придачу.

Ох, как же этот ехидный монстр ухахатывался! Каждый вечер, как только вымотанная и совершенно разбитая я вваливалась на чердак, меня приветствовали очередными комментариями или подколками. Даже угрозы запихнуть зеркало в пространственный карман твира Зябу не останавливали. И да, в главном призраке был солидарен с Глуном.

— Ваул хочет увидеть твою душу, Дашка, а ты... Ой, не могу! Как ты сегодня попой вертела!

Что б его! Да, вертела, и что? Не палкой же мне посреди зала стоять?

И лишь в субботу наступила долгожданная передышка. Я, наконец-то, выпалась! И даже тот факт, что завтрак пропустила, моего счастья не уменьшил.

Сонно и счастливо потягиваясь на кровати я, пожалуй, впервые за все это время искренне благодарила Глуна. Просто за то, что куратор не стал менять график занятий на выходные. В зал с зеркалами мне предстояло идти только вечером, а день, в виду отсутствия лекций, оказался совершенно свободен.

Но несмотря ни на что, я не собиралась тратить его впустую. Первое архиважное дело было сделано — я выпалась. А к реализации второго я планировала приступить сразу же после обеда.

В столовую я вошла одной из первых. Пустых столиков на этот раз было очень много, свидетельствуя о том, что большинство студиязусов предпочли провести этот выходной в городе. А, может быть, и оба выходных — кто знает, какие тут нравы и возможности?

Привычной компании в лице короля факультета Воды и Таузы с Луиром, увы, тоже не наблюдалось. Кажется, Дорс вчера что-то говорил о намерении водников куда-то съездить.

Но, несмотря на их отсутствие, я по привычке все равно направилась к «нашему» столику. При этом очередной возможностью наладить контакт с Эстер, которая снова подзывала к себе, пренебрегла. Ну не нравилась мне носатая брюнетка, что поделать?

Вот с Кэсси я бы пообщалась, но та, как назло, интереса по-прежнему не проявляла. В отличие от своего брата.

На этот раз Каст обедал вместе с сестрой. Всю эту неделю рыжий пижон меня демонстративно не замечал, а сегодня обратил внимание сразу.

Думаю, причина была в моем внешнем виде — я пришла на обед в форменном балахоне, потому что после собиралась заглянуть в храм Ваула.

Зачем? Просто осточертела вся эта ситуация с танцем, если честно.

Нет, я не собиралась просить огненного бога отменить выступление и вообще разговаривать с ним не планировала. Хотела лишь взглянуть на храм изнутри и поискать вдохновения. Все-таки, именно там танцевать предстояло.

Понимаю, что глупо, но вдруг поможет? Раз напутствия Шанарин и фон Глуна мне как мертвому припарки.

Об этом я размышляла, уничтожая суп, с этими же мыслями отнесла поднос с грязной посудой и покинула столовую.

Наиболее близкий к храму выход из академии располагался рядом с башней факультета Огня. Миновав знакомый коридор, я толкнула массивную дверь и вышла в парк.

Теплые лучики неяркого осеннего солнца приятно щекотнули лицо. Я невольно улыбнулась и свернула влево, к гравиевой дорожке, которая вела к храму. Но не сделала и десятка шагов, как была остановлена окликом:

— Даш, ты куда?

А, обернувшись, с удивлением обнаружила, что меня догоняет Каст.

Уровень пижонства огневика, не иначе как по случаю выходного, зашкаливал. Алая рубаша, стильная кожаная жилетка, узкие штаны с алым же узором по бокам — этикие полярские лампасы, и высокие сапоги с острыми носами. Каст был гладко выбрит, а рыжие, собранные в хвост волосы блестели так, словно он только что покинул салон красоты.

Король огненного факультета приблизился и остановился на расстоянии шага, хмурый и напряженный.

— Так куда ты так спешишь? — повторил он вопрос.

— В храм, конечно, — озвучила я очевидное.

Каст поджал губы, и я фыркнула, добавив:

— Не бойся. Жаловаться на тебя не собираюсь.

По глазам парня поняла, что стрела попала в цель. Но... пижон тут же картинно заломил бровь и небрежно махнул рукой.

— Да жалуйся на здоровье.

Гляньте, какие мы, оказывается, смелые. Вот только зачем тогда за мной бежать было?

— Так не на что жаловаться, — не могла не поддразнить я. — Ты с некоторых пор такой хороший, что даже не верится.

— С некоторых пор? — В голосе Каста зазвучало наигранное возмущение. — Даш, ты просто ничего не понимаешь в парнях.

С этими словами рыжий галантно подставил локоть и сообщил:

— Я провожу.

Черт, ну надо же. А кто в первый день шарахнулся от меня, едва Кэсси намекнула, что могут пойти кривотолки?

Впрочем, не важно. Мелочи это все. И не о Касте сейчас думать надо.

— Спасибо, Каст, но я сама.

Мне подарили удивленный взгляд, и я поспешила пояснить:

— Каст, я, правда, жаловаться не буду. Я вообще не молиться иду, а так... вдохновения поискать.

— Ну а чем тебе мешает моя компания?

— Ничем не мешает, но...

Договорить я не успела, поскольку рыжий в очередной раз доказал свою наглость. Он сделал шаг навстречу, обвил рукой мою талию, ловко развернул как куклу и попытался, собственно, сопроводить.

— Каст! — возмущенно выдохнула я, но была проигнорирована.

— Даш, мы вроде уже выяснили: я парень приличный, бояться меня не надо, веду я себя пристойно, и так далее, — сообщил пижон и вновь попытался увлечь в сторону храма.

Но на этот раз я уперлась и из его объятий все-таки вывернулась.

— Каст, прекрати.

В его взгляде промелькнуло что-то странное. А в следующий миг король факультета опять шагнул навстречу, снова обвил рукой талию, но увести дальше по дорожке уже не пытался.

— Даш, а давай поговорим серьезно? — холодно произнес он.

И вот теперь мне по-настоящему стало неудобно.

— О чем? — нервно спросила я и вновь попыталась вырваться, хотя понимала — бесполезно. Рыжий держал очень крепко, я бы даже сказала слишком.

— Ну, например, о том, что я все-таки хороший, а ты меня немного подставила. И теперь мне положена небольшая компенсация за страдания.

Ничего себе, заявочки! И я считала Каста наглым? Да он не наглый, он... он просто бог Наглости!

— Понимаю, что ты сейчас очень занята танцами и прочим, но время на пару поцелуев и одну недолгую совместную прогулку у тебя наверняка найдется, — подытожил Каст.

От такого заявления у меня аж дар речи на мгновение пропал. Вот ничему жизнь людей не учит.

— Каст, а давай ты с кем-нибудь другим поцелуешься и прогуляешься, а? — предложила я мрачно.

— Я бы рад, но должок-то именно за тобой, — ответило «величество» с замашками мужлана. — А отказываться от долгов некрасиво, Дашунь.

И меня собственнически прижали к груди.

— Пусти! — прошипела я, упираясь ладонями.

Но рыжему было глубоко плевать на сопротивление. Мало того, он даже не шелохнулся — сила у Каста оказалась сумасшедшая. Вместо этого пижон криво улыбнулся и полюбопытствовал:

— А если не пуцу, то что? Опять Ваулу нажалуешься?

В его голосе звучала насмешка. Но я поддаваться на провокацию не собиралась, поэтому охотно сообщила:

— Не люблю жаловаться, Каст. Но в данной ситуации быть ябедой — одно удовольствие.

Однако и эта угроза пижона не впечатлила.

— Мм-м, какая ты сегодня смелая, — протянул он, а потом вдруг запустил пальцы в мои волосы и с тихим рыком прижался к губам.

Это произошло стремительно, но стиснуть зубы я все-таки успела. Вот только признать поражение Каст отказался... и совершенно неожиданно наступил мне на ногу!

Не удержавшись, я вскрикнула. Знала, что нельзя, но все случилось слишком быстро. К тому же, я в балетках, а он в сапожищах и...

Сволочь!

Каст абсолютно точно знал, что делает, и очень умело воспользовался результатом. Его язык самым наглым образом вторгся в мой рот, а вот дальше...

Я вдруг почувствовала, как в районе груди полыхнуло нестерпимым жаром, и в то же мгновение Каст отшвырнуло с такой силой, что жутко стало. Пролетев по воздуху метров пять, не меньше, он рухнул на гравийную дорожку.

Однако сразу подскочил и зло прошипел:

— Какого гхарна?!

И никаких стонов, никаких криков боли... да что происходит?!

Я потрясенно посмотрела на неуживимого огневика, а потом запоздало прикоснулась к груди. Кулон, подаренный Ваулом и который я носила под одеждой, был на месте. Именно там, чуть ниже ключиц, все еще чувствовалось теплое эхо пожара, который охватил меня за долю секунды до того, как Каст отправился в полет.

То есть это не просто подарок, а защита? Та самая защита от Каста, которую я просила?!

Ваул... теперь я, кажется, понимаю, почему Шанарин так активно

подчеркивала мое мнимое желание вас соблазнить. Вы действительно лучший. Чтобы заполучить такого мужчину, как вы, любая женщина пойдет не то что на соблазн — на преступление!

И отдельная благодарность вашему чувству юмора. Вы же нарочно не предупредили Каста о способностях этого кулона? Верно?

— Даша! — выдохнул взбешенный огневик. — Даша,ними!

Вот уж дудки!

Не сдержавшись, я наградила Каста неприличным жестом, круто развернулась и отправилась обратно в академию. Нет, мне незачем идти в храм Огня. И теперь я точно знаю что делать.

Я станцую для вас, Ваул! Станцую так, как не танцевала ни одна жрица!

В аудиторию, где проходили занятия с Шанарин, я вошла с самым серьезным, но немного запуганным видом. Строить из себя неуверенную, забитую жизнью студентку было легко и даже чуточку приятно.

Профессор Глун, с которым мы встретились на выходе из общаги, вошел следом. И хотя лица моего в тот момент видеть не мог, каким-то образом состояние все-таки определил.

— Даша, что случилось?

Отказаться танцевать прямо сейчас? Нет, нельзя. Это глупо, ибо подозрительно.

Обернувшись к куратору, я сделала честные глаза и сказала:

— Все хорошо. Просто волнуюсь.

О причинах волнения Глун не спросил. Впрочем, для него они и так были очевидны: сложно не париться, когда ничего не выходит. Вернее, ничего достойного с точки зрения умудренных жизнью «преподавателей».

— Не волнуйся, — сказал брюнет. Слова поддержки? Да как бы ни так! — Просто возьми и сделай.

Я поджала губы и покорно кивнула.

Сделаю, господин... мм-м, простите, лорд куратор. Вы, главное, не мешайте мне больше, ладно?

Правда, вслух я этого, разумеется, произносить не стала. И вообще, если уж совсем честно, не была уверена, что Глун меня «валит». Зато Шанарин точно добра не желала и прилагала все усилия, чтобы убить во мне и без того скудное желание станцевать перед Ваулом.

Позицию жрицы я понимала с самого начала, но теперь она стала особенно очевидной. Ну а в том, что касается Глуна...

— Лорд куратор, позвольте личный вопрос?

Брюнет удивленно приподнял бровь, но согласно кивнул. Так что я спросила:

— Вы в храм Огня часто ходите?

Видимо, тема профессорской религиозности и впрямь оказалась очень личной, ибо фон Глуна аж перекосило.

— Дарья, я графики посещений не составляю, — недовольно бросил он. — И тебе не об этом необходимо думать, а о занятии. Шанарин и так тратит на тебя очень много времени.

Угу. Значит, скорее всего, я права, и Глун в храме появляется весьма редко. А если так, то вряд ли он видел большое разнообразие этих самых «танцев Огня». Специалист здесь один — Шанарин. На ее мнение куратор и ориентируется.

Что ж, теперь это только на руку. Вновь покорно кивнув, я повернулась к жрице и сообщила:

— Я готова.

И мы приступили к занятию.

Следующие полчаса я старательно изображала скромную девочку, которая таки поддавалась на уговоры одноклассниц и пришла на школьную дискотеку, в первый раз в своей жизни. Никаких «бедер», никаких прогибов, никакой сексуальности. Ничего! Просто плавное движение под стук бубна и переборы руками — примерно так, будто лампочку из невидимой люстры выкручиваю.

И это был первый раз, когда жрица широко улыбнулась и сказала:

— Вот так, Даша! Вот это — хорошо! Продолжай в том же духе!

От столь неприкрытого лицемерия меня едва не передернуло. Но на помощь, как ни странно, пришел Глун. Выражение аристократичного лица в этот момент стало настолько кислым, что я была вынуждена закусить губу, чтобы не улыбнуться.

Теперь сыграть неуверенность и разочарование было реально трудно. Однако я сделала над собой титаническое усилие и с максимально возможной робостью спросила:

— Лорд куратор, вам не понравилось?

— Мм-м... — неопределенно промычал фон Глун.

— Это было превосходно, — встряла Шанарин.

— Мм-м... — не разделил энтузиазма женщины профессор.

— Еще немного, и Даша, наконец, окончательно раскроется! — добавила жрица.

— М-мда...

Спасибо, лорд Глун. Большое-пребольшое!

Вдохнув поглубже, я повернулась к жрице и печально произнесла:

— Спасибо вам, Шанарин, но не успокаивайте меня, не надо. Я все поняла, я не справляюсь. И только зря трачу ваше время.

Да, вот теперь я пошла в отказ, будто бы полностью признавая собственное поражение. Могла, конечно, сыграть иначе и «обрадоваться» похвале. Но «крутить лампочки» еще неделю? Целую неделю старательно изображать забитую жизнью тихоню? Увы, я училась на экономиста, а не на актрису, так что столь долгий спектакль попросту не выдержу. Точно расколуюсь.

К тому же, очень не хочется тратить время столь бездарно.

— Наверное, лучше потратить оставшиеся дни на медитации, — добавила я. — Возможно, через медитацию я все-таки пойму. — И, прежде чем Шанарин успела что-либо сказать, повернулась к куратору: — Лорд Глун, я думаю, госпожа жрица сделала все, что могла. Мне совесть не позволяет продолжать издевательства над ее вкусом и чувством прекрасного.

Честно говоря, не верилось, что куратор поддержит — ситуация была слишком очевидной. Тем не менее, он кивнул.

— Согласен. — И добавил с очень обидной интонацией: — К тому же, Ваул не мог не понимать, кого выбирает. Выше головы не прыгнешь.

С трудом, но я все же смогла скрыть победную улыбку, да и вообще эмоции подальше запихнула. Обманывала в этот момент не Шанарин — таких, как она, провести почти невозможно. Спектакль был рассчитан на Глуна.

— Лорд Глун! — запоздало попыталась возразить жрица.

Но куратор поднял руку в упреждающем жесте, и брюнетка стихла.

— Пусть Даша занимается медитацией, — произнес брюнет. — Я скажу настоятелю, что вы сделали все возможное, Шанарин.

Женщина гневно поджала губы, но очень быстро взяла себя в руки. Подхватив отложенный на скамью бубен, Шанарин кивнула куратору, подарила мне широкую улыбку и, подчеркнуто виляя бедрами, пошла к выходу.

А фон Глун, проводив жрицу задумчивым взглядом, привычным жестом указал на пол.

— Медитация.

Я улыбнулась, развернулась к зеркалу и плавно опустилась в позу лотоса.

Да, смотреть на воображаемый огонь определенно лучше, чем скакать по залу под колким взглядом Шанарин. А еще огонь не обзывается! И

предубеждения ко мне не испытывает.

Ну и последний плюс — во время медитации можно немного вздремнуть. И пусть сейчас это не актуально, но в понедельник очень может пригодиться.

К сожалению, радовалась я недолго. Нет, фон Глун не передумал, и с медитацией проблем не возникло — я даже сумела проконтролировать два из четырех «выбросов» пульсаров. Повод для волнения лежал совсем в другой плоскости. Он обладал рыжими волосами, предпочитал алые рубашки, узкие штаны и отличался не только наглостью, но и полной беспринципностью.

Неудивительно, что мне было попросту страшно выходить из аудитории.

На «урок» с Шанарин меня сопровождал, точнее, уместнее сказать, конвоировал профессор Глун. А вот обратно — увы, никакого конвоя. Да и пути наши расходились — препода в студенческой столовой не ужинают, у них своя столовая есть.

Так что, да, я боялась. И шла по коридорам академии очень осторожно, по-шпионски прижимаясь к стене, готовая мгновенно нырнуть в первую встречную темную нишу.

Нет, ну а как иначе? Я ведь прекрасно понимаю, что случай в парке — победа сомнительная. Ваул меня, конечно, отметил, и все такое, но вряд ли огненный бог следит за мной в оба глаза. А я гораздо слабее рыжего пижона, и абсолютно точно знаю — случись что, сама не справлюсь. В этом я уже убедилась.

К тому же Каст сейчас очень зол. А пока он в таком состоянии, лучше не рисковать и одной по пустынным коридорам не гулять. Нужно сидеть и не высовываться, ну а если высунулась — быть там, где народа побольше. Пижон слишком дорожит своей репутацией, чтобы вывернуться на меня при всех.

Несмотря на эту убежденность, в столовую я вошла с бешено стучащим сердцем. И тихонько выдохнула, когда поняла, что Каста тут нет. Не пришел. Как, кстати, и его сестричка.

Это был плюс, ибо я хоть поесть смогла спокойно, не давась под очередным прожигающим злобным взглядом. Правда, путь в общагу оказался таким же нервным, как от аудитории до столовой, но и здесь мне повезло. Не караулили, не ждали, не ловили.

А вот на чердаке... Нет, тоже никакой засады, там ждал Зяба.

— Дашка, где тебя носит?! — едва я переступила порог, воскликнул

призрак. — Иди сюда! Быстро!

Я резко сорвалась с места и пулей подлетела к зеркалу, чтобы увидеть «прекрасную» картину: Каст! Да-да, вот теперь это был он. Неспроста я пижона последние два часа из головы выбросить не могла — видать, чувствовала, что как-нибудь, да встретится.

Король огненного факультета сидел на диване в своих роскошных апартаментах, с бокалом вина в руках. На низком столике стояла откупоренная бутылка, под столом валялась еще одна, уже пустая.

— Каст, успокойся, — сказал некто невидимый. Я не сразу сообразила, что голос принадлежит его сестре, рыженькой «эльфийке» Кэсси. — Ты ведешь себя просто глупо.

— Нет, Кэсс, — рыкнул пижон. — Я все сказал!

О как. Разговор-то, оказывается, в разгаре, а я начало проворонила.

— Зяб, а что он сказал? — спросила я шепотом.

— Что тебе кирдык, — тем же шепотом сообщил монстр.

Черт, и почему меня это не удивляет?

— Каст, не будь идиотом. Не трогай ее.

— Она меня опозорила! — взвился пижон.

А сестричка его тоже кричать, оказывается, умеет:

— Да какая разница! Никто же не видел!

Каст зарычал, и лицо стало таким, что ух! Даже зная, что нахожусь в безопасности, я невольно вздрогнула.

— Плевать, — отрезал пижон. — Сказал — значит, сделаю. Сейчас не трону, ну а после праздника... она мне за все ответит.

— Ох ты ж, блин, какие мы грозные, — прошептала я. Блефовала. Да, блефовала, потому что в действительности страшно стало. — Зяб, а почему до праздника не тронет?

— Ваул, — коротко пояснил монстр.

А там, в зеркале, продолжался разговор:

— Каст, прекращай. Успокойся. Хватит, — продолжала Кэсси попытки воззвать к разуму брата. — Я уже говорила — если хочешь добиться расположения Даши, то необходимо действовать иначе.

Рыжий закатил глаза, потом сделал большой глоток из бокала и сообщил:

— Кэсс, ты невыносима. Я уже язык сломал повторять — она мне не нравится! И вообще... — он брезгливо поморщился и вновь к бокалу приложился. — Как тебе в голову подобное пришло? Она иномирянка, Кэсс. И-но-ми-рян-ка! Понимаешь?

Повисла недолгая пауза, а потом невидимая мне Кэсси захихикала.

— Что? — с угрозой прошипел пижон.

Но «эльфийка» продолжала веселиться. И каверзный вопрос задать не побоялась:

— Если Даша тебе так противна, то чего же ты целоваться полез?

Король факультета не выдержал и жажнул кулаком по столу. Очень серьезный аргумент, да. Даже нас с Зябой проняло.

А пижон прикрыл глаза в явной попытке успокоиться, и ему это даже удалось, ну настолько, насколько вообще возможно в такой ситуации.

— Смейся... — процедил рыжий. — Смейся, сколько хочешь. Но я свое слово сказал. И его побрякушка ей не поможет.

Смех «эльфийки» резко оборвался. Теперь ее голос звучал ровно, но в нем проскальзывали очень злые нотки.

— Каст, чтобы добиться Даши, для начала необходимо перестать на нее бросаться. А если Даша тебе не нужна... гхарн! Вокруг что, девчонок мало?

Услышать столь эмоциональную защиту от Кэсси было неожиданно, но приятно. Очень. А вот последовавший ответ пижона оказался нелогичен и далеко не так хорош.

— Даша моя, — отчеканил Каст. — И я ее добыю!

Угу. Именно так — «добью», а не «добьюсь».

— Прости, но ты ведешь себя как классический идиот, — сообщила Кэсси.

— Сама дура, — огрызнулся рыжий.

Огневичка явно обиделась, замолчала. Но хватило ее секунд на тридцать.

— Ладно, допустим, Дашка тебе не нравится, и это обычный спортивный интерес. Но почему ты тогда Селену уже вторую неделю игнорируешь?

— Потому что, — буркнул Каст хмуро. — Просто не хочу я ее. Надоела!

Кэсси озорно хихикнула и собиралась что-то сказать, но картинка дрогнула, и в зеркале вместо «королевской» комнаты отобразился мой уютный элитный чердак. Ну и я в тренировочном костюме.

— Все. Хватит. Хорошего понемножку, — вновь превращаясь в законченного вредину, сообщил Кракозябр.

Я было хотела возмутиться и поспорить, но потом подумала — а оно мне надо? Любопытно, конечно, но личная жизнь Каста меня не касается. Вот вообще никак. И куда больше в данный момент интересует другое:

— Зяб, а ты про «кирдык» поподробнее расскажешь? Каст говорил,

что именно планирует делать?

— Не-а, не говорил, — протянул монстр. — Думаю, он и сам еще не знает. Он сейчас слишком зол, чтобы что-то планировать. Но... — в зеркале печально вздохнули, — зная Каста... В общем, лучше сдайся.

Ничего себе, приятельский советик!

— А больше мне ничего не сделать?

— Даш, я не шучу. — Зяба действительно очень серьезным стал. — Ты просто не понимаешь, во что вляпалась. Каст очень силен, и возможностей у него гораздо больше. Тебе не выдержать этого противостояния.

Невольно вспомнился злосчастный поцелуй в парке, а вернее — объятия рыжего. Да, Каст действительно силен, и не только в магии. К тому же он король, и вообще, местный. А я...

— Я под покровительством Ваула.

— Даш, неужели ты думаешь, что огненный бог будет присматривать за тобой вечно? — парировал монстр.

Я не думала. Более того, я была полностью согласна с Зябой, но...

— Амулет-то Ваул не заберет. И, учитывая, что Каст до сих пор его с моей шеи не сорвал, думаю, снять кулон без моего согласия невозможно.

— Скорее всего, — согласился призрак. — Но ты сама амулет снимешь.

— С чего бы? — выпалила я возмущенно, а потом повернула голову и увидела Кузю.

«Котик» сидел в трех шагах и внимательно смотрел на меня.

Черт! В душе вспыхнула бессильная злость.

— И еще... — начал было Зяба, но я перебила.

— Хватит нагнетать. Будем решать проблемы по мере их поступления. Сейчас моя главная проблема — танец.

— Ну да, — согласился монстр кисло.

А я решительно мотнула головой, отгоняя мрачные мысли, и криво улыбнулась.

— Не волнуйся. Может, я во время этого танца перед Ваулом так опозорюсь, что Глун меня прибьет гораздо раньше, чем Каст на охоту выйдет.

— Не опозоришься.

Зяба так и не проявился, поэтому удивленный взгляд достался не ему, а собственному отражению. Но призрак этот взгляд все равно заметил и пояснил:

— Нет, Даш. Не знаю, что ты задумала, но чую — станцуешь, как надо.

Черт. Как все-таки приятно, когда в тебя верят.

— Спасибо, Зяб. Правда, задумка у меня самая обыкновенная.

— И?

Честно говоря, в этот миг принятое решение показалось глупым, но я все-таки сказала:

— Тогда, в храме Огня, я была искренна. Я не выделялась перед Ваулом и слов не подбирала. И именно эту искренность он оценил так высоко, что дал защиту и покровительство. Поэтому, думаю, танцевать я должна так же.

— То есть уроки Шанарин...

— К черту Шанарин, — перебила я. — И Глуна к черту. Я станцую так, как считаю нужным. И плевать, что они скажут.

Глава тринадцатая

Несмотря на то что мне предстояло танцевать на празднике Дня Всех Стихий, я как-то не удосужилась поинтересоваться, когда именно этот праздник состоится. Вернее, по словам Глуна, он должен был проходить «через две недели». А поскольку куратор сообщил мне об этом в воскресенье, я так на воскресенье и рассчитывала.

А оказалось, торжество будет в субботу. Причем водники почтят свою великую богиню ранним утром, днем придет время для богини Земли, вечер посвятят богу Ветра, ну а нашему Ваулу отдана ночь.

Какой логикой руководствовались другие стихии, выбирая себе время суток, понятия не имею. А с огневиками все ясно, ведь именно в темноте раскрываются все грани огненной магии.

Обо всем этом я узнала от того же Глуна за два дня до торжества. Куратор таки изволил часть отведенного под медитацию времени потратить на введение меня в курс дела. Кроме прочего, он так же рассказал о том, как мне надлежало вести себя на церемонии.

По его словам, появиться в храме Огня я должна буду за час до начала торжества. Там, в сопровождении жрецов, надо мною совершат какие-то очистительные ритуальные процедуры и дадут специальную одежду. Лишь после этого можно будет спуститься в главный зал, к статуе Ваула и пришедшим на церемонию огневикам.

Ну а потом торжественно поприветствовать Огненного бога и под бой барабанов, наконец, исполнить этот самый танец Огня.

В общем, ничего особо сложного и страшного. И даже сообщение о том, что праздник пройдет на день раньше, чем я планировала, не расстраивало. Скорее, наоборот, потому что... черт, мне действительно хотелось станцевать для Ваула.

Вообще, с тех пор, как Шанарин больше не маячила перед глазами, ожидание предстоящего праздника больше не вызывало нервной, злой дрожи. Я приходила в зеркальный зал с улыбкой, а уходила с огромным желанием пуститься в пляс прямо в коридоре. И это было так волшебно, так удивительно! В такие моменты не беспокоил даже тот факт, что после церемонии рыжее чудовище выйдет на тропу войны.

А Каст, кстати, данное сестре слово держал, но не без хитрости. Он вел себя так, чтобы у одной иномирянки и мысли о предстоящем «кирдыке» не возникло. Чтобы даже тени подозрения не закралось. Пижон

абсолютно ничем не выдавал своих намерений.

Но я, разумеется, не обольщалась. Впрочем, и готовиться к войне не спешила — просто отложила эту проблему на потом. А когда наступило утро Дня Всех Стихий, и вовсе не до того стало. Причем не только потому, что наступил день, которого я так ждала, просто утро выдалось презабавнейшим.

На рассвете меня разбудил стук в окно. Вообще-то там еще с ночи стучало, но тогда это был просто дождик, а вот теперь... В комнате царил полумрак, и я даже не сразу поняла, что происходит. Сонное сознание отказывалось верить, что в окно высоченной башни может кто-то ломиться.

Зато у Кузи таких проблем не возникло. Мой «котик» встрепенулся, растопырил уши-локаторы, а потом резко вскочил на все четыре, спрыгнул с постели и бросился открывать окно.

И вновь мне не удалось увидеть, как у твиря с этой его относительно новой анатомией получается отодвигать щеколды. В темноте даже при сильном желании не разглядеть, а уж спросонья тем более. Но Кузя с задачей справился, и через несколько секунд чердак наполнился запахом дождя. А спустя мгновение раздался возмущенный голос Дорса:

— Че? Дрыхнешь еще, что ли?!

Вот теперь я проснулась окончательно и, как недавно Кузя, подскочила на постели. Правда, в отличие от твиря спрыгивать с нее не стала. Наоборот, рефлекторно подтянула одеяло к подбородку, хотя и спала в пижаме. После этого щелкнула пальцами, заставив вспыхнуть люстру, и во все глаза уставилась на мокрого, но крайне довольного собой блондина в форменном, на этот раз синем, балахоне.

— Как ты тут...

— Дашка, ты чего? — перебил водник. — Дождь ведь.

Вспомнилось, как Дорс уходил с моего чердака в прошлый раз, и спирали из дождя, оплетающие его руку. Так этот водяной лифт, получается, работает в обе стороны?

— Не, ну я не понял, ты долго валяться собираешься? У тебя, вообще-то, гости!

С этими словами «гость» спрыгнул с подоконника и, на ходу стягивая форменный балахон, пошел к дивану.

Незамеченный блондином Кузя соорудил обиженную моську и полез закрывать окно. Правда, как твиру удалось снова справиться со щеколдами, я опять не увидела — отвлеклась на Дорса.

Под балахоном на воднике оказались надеты штаны и безрукавка сизоголубого цвета. На широком кожаном поясе болталась уже знакомая мне

фляга. А еще я увидела его руки... красивые, загорелые, увитые жгутами мускулов.

— О-о, — не удержавшись, протянула я и хихикнула. — Решил подбодрить меня утренним стриптизом в честь праздника?

Дорс остановился, обернулся, окинул сидящую на постели меня самым внимательным взглядом и неодобрительно покачал головой.

— Даша, Даша. Ну какой тебе стриптиз при такой пижаме? Я же предупреждал: носи шелковое и кружевное, а ты? Ай-яй-яй... Неуд тебе по основам семейной жизни.

Я показала воднику язык. Парень оскалился в ответ и собирался добавить еще что-то, но вдруг застыл, а глаза его стали круглыми-круглыми от изумления.

Дорс заметил Кузьму.

Твир как раз спрыгнул с подоконника и бодрой походкой направился к блондину. От недавней обиды и следа не осталось, на мордочке «котика» читалось предвкушение.

— Это что? — выдохнул парень ошарашенно.

Ответила ему не я, а Кузьма.

— Я котиииии. — И уже заискивающе: — Сало-о-о прине-ес?

У Дорса натурально отпала челюсть.

— Твир? — шокированно взирая на меховое бордовое нечто, выдохнул он. — Даша, ты что с ним сделала?!

— А что? — не скрывая недоумения, спросила я.

Водник выдержал долгую паузу и... нет, не ответил. Он заржал!

Кузя тут же насупился и повернулся ко мне, а что я? Я вообще не понимала, что происходит. Это и озвучила:

— Дорс, ты чего ухахатываешься?

Парень не ответил. Он продолжал ржать и тыкать в твира пальцем. Кузя, в свою очередь, каждый раз отходил в сторону, мол, не на него вообще показывают. Я же по-прежнему сидела на кровати и недоумевала.

Потом, когда истерика поутихла, мне все-таки попытались объяснить:

— Даш, ты откормленного твира хоть раз видела? Ну хотя бы на картинке?

Я примерно поняла, куда клонит Дорс, так что насупилась и призналась:

— Я собираюсь, но пока откладываю визит в библиотеку. Боюсь, мой интерес к вашей нечисти может вызвать подозрение. Особенно на фоне того, что официально я живу на захламленном чердаке и не жалуясь.

— А-а, ну-ну, — протянул водник.

Видно было, что он очень старается вновь не рассмеяться.

— Да в чем проблема? — не выдержала я.

— В том, что твиры, обычно, принимают очень... хм... как бы тебе сказать, суровую форму, — пояснил Дорс. — Даш, твир — вообще-то чудовище.

Один маленький бордовый Кузя неприязненно фыркнул. Ну и я вместе с ним.

Да, я прекрасно помню про шипы и ядовитые клыки, о которых вещал Каст. Но так же знаю и еще кое о чем.

— Твир может принять любую форму, — сказала я. — Вот он и принял. Выбрал образ, который приятен хозяйке, то есть мне.

— Да я вижу. — Водник ухмыльнулся. — И кто же он у тебя? Я таких животных раньше в глаза не видел.

Я лукавить не стала, сказала как есть:

— Ушастый лис.

— Я коти-и-и-и! — тут же возмутился Кузьма. — Коти-и-и-и!

Пришлось перейти на шепот.

— Он ушастый лис, который считает себя котиком.

— А котик — это что? — спросил Дорс недоуменно.

— Ну-у, — протянула я, не зная, как объяснить это парню из мира, где коты не водятся. Слов «няшка» и «мимими» он ведь тоже не знает, а других точных слов и не подобрать.

И тут в наш междусобойчик вмешался сам объект обсуждения.

— Ты сало-о-о прине-ес? — тронув лапкой Дорса, повторил Кузьма.

— Извини, друг, но нет, — развел руками блондин. — Я ж так, на пять минут, а не в засаду.

Ответом Дорсу стало предельно печальное и безумно выразительное:

— Бли-и-и-и!

Я не выдержала и хихикнула. Кузя выглядел в этот момент так трогательно и мило...

— Дашка, ты ненормальная, — заключил водник. — Это ж надо, такую возможность получить и так ее профукать.

— Это еще почему? — возмутилась я.

— Да потому, что твилов выводили не только для присмотра за порядком в доме, а в первую очередь для того, чтобы этот дом защищать, — сообщил Дорс со вздохом. — Понимаешь, Даш? Это был своеобразный магический эксперимент по созданию сильных, яростных охранников. И он настолько удался, что твиры, в большинстве своем, не пожелали подчиняться даже потенциальным хозяевам. Почему, думаешь, их

уничтожать-то стали? Откормленные твиры — бойцы. А от кого может защитить этот, — парень кивнул на опечаленного отсутствием угощения Кузю, — этот котик-и-и?

Хм.

Я задумчиво поджала губы. Слова Дорса многое объясняли, однако, несмотря ни на что, с мнением водника о загубленной возможности я была не согласна. Твир меня устраивал именно таким — забавным и дружелюбным. И видеть вместо этого здоровую злобную мерзость совершенно не хотела.

Ну а в том, что касается защиты...

Я хитро улыбнулась «котику» и спросила:

— Кузь, а Кузь, тебе не кажется, что кто-то слишком много себе позволяет?

Печаль с Кузьмы как ветром сдуло. Он грациозно поднялся на все четыре лапки и устался на водника.

— Так, подождите, — мгновенно отреагировал Дорс. — Я не хочу проверять на себе боевые способности этой мелочи.

Мелочь нарочито грозно зарычала, а я не удержалась от подколки:

— Кузенька, ты сала хотел? Вот там, у нашего гостя сзади, пара граммов, кажется, есть...

— Сало? — искренне возмущился водник, хватаясь за ремень. — У меня? Так, Кузьма, подожди! Я ей сейчас кое-что покажу и продолжим...

До показов и ощупываний, конечно не дошло. Просто похихикали, как всегда, и в результате Дорс счел свою миссию выполненной. Оказалось, он пришел для того, чтобы поднять мне настроение и пожелать удачи. А увидеться за завтраком не получилось бы: водники всем факультетом отправлялись в город — веселиться.

Честно говоря, такая забота была приятна. Хоть кто-то, не считая Кузи и Зябы, желал мне удачи. И, кажется, на Поларе у меня все-таки появился один настоящий друг. Тот, кому не лень отложить дела и примчаться с утра пораньше просто для того, чтобы сказать: все будет хорошо, ты справишься.

Это дорогого стоит.

— Даша, пора!

Оклик Зябы заставил меня, как ужаленную, подскочить со стула. Машинально одернув форменный балахон, я глубоко вздохнула и поспешила на выход. Необходимо было успеть покинуть чердак до того, как профессор Глун постучится в двери. Не хотелось давать куратору и

малейшей возможности взглянуть на мое преобразившееся жилье.

Поэтому, для того чтобы определить, когда именно мне нужно выйти, Зяба последние полчаса подглядывал за Глуном.

Склоняя монстра на эту авантюру, я выяснила, что за преподами мой чешуйчатый друг следить очень не любит — боится. Потому как, в отличие от студентов, они призрака могут засечь. Причем в момент наших препирательств мне показалось, что фон Глуна Зяба опасается больше всех.

Вот только время для выяснения причин такого отношения было крайне не подходящее. Все мои мысли и эмоции занимало гораздо более важное событие — предстоящий танец Огня. Нервничала ли я? Безусловно. Однако, несмотря на это, чем меньше оставалось времени до часа «икс», тем сильнее меня тянуло в храм Ваула.

Я хотела танцевать. Это будоражащее желание пронизывало, казалось, каждую клеточку моего тела.

Кракозябр не подвел. Едва я успела запереть чердачную дверь, в коридор вышел Эмиль фон Глун. Немного удивился, увидев, что я уже здесь, а я... ну, честно говоря, тоже удивилась. Просто, как мне казалось, на ритуальную часть праздника полагалось надевать мантию. Тот же Дорс утром, после церемонии, приходил именно в ней. А Глун был в обычной одежде, пусть и красных оттенков.

— Что ты здесь делаешь? — хмуро спросил куратор.

— Жду, — чуть помедлив, призналась я. А потом вдохнула поглубже и пролепетала заготовленную отмазку: — Простите, просто я боялась, что вы не зайдете. Или будете стучаться, а я не услышу. Вот и решила...

Глун, прерывая, махнул рукой и с неудовольствием поджал губы. Чем именно недоволен брUNET, я не поняла, но гадать не стала. Какая, в сущности, разница?

А тот, окинув меня с головы до ног изучающим взглядом, тяжело вздохнул и кивнул в сторону лестницы.

— Пойдем.

Я послушно кивнула и зашагала вслед с Глуном, снова чувствуя себя под конвоем. Просто куратор так косился, словно опасался, что я могу сбежать и не выполнить свою пусть маленькую, но ответственную миссию. Такое отношение вызывало улыбку. А вот облик профессора по-прежнему озадачивал.

Помнится, я спрашивала Глуна о том, как часто тот посещает храм. И теперь, разглядывая одежду куратора, получила еще одно подтверждение — Глун не фанат всех этих церемоний. И возникал закономерный вопрос: а насколько это считалось нормальным, с точки зрения культуры и религии

Полара?

Ведь тот же Ваул может дать своему стороннику силу или защиту, как мне. А еще он, судя по всему, может эту силу отнять...

И вот интересно — наказывает ли Огненный бог за проявленное к нему неуважение? Потому что, если да, то Глун точно нарывается. А почему?

Но додумывать эту мысль я не стала. Опять-таки не до этого было. Как только мы покинули общагу и вышли в ночной парк, пришлось сосредоточиться лишь на том, как бы не подвернуть ногу.

И не важно, что идем по дорожке. Не важно, что дорожка посыпана белыми камушками, а над нами висит созданный профессором пульсар. Существует такая штука как закон подлости, и у меня нет причин полагать, что на Поларе этот закон не работает.

А потом дорожка завернула за угол башни, и я увидела гигантский костер. Хотя нет, взглядевшись, я поняла, что это вовсе не костер, а здание храма. Просто под влиянием магии по его стенам, колоннам и треугольной крыше скользили причудливые сполохи пламени. Этот огонь не бушевал, не пытался уничтожить здание, а исполнял собственный игривый танец, завораживающий и прекрасный. Он звал меня.

Вслед за куратором я переступила порог храма и остановилась, мысленно поморщившись. В малом зале находилась Шанарин. И у меня не возникло даже тени сомнения, кого именно эта стервозная брюнетка дожидается.

— Даша в полном вашем распоряжении, — подтвердил мое предположение Глун. И в спину подтолкнул, поторапливая.

Черт, как же не хотелось доверять свой внешний вид этой змее. Однако выбора не было.

Я собрала волю в кулак, запихнула подальше страхи и, подарив куратору улыбку, отправилась за той, которая убивала мои нервные клетки на протяжении всей предыдущей недели.

Мы прошли в главный зал, который пока еще тонул в полумраке, поднялись по боковой лестнице и очутились в длинном узком коридоре с цепочками одинаковых дверей по обеим его сторонам, Шанарин решительно толкнула одну из них, и мы вошли в небольшую комнату-келью. Тут к бывшей «учительнице» присоединилась еще одна жрица, помоложе, и вдвоем они занялись, собственно, подготовкой меня к обряду.

Для начала потребовалось раздеться.

С опаской складывая в стопочку вещи, я немного опасалась того, что будет дальше. Очистительные ритуальные процедуры, о которых говорил

Глун, ассоциировались у меня прежде всего с купанием и натиранием дурно пахнущими маслами. Но все оказалось проще, правда, не многим приятнее: мне пришлось в одном нижнем белье постоять минут пятнадцать, пока Шанарин ходила вокруг с курильницей наподобие нашего кадила.

Потом ее помощница принесла церемониальную одежду — длинную алую тунику из тонкой полупрозрачной ткани. И надевая «летающее» платье, я вновь убедилась в правильности принятого решения. «Выкручивать лампочки» в подобной одежде — минимум смешно. А вот обуви не предложили — танцевать предстояло босиком.

После этого Шанарин вышла, а ее помощница приступила к ритуальному мэйк-апу. Мне нарисовали стрелки в уголках глаз, подкрасили карандашом брови и начесали для пышности волосы.

Эта же жрица повторно рассказала сценарий проведения действия, точнее, той его части, в которой предстояло участвовать мне. И да, там по-прежнему не было ничего сложного. Кроме одного момента.

— Если все пойдет как надо, — сказала жрица тихо, — то вокруг тебя зажжется пламя. Это не обычная магия, не то, чему тебя учат в академии.

— А что? — не удержалась от вопроса я.

Женщина слегка улыбнулась и пояснила:

— Истинное пламя. Божественный огонь.

Где-то я про это уже слышала. Кажется, от Шанарин.

— Он не обжигает, — продолжала жрица, имени которой я так и не удосужилась спросить. — И исчезнет, когда ты закончишь танец.

А вот об этом-то мне никто не рассказал! Даже словом не обмолвился!

— И когда мне заканчивать? Когда смолкнет музыка?

— Нет. — Жрица вновь улыбалась, теперь как несмышленому ребенку. — Когда почувствуешь. Когда поймешь, что сказала все, что хотела сказать.

Хм. Ну закончу я, а барабанчики будут играть, и... Это как-то не очень хорошо получится, верно? Хотя, с другой стороны, танец — не цирковой номер и не постановка.

— Не волнуйся, — попыталась ободрить жрица.

Я улыбнулась и заверила:

— Постараюсь.

Интересно, а куратор будет присутствовать на церемонии? Наверное, все-таки да. Он же должен посмотреть, как приведенная им иномирянка... нет, не позорится — такого удовольствия профессору точно не доставлю. Просто танцует для Ваула.

А потом я услышала гулкий звук барабанов. Он звучал не здесь, а в большом зале, но проникал сквозь стены, заставляя вибрировать пол. Мерный стук окружал и обволакивал с головы до ног.

— Церемония началась, — сообщила очевидное жрица. — Ты можешь посмотреть, если хочешь.

Разумеется, я хотела.

Выскользнув из кельи, я быстро спустилась по мраморной лестнице. Шла на цыпочках, хотя понимала, что за звуком барабанов моих шагов никто не услышит. И молчаливо восхищалась — за то время, которое я провела наверху, мраморный зал преобразился, став по-настоящему праздничным.

Люстры под потолком по-прежнему не горели, и даже часть факелов из тех, что ближе к выходу, была погашена. Зато там, у трона Ваула, света было более чем достаточно. Пламя полыхало в гигантских чашах, бросало алые блики на белый мрамор колонн и стен, а статуя бога теперь напоминала солнце.

За чашами, по обеим сторонам от полукруглого алькова, где помещалась статуя, стояли барабанщики. Мерный бой их барабанов наполнял зал, отражался от стен, заставлял воздух дрожать.

Скамеек тут больше не было. Сегодня Ваула приветствовали стоя. Люди в алых балахонах толпились у статуи, но стояли, разумеется, не вплотную, потому что там, между ними и Ваулом, намечалось действие.

Количество народа оказалось весьма внушительным. Я даже не думала, что нас, студентов факультета Огня, так много. Завороженная происходящим, я сошла с лестницы и переместилась ближе, а чтобы меня не заметили, расположилась в тени одной из колонн. Взгляд скользнул по толпе, и я не смогла сдержать улыбки: в самом последнем ряду стоял куратор первого курса. И я была права — он оказался единственным, кто пришел сюда в обычной одежде. Стало быть, с религией Глун все-таки не дружит.

Барабаны резко замолчали, а через минуту в тишине храма раздался зычный, хорошо поставленный голос жреца. Мужчина, облаченный в золотое одеяние, стоял на последней ступеньке у трона Ваула и читал... нет, не проповедь. Он возносил хвалы огню и его владыке.

Я слушала вполуха, потому что в этот момент меня куда больше занимали не слова, а сам бог Огня. Вернее, его изваяние. Сейчас лицо Ваула казалось не таким, как в прошлый раз. В нем читалось не только величие, но и гордость за свой народ, за свою стихию. Будто тут

находились лучшие из лучших.

Не могу сказать, что, глядя на происходящее действо, мне захотелось стать частичкой этого мира, но все-таки это было красиво.

Тем временем жрец перешел на какой-то другой язык, совершенно мне не понятный. Но звучал этот язык плавно и распевно, казалось, что жрец читает очень длинное, очень мощное заклинание. Его слова задевали какие-то тайные струны, и когда жрец вскинул руки и выкрикнул имя бога, я невольно вздрогнула.

А через миг, вторя ему, грянул гром голосов:

— Ваул! Ваул!

И вновь забили барабаны. Сперва они звучали тихо, но с каждым мгновением звук нарастал, а ритм становился все быстрее и зажигательнее. И что-то вспыхнуло в моей душе. Нечто такое, что невозможно удержать и обуздать, но непременно хочется показать тем, кто поймет.

Мир перестал существовать, а тело жаждало действия. Я даже не дождалась знака, который должен был подать жрец — просто не могла больше медлить. Кошкой выскользнув из тени колонны, я плавно двинулась вперед.

Понятия не имею, как это выглядело со стороны, но лично я в эти мгновения чувствовала себя ведьмой. Не той, которой пугают детей, а той, которая околдовывает взрослых. Околдовывает даже не взглядом, а легким кивком или движением руки. Той женщиной, перед которой невозможно устоять.

Изначально люди стояли лицом к Ваулу и спинами ко мне. Но вот, кто-то из огневиков обернулся, тут же дернул за рукав соседа, а тот еще кого-то, и еще... А потом по залу пошел шепоток:

— Смотрите... Смотрите...

Я слышала этот шепот, несмотря на гром барабанов, и он почему-то вызывал улыбку. Толпа же расступалась, пропуская меня к статуе. Вернее, к свободному пространству перед ней, где мне предстояло танцевать.

Здесь, вблизи от огромных пылающих чаш, веяло жаром. А еще тут чувствовалась страсть. Не та, которая идет рука об руку с вожделием — другая. Страсть к жизни, к битве, к магии. Чистый, истинный огонь.

Пройдя по живому коридору, я застыла в центре импровизированной сцены. Барабаны замолчали, храм вновь наполнился тишиной.

Я помнила, что должна поприветствовать Ваула вслух. Это предполагал ритуал, и так учили Глун и жрица. Но сейчас лично мне слова были не нужны, и я была уверена, Ваулу тоже.

И, что самое невероятное, барабанщики — эти мощные парни в алых,

расшитых золотом одеждах — все поняли. Они не стали ждать.

Раздался удар, еще удар, и вот уже все барабаны отбивают для меня ритм.

Просто ритм. Тихий, ни к чему не обязывающий стук. Но он наполняет меня какой-то особенной, невероятной силой. Я улыбаюсь статуе бога и плавно отступаю на шаг, чтобы в следующий миг сделать первое движение. И мне глубоко плевать, что Глун и Шанарин его не одобряют.

Ритм.

Движение бедрами. И снова, и опять. Поворот. Я протягиваю руку к ближайшей чаше. До нее шагов десять, но это не важно. Я сейчас не маг, я нечто большее. И огонь подчиняется, он взмывает вверх, приветствуя сестру.

Ритм.

Я улыбаюсь и отпускаю пламя, чтобы следуя за этой диковатой музыкой, повернуться и вновь протянуть руку. Огонь в другой чаше взмывает ввысь и тут же опадает. Я улыбаюсь и ему, а после кланяюсь в ответ.

Ритм ускоряется.

Я тоже начинаю двигаться быстрее.

Я — огонь, такой же, как танцует в чашах. Я — пламя. Неприрученная дикарка. Дикарка, которая безумно счастлива раствориться в этом ритме. Та, которой глубоко плевать, что о ней думают остальные.

Взрыв! Барабаны ударили громко, все разом, и я потеряла себя.

Я стала частичкой стихии.

В миг, когда это случилось, изменилось все. Слепяще-белое пламя вырвалось из чаш и помчалось ко мне, а я встречала его с улыбкой. Это было волшебно, но вместе с тем настолько реально! Танцевать с огнем, быть огнем, гореть.

Пламя окружило стеной, и барабаны возликовали. Ритм ускорился, а я... я окончательно сошла с ума.

Шаг, движение бедрами, плавное скольжение. Прикосновение к пламени. Мы одно целое, мы стихия.

Еще шаг, я прогибаюсь назад настолько, что едва не падаю, но огонь страхует — это поддержка партнера.

Шаг. Ласкающее пламя рядом.

Поворот. Мир кружится вместе со мной.

Я — огонь.

Я — стихия.

...Не знаю, как долго это продолжалось: может, минуту, может — час. И не знаю точно, когда все изменилось. Но перемена все же произошла.

Я, как и прежде, слышала бешеный стук барабанов, двигалась, скользила, но с окружающим меня пламенем что-то произошло. Внешне, для наблюдающих за танцем Огня, ничего не изменилось, но отсюда, изнутри, это чувствовалось.

Сперва пламя отставало от меня на долю секунды, но чем дальше, тем сильнее становился этот разрыв, этот диссонанс движений. И еще... я внезапно ощутила жар.

Это было невозможно, этого никак не могло произойти, потому что огонь, я это знала, был истинным. А истинный божественный огонь обжечь неспособен.

Однако этот — жег. Хуже того, он пытался укусить.

В какой-то момент крыло пламени качнулось ко мне, и я сбилась с ритма, потому что пришлось отскочить. И после этого с ужасом осознала: сработал инстинкт, тот самый, который древнее и сильнее любой магии. Инстинкт выживания.

И все. Волшебство кончилось, разбилось, как хрупкая хрустальная ваза.

А в следующий миг меня охватила паника, потому что в пламени мелькнуло женское лицо, и я услышала очень тихое, но предельно злое:

«Танцуй!»

Я замерла, чтобы тут же отскочить, уйти от выпада огненной плети.

«Ну же, танцуй!» — вновь прошипела мелькнувшая в пламени женщина.

Она была ненастоящей, не материальной, она... собственно, огнем она и была.

И я вдруг как-то разом осознала — это конец. Мой конец. Допрыгалась.

«Танцуй! Я приказываю!»

Я вновь отпрыгнула, избегая очередного выпада, и помотала головой — нет. Нет!

Что творится снаружи, я толком не видела — стена огня была слишком плотной. Но в какой-то момент она, словно специально, истончилась, показывая одного единственного человека. Вернее, одну единственную женщину. Шанарин.

Жрица центрального городского храма стояла на возвышении, возле одной из колонн, и улыбалась. А мне разом вспомнился весь тот ворох нападок и замечаний, ее намеки и легенда об обретении магии.

Осознание было подобно удару кнутом.

— Вы — его жена?

Послышался смех. Тихий, но полный сдержанной ярости. А следом...

«Что? Не ожидала?»

На этот раз стена огня не качнулась, просто кольцо начало сжиматься, и меня, несмотря на обжигающий жар пламени, пробил холодный пот.

— Вы не поняли! — сипло прошептала я. — Я не претендую на вашего мужа! Я не претендую на Ваула!

Ответа не последовало, но я поняла — не верит.

И опять зазвучал смех. На фоне оборвавшейся песни барабанов он показался особенно зловещим.

«Танцуй, девчонка!» — прошипела огненная женщина даже не приказ, а приговор.

Я хотела закричать, но не смогла — дыхание от жара перехватило.

Это действительно конец. Даже взмолилась я сейчас о помощи, в божественную магию невозможно вмешаться. Огонь, призванный моим танцем, не укротить ни одному из магов, потому что это — Истина! Это чистая, дикая стихия, которая не подчиняется никому, кроме высших существ.

И на фоне этого осознания злой рык Каста показался даже не глупостью — абсурдом. Почти таким же чистым, как ненависть, которую испытывала ко мне жена Ваула.

— Прекрати!

Смех. Кольцо сужается. Еще секунда, и я смогу дотянуться до него рукой. Еще немного, и я сгорю заживо.

— Прекрати, я сказал!

Вот теперь огненная женщина раздраженно прошипела:

«Убирайся, щенок!»

Каст не мог расслышать ее ответ. Или все-таки мог?

— Дура! — донеслось сквозь пламя, и мир внезапно изменился.

По глазам резанула вспышка. Яркая настолько, что брызнули слезы.

И кольцо окружающего меня пламени под чужим влиянием рвется. Огонь шипит и пытается сопротивляться, но тот, кто вмешался, сильнее. Действительно сильней.

«Щенок! — огненная тень уже не шипит, она визжит. — Ублюдок!»

А я поворачиваю голову и вижу его — злющего, как все черти ада, пижона.

И читаю по губам:

— Старая ревнивая дура!

Нет. Мне не померещилось, и это действительно так. Каст подчинил божественное пламя! Я не ошиблась. Но... разве такое возможно?

— Девчонка моя! — прорычал Каст. — Моя! Убирайся!

Черные глаза пижона полыхнули огнем. Короткий пасс, и его ладони наполнились светом... черт! Это не свет, это тоже огонь, только белый! Истинное пламя!

И, глядя на него, я уже не знаю, кого бояться сильнее — убийцу или спасителя.

Зато жена Ваула знала наверняка.

«Ублюдок!!!» — раздался последний, полный бессильного бешенства крик.

И все.

Пламя опадает и затухающим бисером рассыпается по полу.

Я же стою и замороженно смотрю на своего спасителя. Он шагах в пяти, так что вижу отлично: глаза Каста темнеют и становятся прежними, а белое пламя, сиявшее на ладонях, обращается обычным, рыжим огнем. То есть словно ничего и не было. Словно... Каст маскируется.

Ноги подгибаются, но упасть я не успеваю. Просто кто-то рыжий и по-прежнему предельно злой буквально пролетает эти несколько шагов и хватает в охапку.

А я, пусть и совершенно без сил, но с неожиданной ясностью поняла — жена Ваула не просто так назвала Каста ублюдком. Несмотря на крик и яростный тон, она не оскорбляла. Она констатировала факт.

И теперь, глядя на Каста, я совершенно четко видела его сходство с чертами золотой статуи, рядом с которой мы находились. Тот же нос, те же губы, тот же разрез глаз...

— Дашка? — прорычал Каст, но это была не злость, а беспокойство. Он просто не успел переключиться.

Боже, во что же я вляпалась? Нет, на самом деле, во что?

— Почему твой отец не вмешался? — задала я самый главный сейчас для себя вопрос.

Ведь я танцевала для Ваула! Для него одного! А он...

Лицо Каста приобрело страдальческое выражение.

— Почему? — повторила я требовательно.

— Потому что Ваул знает, что я в состоянии сам о тебе позаботиться.

— Ты? Почему ты? — Теперь я совсем ничего не понимала.

Кажется, Каст ждал другой реакции. Он закатил глаза, а голос стал жестким, и в нем зазвучало раздражение:

— Ладно, давай считать, что Ваул не хотел ссориться с женой, а я был

поблизости и... — И все-таки Каст не выдержал. — Гхарн, Дашка! Что за допрос?! И вообще, ты не о том думаешь!

— А о чем мне думать? — растерянно огрызнулась я.

Злость на лице Каста отступила, а на губах появилась коварная улыбка.

— О том, что теперь ты мне точно должна, Дашка. И я требую...

Что он хочет потребовать, стало ясно без слов. Каст потянулся к моим губам, а я...

Нет, конечно, это произошло не специально, но по факту, я повела себя как истинная леди, угодившая в объятия наглого соблазнителя.

Я уплыла в обморок.

Эпилог

Очнулась я от резкого, ужасно неприятного запаха, ударившего в нос и, вздрогнув всем телом, распахнула глаза. Сердце испуганно застучало.

Страшно было в первую очередь от четкого понимания собственной беспомощности: не смогла, потеряла контроль над тем, что всегда должно подчиняться — над своим разумом. Ну и над телом заодно.

— Тш-ш, спокойно. Все хорошо, — произнес рядом кто-то. Голос принадлежал мужчине.

Я вздрогнула опять. Дернулась, попыталась сесть, но меня удержали. И только теперь я увидела, что рядом находится куратор.

Лорд Глун был серьезен и сосредоточен. Никаких ухмылок, никаких ядовитых ноток в голосе, никакого пренебрежения.

— Тихо, Даша, — ровно произнес он. — Не бойся. Никто тебя не обидит.

Только теперь я осознала, что лежу не на полу, а на чем-то мягком. И что нахожусь не в храмовом зале, а в одном из служебных помещений. Келья была отдаленно похожа на ту, в которой меня переодевали и красили. Видимо, после того, как я упала в обморок, меня перенесли на верхний этаж в одну из многочисленных комнат.

— Что... — начала было я, но замолчала.

Все случившееся я помнила вплоть до самых мелких деталей.

— Молчи. — Глун не требовал, а просил, как доктор просит больного. — Сейчас полежишь, придешь в себя, и мы пойдем в академию.

Мы? В академию?

— А... — начала и снова не смогла договорить.

Слова и вопросы застревали в горле. Меня вообще охватило какое-то странное чувство: вроде бы и ясно все, но поговорить-то надо. Я же только что из обморока! Первого в жизни. И как себя вести в этой ситуации? И... почему я тут? И почему со мной Глун?

Куратор подарил мимолетную улыбку и отвернулся, чтобы подхватить с маленького столика стакан, наполненный розовой жидкостью. А я с трудом приподнялась на подушке, потому что лежать беспомощной тушкой, да еще при Глуне, не хотелось.

— Выпей, — сказал куратор.

Он даже не попробовал передать мне питье. Просто придержал за плечи и поднес стакан к моим губам.

— Что? — попыталась слабо воспротивиться я.

А как иначе? Я же вижу — это точно не вода. Может, меня теперь добить хотят? Отравить во славу жены Ваула. Тем более что Ваул, как показала практика, за меня больше не вступится. Богу Огня, видимо, одного раза хватило. Лимит исчерпан.

— Лекарство, Даш, — явно угадав ход моих мыслей, ответил фон Глун. — Наш вариант успокоительного.

Не знаю почему, но я поверила. Правда, попыталась забрать стакан, но не смогла: слишком тряслись руки.

— Сейчас не время проявлять самостоятельность, — укорил брюнет. Удивительно, но говорил он по-прежнему нормальным тоном. Даже тени издевки не было.

Наверное, именно поэтому, отпив из поднесенного к моим губам стакана, я решилась спросить:

— Лорд Глун, а почему вы?

Мой корявый вопрос был понят совершенно верно.

— Ну а кто еще? Я же твой куратор.

У-у! То есть мне следовало оказаться на грани смерти и грохнуть в обморок, чтобы Глун наконец-то вспомнил о своих прямых обязанностях? Интере-есно... А, может, меня по этому случаю и домой отпустят, а?

— Даша, допей, пожалуйста.

Я подчинилась. Безропотно позволила Глуну влить в меня остатки розоватой жидкости, а потом, чувствуя, как по телу разливается приятное тепло, вновь облокотилась на подушки. Куратор же отставил опустевший стакан на столик, скользнул по мне задумчивым взглядом и принялся расшнуровывать ворот своей рубахи.

Так. Подождите. Это еще что такое? По какому поводу стриптиз?

Заметив мое изумление, Глун тихо рассмеялся.

— Даже не надейся, Даша, — с неуместно-лукавой улыбкой сообщил он. А потом, уже серьезно, без подколов. — На одежду свою посмотри.

И я посмотрела. Вот лучше бы этого не делала, честное слово!

Церемониальная туника и раньше, в виду прозрачности, мало что скрывала, а теперь и вовсе в подпаленную, местами откровенно прожженную тряпку превратилась.

В общем, я тут тоже стриптиз, как оказалось, показывала. И если учесть, что бюстика под туникой изначально не предполагалось... Черт!

Я машинально прикрыла грудь одной рукой — ну, насколько смогла, и в панике принялась ощупывать голову.

Уф! Слава богу, не лысая. И ожогов, к великой радости, тоже, кажется,

нет. По крайней мере, боли нигде не чувствуется.

Куратор, тем временем, снял с себя рубаху и протянул мне. Я вредничать не стала — взяла одежду и, сгорая уже исключительно от смущения, попросила:

— Отвернитесь, пожалуйста.

Фон Глун тихо фыркнул.

Нет, ну понятно, что он тут уже все видел и ему вообще неинтересно, потому что я — иномирянка. Но все же!

Он мое смятение понял. Поднялся на ноги и демонстративно повернулся спиной. Комната сразу такой маленькой, такой тесной стала.

И хотя в этот момент мне было откровенно не до Глуна и уж тем более не до рельефов его торса, но я все-таки по инерции глянула и... застыла в оцепенении. Просто когда куратор поворачивался, я заметила на его боку тонкий шрам. Точь-в-точь такой же, как в моем сне.

На мгновение мне стало нехорошо, а дыхание перехватило. Что это еще за шутки? Что за игры подсознания? Или у меня просто глюки? Или...

— Ты все? — спросил Глун.

Я вздрогнула и дрожащими руками кое-как натянула на себя рубашку. Вот только почувствовала, как предательски запыхтели щеки, а память заботливо подсунула картинку из того сна. Глун и я, на алых простынях, а губы мужчины жадно, настойчиво...

Так. Стоп. Довольно! Никаких губ! Никаких снов!

— Даш, все в порядке? — позвал предмет моего неуместного беспокойства. Он уже повернулся, несмотря на то что я как бы и не разрешала.

— Ага. Все хорошо, профессор, — сипло выдавила я.

— Тогда попробуй встать. — Глун протянул руку в намерении помочь. — Нужно возвращаться в академию.

Я попыталась, но едва схватилась за куратора, вспомнила кое-что важное и потерянно сообщила:

— А у меня обуви нет. Вернее, она есть, но где-то в одной из комнат, и я точно не знаю, в какой. Там еще одежда...

Брюнет закатил глаза.

— Завтра заберешь. — В его голосе прорезались знакомые ядовитые нотки. — У меня сейчас нет никакого желания разыскивать по всему храму твои вещи.

Нормально, вообще?

— Профессор, вы не понимаете. Я не дойду босиком.

Фон Глун тяжело вздохнул и сообщил убийственное:

— Уговорила. Донесу.

У меня банально отпала челюсть. Нет, я вообще-то, ничего против такого способа передвижения не имею, но это ведь... это же Глун, черт возьми! К тому же...

— Профессор, ничего не получится, — выдохнула я.

— Что еще? — раздраженно уточнил он.

— Ключ. Ключ от моей комнаты. Он в кармане мантии.

Вот теперь точно все. Терпение куратора лопнуло, и через миг передо мной предстал тот самый язвительно-ядовитый тип, который, как морковку с грядки, вырвал из родного мира и приволок в эту жуткую академию.

И этот самый тип наклонился и с непередаваемой интонацией произнес:

— Ничего страшного. Твиря попросишь — он и откроет. Для него вскрыть такой замок проще простого. — А потом добавил совсем ядовито: — Все? Или еще какие-нибудь пожелания будут?

Ага. Одно точно есть...

Кто-нибудь, заберите меня отсюда!